

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЫНИЦА.

(МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ НАРОДА.)

I.

Хотя грустно, что до-сихъ-поръ для исторіи нашего народа мы можемъ представить только не совсѣмъ благовидные факты изъ его исторической жизни, факты, повидимому, набрасывающіе тѣнь на чистоту его побужденій, однако утѣшимъ себя мыслью, что невольныя заблужденія его вызваны обстоятельствами, отстранить которыя было не въ его волѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для полнаго пониманія историческаго склада государства необходимо знать и оцѣнить, между прочимъ, и такія явленія, которыя повидимому препятствовали успѣшному ходу государственной жизни, останавливали ея развитіе, — однимъ словомъ — явленія регрессивныя. Такими явленіями, съ извѣстной точки зрѣнія, считаются тѣ препятствія, которыя встрѣчала администрація въ поволожьѣ и по всѣмъ крайнимъ провинціямъ въ прошломъ столѣтіи. Препятствія эти правительство встрѣчало въ самомъ населеніи крайнихъ провинцій и особенно въ народѣ, бродячемъ, непривыкшемъ къ мѣсту, и въ бѣглыхъ всякаго рода, а на Волгѣ — въ такъ называемыхъ «сходцахъ» и «попозовой волыницѣ».

Замѣчено, что русскій народъ, не смотря на осѣдлый характеръ, свойственный земледѣльческой странѣ, склоненъ къ бродячей жизни; что безъ видимыхъ причинъ онъ покидаетъ родину и идетъ искать чего-то на чужой сторонѣ. Но эта неуживчи-

вость лежить, кажется, не въ характерѣ народа, какъ объясняютъ многіе, а есть слѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ. Если замѣчаютъ, что онъ легко покидаетъ родное село и кладбище отцовъ, то слѣдовало бы замѣтить, что, покидая одно, онъ ищетъ другаго, лучшаго: пойманнѣй и уличеннѣй «Иванъ непомнящій родства,» на вопросъ судьи о причинѣ побѣга, всегда отвѣчаетъ, что не «отъ добра бѣгаетъ,» что «отъ добра добра не ищутъ». Такъ, въ слѣдствіе извѣстныхъ причинъ, въ XVIII столѣтіи народъ бѣжалъ въ Польшу и за турецкую границу; въ болѣе позднее время, въ нынѣшнемъ столѣтіи, онъ бѣгалъ на Янкъ, «на сыговья воды и кисельные берега,» на «Дарью-рѣку» и на «Новую линію;» нѣсколько лѣтъ назадъ цѣлыя села бѣжали въ Анапу, — потому что невѣдомыя страны эти представлялись обѣтованною землею, гдѣ трудъ не тяжелъ и не благодаренъ, гдѣ человѣку живется легко и свободно. Передъ самымъ царствованіемъ императрицы Екатерины II, во время крестьянскихъ смуть, народъ бѣжалъ цѣлыми воччинами къ Царщину и Камышину; цѣлыя села покидали свои родныя усадьбы, забирая лошадей, скотъ и домашнюю рухлядь. По всемъ мѣстамъ разглашалась вѣсть, что бѣглецы, переправясь за Волгу, порши тамъ себѣ землянки и живутъ счастливо. Говорили, что переселенцевъ принимаетъ за Волгой какой-то майоръ Парубучъ *). Съ трудомъ могли остановить это движеніе. Съ давнихъ поръ по всему низовью и за Волгой разбѣяны были вышедшіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи «сходцы,» которые никуда не приписывались, не обзаводились хозяйствомъ и жили Богъ вѣсть чѣмъ. При заселеніи Петербурга и его окрестностей, сходцевъ требовали на житье въ новую столицу: но эти «подлые люди,» какъ назывались они въ указахъ, бѣжали за Кубань, на Куму, за Волгу и Янкъ въ бухарскую сторону, въ Персію, гдѣ «босурманились,» жили «звѣрски, въ отчаяніи» **). Въ Россію они не хотѣли идти; и если и возвращались, то только за тѣмъ, чтобъ дополнить собой шайки бродягъ. По обнаруженіи извѣстнаго манифеста, которымъ приглашались на житье въ Россію иностранцы и вызывались раскольники, послѣдніе толпами стали переходить польскую границу и являться на русскихъ форпостахъ и въ крѣпостяхъ, для внесенія себя въ списки выходцевъ: съ ними шли и бѣглецы комѣщичьи крестьяне. Раскольники, возвра-

*) Полное собраніе законовъ, т. XV. 10.791.

**) XVI. 12,003.

пчаясь на родину, селились на новоотведенныхъ мѣстахъ, но не могли уже мириться съ новымъ положеніемъ и снова начинали бродячую жизнь. Помѣщичьи крестьяне также неласково принимались своими господами: какъ скоро являлись они въ покинутыя вотчины, гдѣ по ревизскимъ сказкамъ значились въ числѣ бѣглыхъ или вовсе были пропущены, помѣщики прямо вези ихъ въ присутствіе и брали *). Встрѣтивъ такой пріемъ, бѣглецы опять покидали вотчины и разсылались по Россіи. Они снова уходили за польскую границу; уводили съ собой родныхъ, знакомыхъ; бунтовали цѣлыя имѣнія, — и, погулявъ за границей, огромными шайками врываются въ предѣлы Россіи, расходились по всѣмъ дорогамъ, грабили и разоряли все; они нападали на крѣпости и форпосты; наводили страхъ на жителей; многихъ брали съ собой и удалялись въ Польшу. За ними посылались отряды; они тайно переходили границу, ловили бѣглыхъ, приводили въ Россію и силою водворяли на прежнихъ мѣстахъ **). Но непрочно были такимъ путемъ добытые подданные.

Во время послѣднихъ смутъ крестьяне толпами убѣгали въ Сибирь и самовольно селились тамъ, не имѣя никакого письменнаго вида. Число бѣглецовъ такъ увеличилось, что ихъ велѣно было переписать и положить въ подушный окладъ ***). Къ своимъ помѣщикамъ они не хотѣли возвращаться и скорѣе соглашались жить въ Сибири или всю жизнь шататься по міру, чѣмъ быть въ прежней зависимости. Иные убѣгали въ раскольничьи скиты, разсѣянные по лѣсамъ; основывали новыя пустыни; другіе шли въ православные монастыри, посвящались въ монахи ****), и лучше хотѣли отказаться навсегда отъ міра, чѣмъ воротиться домой. Многіе, особенно послѣ заразы 1770 года, лишившись родныхъ и поддержки, бродили по міру, заходили въ Москву, шатались по выморочнымъ домамъ и грабили *****). Переходя изъ села въ село, бѣглецы, на вопросъ воеводъ и комендантовъ— что за люди?— отвѣчали, что выходцы изъ Польши въ силу манифеста 62 года, — и пропускаясь безпрепятственно. Между этими шайками ходили бѣглецы солдаты, вездѣ находившіе радужный пріемъ и покойный ночлегъ; самыя войска были не въ блес-

*) Полн. собр. зак. XVI. 12,266, XIX. 13,517.

***) Полн. собр. зак. XVI. 11,894.

****) XVI. 11,860.

*****) XIX. 13. 413.

*****) Полн. собр. зак. XIX. 13,767.

тящемъ положеніи. Отставные солдаты высылались въ казанскую губернію на поселеніе; они ходили безъ конвоя и, разсѣявшись по Россіи, праздно проводили время «къ безславію государства,» пускались на воровства и грабежи. Ихъ велѣно было водить съ конвоемъ *). Регулярныя войска, размѣщенныя по квартирамъ, продолжали чинить жителямъ «дурно,» какъ чинилъ его при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Иванѣ Грозномъ: ихъ постой былъ ничѣмъ не лучше грабежа и они доводили хозяевъ до того, что тѣ бросали свои дома и убѣгали отъ своихъ постояльцевъ. Былъ даже указъ, которымъ вмѣнялось командирамъ войскъ, — не допускать хозяевъ къ побѣгу.

Но больше всего бѣгали арестанты и пересыльные въ Сибирь. Колодники, навязанные на длинныя канаты, — проходили неизмѣримыя пространства: ихъ водили изъ Рогервика и болѣе отдаленныхъ мѣстъ до самого Нерчинска; въ Твери и другихъ поволжскихъ пристаняхъ устроены были особыя суда, на которыхъ вели ссыльныхъ до Казани и Самары **). Дорогой они бѣгали, потому что отправка была плохая и притомъ тяжелая. Всѣхъ сибирскихъ арестантовъ водили для пытки въ Иркутскъ: Нерчинскъ посылалъ пытать своихъ колодниковъ за 946 верстъ, Селенгинскъ за 402 версты, черезъ море, Якутскъ за 2266 верстъ, Охотскъ за 3037; разстояніе между камчатскимъ большерѣдкимъ острогомъ и Иркутскомъ даже было вовсе неизвѣстно: втеченіе года арестанты не доходили до Иркутска, умирали отъ голода и холода; другіе бѣгали съ дороги ***). Да и нельзя было не бѣгать даже тѣмъ, которые содержались по тюрьмамъ внутри Россіи: арестанты помѣщались дурно, въ какихъ-то хлѣвахъ сырыхъ и темныхъ, въ подвалахъ и погребяхъ; ихъ набивали въ тѣсныя казематы до послѣдней возможности, хотя и не велѣно было помѣщать болѣе трехъ человекъ на одной квадратной сажени, гдѣ три человека могли свободно лечь и умереть; арестантскія дѣла тянулись безконечно-долго; а по прочтеніи приговоровъ и по наказаніи, преступниковъ долго не высылали въ Сибирь, а оставляли въ тюрьмахъ, заставляя ихъ ходить по міру для сбора милостыни; милостыня отбиралась тюремнымъ пачальствомъ, а колодникамъ изъ этого подаванія выдавалось по копѣйкѣ кормовыхъ на сутки. За то бѣглые арестанты дѣлались самыми закоренѣлыми разбойни-

*) XVI. 11,617.

**) Полн. собр. зак. XVI.

***) XVII. 12,345.

ками. Къ довершенію сумятицы, между толпами бѣглыхъ крестьявъ, раскольниковъ и арестантовъ, бродилъ по всей Россіи вольный малороссійскій непоселитый народъ, цѣлыми массами подвигаясь на востокъ и наводняя собою поволжскія губерніи. Смѣлость бродячаго населенія доходила до того, что они нападали на партіи рекрутъ — повобранцевъ, разбивали конвойные отряды и уводили съ собой будущихъ солдатъ, не допуская до присутствія.

Изъ бѣглыхъ формировались шайки воровъ и разбойниковъ. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра I, да и вообще съ самаго начала утвержденія общаго гражданскаго порядка въ Россіи съ призваніемъ на престолъ дома Романовыхъ, ни одна правительственная мѣра не преслѣдовалась съ такимъ постоянствомъ, какъ искорененіе воровъ и разбойниковъ. Это была одна изъ самыхъ чувствительныхъ ранъ стараго русскаго общества, которая постоянно напоминала правительству, что административныя формы не уложились еще въ стройныя формы. По всемі. концамъ государства ходили правильно-организованныя шайки разбойниковъ, предводительствуемыя избранными изъ себя атаманами и эсаулами; атаманы назывались почетнымъ именемъ *батюшки* и держали своихъ подчиненныхъ въ безпрекословномъ повиновеніи; провинившихся разбойниковъ казнили по приговору собственнаго суда, — вѣшали, — топили, убивали изъ ружья, кололи, или выгоняли изъ артези. Разбойники нападали на обозы, грабили и жгли селенія; вѣшали попадавшихъ имъ въ руки; разбивали караваны по рѣкамъ. Противъ нихъ постоянно издавались указы; учреждены были въ каждомъ уѣздѣ особыя сыщики съ военными отрядами, которые завѣдывали судомъ и казнью виновныхъ. Въ 1762 году искорененіе разбойниковъ поручено было губернаторамъ, воеводамъ, комендатамъ крѣпостей, командирамъ войскъ, расположенныхъ по квартирамъ, и самимъ помещикамъ. Имъ дана была изъ сената подробная инструкція. Даже при подачѣ ревизскихъ сказокъ велѣно было отмѣчать, что въ вотчинѣ или въ волости нѣтъ ни становъ, ни разбойниковъ, ни пристанодержателей. Вездѣ учреждены были заставы, караулы и разъѣзды. Способъ, принятой нынѣ на Кавказѣ для стѣсненія Черкесовъ, употреблялся тогда въ отношеніи къ разбойникамъ: въ степныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ проводились новыя дороги; по обѣимъ сторонамъ дорогъ широко вырубался лѣсъ для прохода отрядовъ; дѣлались лѣсныя просѣки и учреждались стѣзкіе и сторожевые пункты. При появленіи шакъ, изъ городовъ

и крѣпостей командировались гарнизонные отряды; противъ большихъ разбойничьихъ партій высылались отряды изъ полковъ дѣйствующей арміи; за неимѣніемъ войскъ собирались и вооружались тѣмъ могли оставшіе унтеръ-офицеры и солдаты, стогнялись вооруженные обыватели и все, кто только могъ владѣть топоромъ или рогатиной *).

Это смутное время, обнимающее цѣлыя два столѣтія, оставило намъ много пѣсенъ, которыя и теперь не забываются народомъ, и въ которыхъ говорится о крѣпкихъ караулахъ и заставахъ, разставленныхъ по дорогамъ.

Впрочемъ не помогали ни заставы, ни крѣпкіе караулы. Разбойниковъ ловили и сажали въ тюрьмы; но непоиманные дѣлались еще жесточе. По судамъ разбойничьи дѣла тянулись безконечно долго, потому что дѣло не завершалось до тѣхъ поръ, пока не находили всѣхъ оговоренныхъ. Оттого тюрьмы и остроги, съ выходами и подземельями, были наполнены до невозможности. Разбойники, воры, грабители, взяточники, похитители государственной казны и убійцы, говоритъ сенатъ, сидя по тюрьмамъ, наносили народу страшный вредъ, причиняли ему всевозможныя бѣдствія, истязанія и «невинное кровопролитіе». По прошествіи довольно значительнаго времени послѣ первыхъ допросовъ, арестанты, мстя кому по злобѣ или по наущенію товарищей, оговаривали невинныхъ и доводили до пытокъ; потомъ какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ, они «сговаривали» съ ними и показывали на другихъ, ни въ чемъ невинныхъ. Сидя цѣлыя годы подъ карауломъ, они находили средства къ побѣгу, разбивали тюрьмы и погреба, въ которыхъ содержались; другіе, отправляемые въ Сибирь и Рогервикъ «на связкахъ», перенутанные длиннымъ канатомъ вмѣсто цѣпи, уходили съ дороги отъ приставниковъ, подвергая ихъ тѣмъ же пыткамъ, которыя сами выдержали, и возвращались «на прежнія свои злодѣяства съ вящимъ устремленіемъ къ погубленію бѣдныхъ поселянъ,» какъ съ прискорбіемъ выразился сенатъ; особенно доставалось тѣмъ, кто ихъ приводилъ, или показывалъ на нихъ, или открывалъ ихъ станъ: такихъ они «тирански мучили, жгли, грабили, убивали до смерти и разоряли до основанія,» наводя ужасъ на цѣлыя уѣзды. Они наводили такой страхъ на жителей, что никто не рѣшался ихъ ловить; притомъ всегда брали самого доказчика, оговаривали и пытали вмѣстѣ съ ворами. Разбойныя дѣла велѣ-

*) Указ. Екат. 1779; 65—67.

по было производить съѣздно, въ одинъ мѣсяць, а иногда, — не выходя и въ праздникъ изъ присутствія, тутъ же дѣлались очныя ставки и пытки.

Чтобы поощрить сыщиковъ, имъ выдавали изъ казны деньги за каждаго пойманнаго разбойника: за атамана платили тридцать рублей, за простаго разбойника десять, за пристаюдержателя — пятьдесятъ, еслибъ даже его представилъ въ судъ самъ разбойникъ *).

Въ случаѣ отысканія гдѣ либо воровъ или становъ, на все село, къ которому принадлежали разбойники, налагалась *выть* — плата за все пограбленное имущество **) Тогда производились стачки истцовъ съ судьями: обоюдное «мохлѣбство», скрѣпляемое взяжкой, заставляло судью обвинять разбойниковъ въ большихъ грабежахъ, чѣмъ они произвели на самомъ дѣлѣ; въ случаѣ упорства, виновныхъ пытали и принуждали говорить то, чего добивались истцы и судьи. Потому на цѣлыя волости налагалась огромная выть, и часть собранныхъ денегъ шла въ карманы судей, а другою вознаграждались просители.

Разбой были такимъ естественнымъ дѣломъ, что въ самыхъ столицахъ нельзя было разсчитывать на совершенную безопасность. Даже Петербургъ былъ окруженъ шайками воровъ и разбойниковъ, которые грабили иѣшаго и коннаго; въ шести верстахъ отъ Петербурга разбойники убили французскаго курьера; въ самомъ городѣ попадались на улицахъ мертвыя тѣла, а въ домахъ производились открытые разбой. Столица представляла видъ города, находящагося въ осажденномъ положеніи: въ трехъ главныхъ частяхъ Петербурга расположены были отряды, начальство надъ которыми поручено было генераль-лейтенантамъ Ушакову и Бороздину и вице-адмиралу Мордвинову; на всѣхъ перекресткахъ разставлены были рогаточные караулы, по ночамъ ходили частые дозоры и пропускали только того, кто имѣлъ фонарь, всѣмъ караульнымъ положено было имѣть треножки, и по первой тревогѣ жители выходили изъ домовъ какъ на пожаръ ***).

*) Полн. собр. зак. XVI. 11,750.

**) Полн. собр. зак. XVII. 12,455.

***) Ук. 1762.

Но и гдѣ разбой не принимали такихъ страшныхъ размѣровъ какъ въ поволожьѣ. Виродолженіе всего прошлаго столѣтія исторія поволожья да и всей юговосточной Россіи представляетъ странную картину борьбы стараго порядка съ новымъ, необузданной воли съ администраціей. Колонизація края идетъ довольно успѣшно; правительство обращаетъ вниманіе на водвореніе порядка и тишины въ новонаселенныхъ провинціяхъ; ограждаетъ ихъ укрѣпленными линіями и форпостами отъ вторженія дикихъ азіатскихъ ордъ; вызываетъ изъ-за границы иѣмецкихъ поселенцевъ; поволжскіе города начинаютъ строиться и богатѣть, поля — засѣваются хлѣбомъ. — Но старыи порядокъ менѣе всего уничтожался въ поволжьѣ; дряхлый XVII вѣкъ не робко прятался передъ нововведеніями, а долго напоминалъ о себѣ жестокими сценами, возмущая спокойствіе страны. По Волгѣ и по степямъ, тамъ гдѣ плавали торговые караваны и начинали ходить обозы отъ города до города, — разъѣзжали тѣже толпы разбойниковъ съ своими избранными атаманами и эсаулами, грабили суда и обозы, жгли села, убивали народъ или завлекали въ свои шайки. Этихъ шакъ было безчисленное множество; онѣ собирались мгновенно, по зову атамана, имѣли вездѣ пристанодержателей, отдѣльные разбойничьи станы, прятались въ заводахъ, въложкахъ, по оврагамъ и степнымъ балкамъ; въ случаѣ опасности расходились, потомъ собирались снова и грабили. За ними, какъ и въ остальной Россіи, посылались отряды солдатъ, которыхъ они иногда разбивали, а иногда и сами были разбиваемы, попадались въ руки и жестоко наказывались: ихъ вѣшали, били кнутомъ, ссылали въ Нерчинскъ; они возвращались снова на Волгу къ своимъ станамъ; набирали новыя шайки или приставали къ старымъ, метили за свои спины и вырванныя ноздри; отчаянно нападали на военные отряды; застигали въ располхъ и грабили дѣля селенія, жгли хутора и уметы, вѣшали всѣхъ сопротивлявшихся имъ, преимущественно помѣщиковъ и чиновниковъ. Разъѣзжая по Волгѣ «въ легкихъ лодочкахъ», они емѣли свои пушки, которыми отстрѣливались отъ военныхъ разъѣздовъ; свobodно приставали къ рыболовнымъ ватагамъ, гдѣ часто встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ и съ солью и только изрѣдка защищались имѣвшимися на ватагахъ караульными пушками, которыя доставались побѣдителямъ. Разбойники не страшлись ни воинскихъ выслоекъ, противъ нихъ, ни обывателей: о приближеніи командъ ихъ извѣщали пристанодержатели, находившіеся почти въ каждомъ селѣ, особенно по хуго-

рамъ; обыватели не вредили имъ, потому что боялись ихъ мщенія и оговора, а иногда и считали выгоднымъ быть въ дружбѣ

Съ попизовыми бурлаками,
Съ ярыгами кабацкими.

«Попизовые бурлаки» извѣстны были во всей Россіи; ихъ знало правительство какъ самыхъ опасныхъ разбойниковъ; ихъ опасались коменданты крѣпостей, расположенныхъ по юговосточнымъ и восточнымъ линіямъ; ихъ трепетали волжскіе судопромышленники, которыхъ бурлаки каждую веспу абордировали на своихъ косныхъ лодкахъ: отбирали ихъ казну, брали товары, ружья, пушки, порохъ и паспорта. Не одна мать оплакивала любимого сына, ходившаго «во царевъ кабакъ» и завлеченнаго въ разбой попизовыми бурлаками, какъ поется до сихъ поръ въ пѣснѣ:

Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:
Петерять тебѣ, сыну, буйну голову.

Полная лѣтопись походовъ всѣхъ главныхъ шаекъ попизовой вольницы и удовлетворительное объясненіе этого явленія въ русской исторіи, возможны только при хорошей разработкѣ неизданныхъ архивныхъ дѣлъ, и потому мы передаемъ здѣсь одни извѣстные намъ факты изъ этой внутренней, такъ сказать, домашней и интимной нетронутой исторіи нашего народа, къ которому принадлежала вольница.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, шайки попизовой вольницы начали замѣтно увеличиваться, и поволжье втеченіе двѣнадцати лѣтъ, говоря языкомъ того времени, «было непокойно». Дѣйствія разбойничьихъ шаекъ нижняго края Волги, въ періодъ времени между 1770 — 1782 годомъ, и составляютъ предметъ нашей статьи. Свѣдѣнія, находящіяся въ ней, извлечены изъ одного царичинскаго архива, и есть основаніе думать, что о другихъ партіяхъ вольницы и атаманахъ можно было бы узнать изъ разбора прочихъ архивовъ поволжскихъ городовъ.

Въ 1770 году, въ апрѣлѣ, плылъ по Волгѣ командированный въ томскій пѣхотный полкъ офицеръ Кретовъ *): верстахъ

*) Царичин. арх. № 135. Дѣло о командированнн по рѣкѣ Волгѣ командѣ для истребленія появившихся разбойниковъ. 1770 г.

въ шестидесяти ниже Царицына, на поповицкомъ приверхѣ, онъ встрѣтился съ шайкою разбойниковъ («спизу бѣгуицхъ»), въ числѣ двадцати или болѣе человекъ. Неизвѣстная партія плыла вверхъ по Волгѣ, въ лодкѣ; разбойники вооружены были баграми и ружьями и, поровнявшись съ судномъ, на которомъ плыль Кретовъ, напали на него и взяли лодкимъ абординваніемъ, къ которому такъ привыкли. Они избили Кретова; многіе порывались заколоть его, но ограничились только грабежомъ. Въ апрѣлѣ же слѣдоваль Волгою сержантъ Дерезягинъ, отправленный съ нѣсколькими солдатами саратовскимъ комендантомъ, полковникомъ Юнгеромъ, въ Астрахань, для принятія пороху, свинцу и медкаментовъ: ниже села Золотова, въ урочищѣ Щербаконъ, въ ночи на 19-е число напала на его судно лодка съ разбойниками, человекъ двадцать. Съ лодки началась пальба. Дерезягинъ тоже приказалъ стрѣлять по разбойникамъ и отразилъ нападеніе *).

Спокойно не проходило Волгою ни одно судно.

Губернаторы и воеводы поволжскихъ городовъ получали жалобу за жалобой. Губернаторы упрекали въ безопасности воеводъ и комендантовъ; воеводы и коменданты наказывали разъѣздныхъ офицеровъ — и все напрасно. Въ маѣ того же года астраханскій губернаторъ Никита Афанасьевичъ Бекетовъ писалъ всѣмъ городovýmъ комендантамъ, астраханскому воеводѣ и астраханской почтовой конторѣ, а также «состоящимъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до города Саратова по станціямъ и простымъ дистанціямъ казачьимъ старшинамъ и другимъ командирамъ», т. е. начальникамъ форпостовъ, расположенныхъ вдоль Волги, что «вольница» на Волгѣ не уменьшается, а постоянно прибываетъ; что шайки разбойниковъ нарушаютъ спокойствіе страны. Напоминая начальникамъ отрядовъ прежніе свои ордера «о искорененіи воровскихъ партій и о учиненіи разъѣздовъ», Бекетовъ снова приказывалъ истреблять «зловѣвъ» всѣми возможными способами; онъ предписывалъ развѣдывать о нихъ по всѣмъ проезжимъ мѣстамъ и, случаясь появленія разбойниковъ, отправлять тотчасъ по дистанціямъ» пристойную команду лучшихъ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ при хорошемъ

*) «Напавъ на судно невѣдомо какіе воровскіе люди въ лодкѣ, въ числѣ человекъ до двадцати, чинили изъ ружей пальбу, токмо поврежденія не сдѣлали; погону и онъ принужденъ былъ чинить отпоръ ружейнымъ же выстрѣломъ, до трехъ патроновъ, съ пузи.»

и надежномъ командирѣ, давъ свое пристойное наставленіе, сверхъ того посылать частые разъѣзды отъ города до города, отъ форпоста къ форпосту и отъ дистанціи къ дистанціи; вслучаѣ недостатка въ казенныхъ лодкахъ, онъ приказалъ брать обывательскія, «ибо, добавляя онъ, оное слѣдуетъ для всего общества ко искорененію такого злодѣйства». — Между прочимъ Бекетовъ писалъ объ этомъ къ царицынскому коменданту, полковнику Дебонбергу, потому что Царицынъ былъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южнаго повожья и потому что Волга въ этомъ мѣстѣ и все окрестности Царицына и Дубовки наполнены были разбойничьими шайками и представляли обширное поле для неутомимой ихъ дѣятельности. Онъ давалъ знать Дебонбергу, что «если и за симъ таковыя разбойники искоренены не будутъ, то безъ отвѣта, а въ противномъ случаѣ и безъ штрафа остаться не можетъ», и велѣлъ о результатѣ пошкоровъ доносить ему ежемѣсячно; кромѣ того, «для незабвеннаго исполненія» этого приказа, онъ велѣлъ списать во всехъ мѣстахъ копій съ него и, гдѣ онѣ будутъ списаны, расписаться на подлинномъ приказѣ, а подлинный выслать къ нему обратно; саратовскому воеводѣ Строеву приказалъ сноситься объ этомъ предметѣ, то есть о нарядѣ командъ для уничтоженія разбойничьихъ шайекъ, съ тамошнимъ комендантомъ полковникомъ Юнгеромъ. Наконецъ, въ заключеніе этого строгаго приказа, Бекетовъ добавлялъ: «а что касается до казачьихъ постовъ, то если отъ сего въ какой дистанціи сдѣлается подобное грабительство, то оныхъ мѣсть командиры за слабое ихъ вблизиности себя смотрѣніе не только разжалованы, но и немалю еще на тѣхъ штрафованы будутъ».

Всѣмъ за тѣмъ стали употреблять слѣдующее средство къ поимкѣ и искорененію разбойниковъ: какъ скоро посылаемые отъ города до города на лодкахъ разъѣзды примѣчали плывущее по Волгѣ судно, то подъѣзжали къ нему, привязывали къ борту свой катеръ и все входили на судно; на суднѣ они прятались вмѣстѣ съ оружіемъ, которое при нихъ было, а пустая лодка плыла за судномъ ввидѣ завозки, которыя употребляются при всякомъ промышленномъ суднѣ. Когда разбойники абординовали судно своими баграми, хозяева и лоцмана не препятствовали имъ всходить на палубу. Тогда выходили скрытыя на суднѣ команды и ловили грабителей *).

*) Этотъ способъ поимки разбойниковъ рекомендовать былъ Бекетовымъ. Какъ мыѣ, говорить онъ, мыѣ извѣстно, что тѣ воровскія партіи

Но это не помогало. Хотя царицынскій комендантъ втеченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ со дня этого распоряженія и доносили постоянно Бекетову, что «въ прошедшемъ (такомъ-то) мѣсяцѣ опредѣленной по рѣкѣ Волгѣ разѣздъ чинить былъ да и нынѣ чинится, точію воровскихъ партей въ здѣшней округѣ пидѣ не предусматривается», — но воровскіе люди за всѣми строгими мѣрами не переставали возмущать поволжье.

II.

Въ то время, когда Бекетовъ придумывалъ вѣрнѣйшій способъ для искорененія разбойниковъ, а мѣстные власти поволжья «недреманнымъ окомъ» наблюдали за тишиной во вѣрренныхъ имъ мѣстностяхъ, разбойничьи атаманы, которыхъ каждый городъ и пригородъ, каждый уметъ и хуторъ выводили ежегодно на сцену, продолжали формировать шайки воровскихъ людей и грабили пѣшого и коннаго. Въ 1771 году становится извѣстнымъ атаманъ Ивановъ *) съ своею многочисленною шайкою, которая, въ

по Волгѣ рѣкѣ производятъ немалые грабежи и о поимкѣ ихъ ни откуда рапортовъ я не имѣю, то почему предвидится — во искорененіи ихъ поступается нерачительно, а по разсужденію моему къ поимкѣ тѣхъ злодѣевъ предосматривается и таковой легчайшій способъ, чтобъ посылаемые отъ города до города для поимки ихъ команды, какъ скоро какое плывущее по Волгѣ внизъ или вверхъ обывательское судно наѣхаетъ могутъ, то бы все съ лодки своей вошедъ на оно, со всѣми будущими при нихъ ружьи, находились скрытно. ни мало себя не оказывая, а лодку свою при томъ суднѣ вели бы, привязавъ порожнюю, какъ обыкновенно при всѣхъ промышленныхъ судахъ каковыя бывають. Когда же тѣ злодѣи по своему намѣренію сдѣлають на то судно нападеніе и на оно, не выдавъ той команды, войдутъ, то сами себя къ поимкѣ подвергнуть въ руки; для чего имѣли такую скрытную команду, хозяевамъ тѣхъ судовъ противу таковыхъ злодѣевъ никакого сопротивленія до тѣхъ поръ, дондеже оныя на судно войдутъ, не чинить, а по выходѣ, обще съ командою къ неуспутительному всѣхъ переловленію всевозможное стараніе прилагать и, ловя оныхъ, въ отсылкѣ тѣмъ командамъ въ городовыя канцелярїи по данному наставленію безъ отрицанія поступать. Какое средство во тѣ отправленныя команды производить разѣзжая городъ отъ города на идущихъ внизъ и вверхъ Волги рѣки судахъ, со всякимъ во искорененіи тѣхъ злодѣевъ стараніемъ. На ордерѣ этомъ въ заголовкѣ написано: *по секрету.*

*) Цар. Арх. № 188. *Дело о содержащихся при царицынской гражданской канцелярїи ворахъ, разбойникахъ и другихъ бѣглецахъ и окрестныхъ или Качалинской станицы атаманъ и казакахъ, 1772 года.*

случаѣ надобности, для совершенія какой либо важной экспедиціи могла дать своему предводителю до ста человѣкъ, что впрочемъ было не въ правилахъ разбойниковъ проплага вѣка: атаманъ, предпринимая воровской походъ, бралъ съ собою не болѣе 10 — 20 разбойниковъ, а иногда съ пятью шестью человѣками производилъ самыя смѣлыя набѣги. Въ 1771 году мы находимъ станъ Иванова не въ степи, не въ лѣсу или гдѣ либо въ дикомъ и глубокомъ оврагѣ, а въ одной изъ многочисленныхъ донскихъ станицъ, именно въ Качалинѣ. Качалинская пристань на Дону, составляя ближайшій пунктъ, гдѣ Донъ подходит къ Волгѣ на разстояніи только шестидесяти верстъ, и въ прошломъ столѣтіи служила крайней точкой сухопутнаго волока между Дономъ и Волгою, гдѣ теперь проедется волжско-донская желѣзная дорога. Въ Качалинѣ грузились на суда волжскіе товары, перегружались подвезенные съ перховьевъ Дона, Хопра и Медвѣдицы, и разгружались клади, пришедшія съ низовьевъ Дона, съ азовскаго и черпаго морей. Качалинъ былъ постоянно наполненъ бурлаками изъ перховыхъ городовъ и эти бурлаки весьма легко обращались въ разбойниковъ, когда находили смѣлаго атамана. Такимъ былъ Ивановъ. Хотя онъ и имѣлъ свой станъ въ Качалинѣ, но жилъ тамъ не какъ атаманъ разбойниковъ и не укрывался, а нанималъ квартиру у станичнаго казака, по фамиліи Лузанова, и считался его нахлѣбникомъ. Съ Ивановымъ жили у Лузанова еще два или три постояльца, тоже разбойники, и платили своему хозяину за квартиру и столъ *по пяти коплекъ съ сутки*. У Иванова былъ по фамиліи есаулъ Юдинъ, который жилъ отдѣльно отъ своего атамана. Прочіе члены шайки, разбойники Лукинъ, Стряхинъ, Лобановъ и другіе, до ста человѣкъ, жили гдѣ кому Богъ привелъ: кто на постоянной квартирѣ, а кто гдѣ-день-гдѣ ночь, какъ они сами выражались. Въ числѣ разбойниковъ Ивановской шайки былъ одинъ который слылъ между ними за бѣглаго дьякона города Тобольска. Разбойники самъ говорилъ, что онъ изъ Сибири и до побѣга былъ дьякономъ въ тобольскомъ усупенскомъ соборѣ; называлъ онъ себя Яковомъ Никитинымъ. Вообще шайка состояла изъ сброда самой разнохарактерной вольницы: тутъ были каторжники, военные дезертеры, дворовые и посадскіе люди, рекруты, помещицы и экономическіе крестьяне, кунеческіе приказчики; — по самый большой процентъ въ этомъ капиталѣ составляли понизовые бурлаки, люди, давно забывшіе и свою родину, и свои семьи и едва ли помнившіе имена, данныя имъ при крещеніи, потому

что имъ такъ часто приходилось мѣнять ихъ, смотря по обстоятельствамъ и по паспорту, попадавшему имъ въ руки. Это была въ полномъ смыслѣ.

...Смѣсь одеждъ и лицъ,
 Племень, нарѣчій, состояній...

Разбивъ какое-нибудь плывущее по Волгѣ судно, и идущій по степи обозъ, разбойники одѣвались въ платье ограбленныхъ ими жертвъ, брали ихъ паспорта и прикидывали какой кому къ лицу, къ росту, глазамъ и волосамъ: Ивану приходилось по примѣтамъ назваться Петромъ, бѣглому каторжнику — купеческимъ сыномъ и т. д. Зимой и лѣтомъ, когда не предвидѣлось воровскихъ экспедицій, шайка Иванова жила въ Качалинѣ мирно, — кто съ паспортомъ, а кто и безъ всякаго письменнаго вида: иной жилъ въ работникахъ у какого-нибудь казака, другою находилъ пріютъ у вдовы-казачки, съ которой сживался любовно; иной работалъ на Дону, — на баркахъ, на паромѣ, въ полѣ и на пожняхъ; были и такіе, которые имѣли свой курень и жили отдѣльно. У этой шайки былъ свой секретарь, какой-то бурлакъ Агапъ, который жилъ у казака Загубникова и приготовлялъ для шайки «воровскіе паспорта».

Лѣтомъ 1771 года, атаманъ Ивановъ водилъ свою шайку на Волгу, на разбой, и ограбилъ восемь судовъ съ товарами. Какъ велика была добыча — видно изъ того, что въ «дуванѣ» (въ дѣлѣ) каждому разбойнику досталась на долю довольно порядочная сумма денегъ и много разнаго товара. Изъ этого награбленнаго добра они дарили въ Качалинѣ своимъ знакомымъ кумачи, платки, деньги и проч.

Послѣ всякаго дувана, если не предвидѣлось новыхъ воровскихъ походовъ, разбойники расходились по разнымъ мѣстамъ, и къ осени, когда на Волгѣ становился ледъ и навигація прекращалась, они возвращались въ Качалинъ на зимнія квартиры и жили тамъ до новыхъ походовъ. Такъ они возвратились и послѣ лѣтнихъ экспедицій 1771 года. Но въ это время мѣстные военныя власти, вѣроятно, провѣдали о мѣстопребываніи шайки Иванова, потому-что вскорѣ, именно весной 1772 года, командированъ былъ въ Качалинъ сотникъ Горскій съ отрядомъ казаковъ и захватилъ нѣкоторыхъ разбойниковъ на мѣстѣ; вслѣдствіе тѣмъ отряжена была небольшая партія нижнихъ чиновъ подначальствомъ капитана Куткина, который также переловилъ нѣсколько человекъ. Взятъ былъ и атаманъ Ивановъ съ эсауломъ Юдпинымъ. Пойманныхъ воровъ привезли въ Царицынъ и при-

ставили къ нимъ караулъ. Впрочемъ большая часть шайки Иванова спаслась отъ рукъ Горскаго и Куткина, и продолжала жить въ Качалинѣ, а надъ пойманными парижска была судная коммисія, презусомъ которой назначенъ былъ секундъ-майоръ Казадаевъ; коммисія открыла свои засѣданія допросами арестантовъ.

На допросахъ разбойники показали, что начальникъ Качалинской станицы, атаманъ Сухановъ, станичный писарь Поповъ и многіе изъ казаковъ и казачекъ знали о ихъ промыслѣ, но потворствовали имъ потому, что получали отъ нихъ подарки и пивали съ ними въ кабакѣ. Разбойникъ Стряхинъ, напримѣръ, сознавался, что «пристань имѣлъ въ Качалинской станицѣ, у вдовы казачьей женки Катерины Фроловой, съ воровскимъ паспортомъ, который объявленъ былъ станичному атаману Тихону Потапову (Суханову), которому изъ грабленныхъ далъ кумачъ, а сверхъ того ево-жъ пивалъ въ кабакѣ впономъ». Эсаулъ Юдинъ говорилъ, что «по приходѣ, въ качалинской станицѣ жилъ у казака Марка Кустова, безъ пашпорта, завѣдомо вора, о чемъ былъ извѣстенъ и станичный атаманъ» и т. д. Такихъ «оговоренныхъ» нашлось до двадцати человѣкъ, между которыми попадаетъ имя казака трехъ-островской станицы, Ивана Семеникова, принимавшаго въ этомъ же году дѣятельное участіе въ заговорѣ извѣстнаго лже-Петра III, — самозванца Богомолова *). Всѣхъ оговоренныхъ тотчасъ же забрали подъ караулъ и привезли въ Царицынъ.

Но въ ночь съ 20-го на 21-е апрѣля атаманъ Ивановъ бѣжалъ изъ-подъ ареста. Съ нимъ бѣжали нѣкоторые изъ его товарищей, какъ-то: Лукинъ и Стряхинъ. Между тѣмъ, оговоренные не признавались ни въ чемъ, особенно станичный атаманъ и писарь. Первый, на обвиненія Стряхина (послѣ бѣжавшаго), отвѣчалъ: «Иванъ Стряхинъ вѣдомства моего въ станицѣ у казачьей женки Катерины Фроловой съ печатнымъ паспортомъ жительство имѣлъ: а что тотъ пашпортъ былъ воровской или нѣтъ, того я не зналъ, и въ томъ что онъ былъ несумнительный, много былъ смотрѣлъ; грабленаго-жъ кумача отъ него никакого не бралъ, и что онъ разбойникъ, о томъ я подлинно не зналъ и вина съ нимъ въ кабакѣ никогда не пивалъ». На другія обвиненія онъ отвѣчалъ почти такими же фразами:

*) См. нашу статью — «Самозванецъ Богомоловъ» — въ Парусѣ № 1-й 1859 года.

подобными же фразами защищали себя и прочіе оговоренные. «Показаннаго дьякона Никитина, говорилъ станичный писарь, чтобъ онъ былъ бѣглой дьяконъ, я не зналъ, а въ работѣ на перевозномъ паромѣ его видалъ и считалъ его за работнаго человека, а не за дьякона; съ пашпортомъ ли же онъ или безъ пашпорта, я о томъ неизвѣстенъ, а о томъ долженъ знать войсковой сборщикъ» и т. д. Слѣдовательно, трудно было ожидать истины отъ ихъ показаній.

Военносудная коммиссія не рѣшила однако участи разбойниковъ изъ шайки Иванова: ея назначеніе было изслѣдовать только степень виновности качалинскаго станичнаго атамана Суханова, станичнаго писаря и прочихъ двадцати оговоренныхъ арестантами, а судъ надъ разбойниками производился особо. Сухановъ съ писаремъ и нѣкоторые казаки были хотя оправданы, но оставлены однако въ подозрѣніи; нѣсколько же человекъ изъ жителей Качалина были присуждены къ наказанію, потому что улики ихъ виновности были ясны и неопровержимы, и въ сношеніяхъ съ разбойниками они впились сами.

Это происходило за три дня до бунта, вспыхнувшаго 25 го іюня въ Царицынѣ во имя Алексея III Богомолова, котораго народъ желалъ силой освободить изъ-подъ караула; когда происходила въ городѣ такая жаркая схватка между народомъ и войскомъ и самъ комендантъ Цыплетевъ едва не былъ убитъ; вслѣдствіе чего, находя присутствіе Алексея въ безпокойномъ Царицынѣ не безопаснымъ, его, вмѣстѣ съ его государственнымъ секретаремъ, на другой же день, т. е. 26 іюня, еще до свѣту вывели тайно изъ Царицына въ Черный Яръ.

Надъ разбойниками и надъ дѣйствіями всей шайки Иванова производилось еще особое слѣдствіе, но исхода его мы не знаемъ. Неизвѣстно также, что случилось съ ея атаманомъ, кто онъ былъ, откуда родомъ, собиралъ ли своихъ молодцовъ послѣ бѣгства изъ Царицына, водилъ ли ихъ на новые разбои и чѣмъ кончилъ свою удалую жизнь: съ ружьемъ ли и пожемъ въ рукѣ, на Волгѣ или въ полѣ, умеръ ли подъ ударами плута, пріютившаго его Сибирь въ своихъ золотыхъ рудникахъ.

Знакомство съ архивами прошлаго вѣка все болѣе и болѣе убѣждаетъ въ мысли, что правительство, повидимому столь сплывшее изъ виду, было беспечно у себя дома и не въ состояніи было снасти страну отъ крайней неурядицы. Болѣзнь крылась глубоко и паллятивы были недостаточны для успокоенія массъ. Нисколько неудивительно, что въ описываемое нами время

сами блюстители порядка, долженствовавшие «недреманнымъ окомъ» смотрѣть за спокойствіемъ страны, поступали иногда не хуже понизовыхъ бурлаковъ: солдаты, оберегавшіе волжскіе караваны отъ разбойниковъ, иногда сами ихъ пощипывали, въ случаѣ оплошности судохозяевъ. Такъ военносудная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ секундъ-маіора Казадаева, назначенная для изслѣдованія виновности лицъ, оговоренныхъ шайкою атамана Иванова, въ одно и то же время должна была разбирать дѣло о грабѣжѣ у слѣдующую отъ Суворона до города Астрахани на суднѣ съ разнымъ хлѣбомъ, въ дачахъ города Царицына, захотнаго солдата Козмы Полякова, напавшими разбойническими людьми его Полякова и работниковъ его нашпортовъ и денегъ. (Цар. арх. № 198. 1772 г.) А изъ дѣла этого видно, что «разбойническіе люди», ограбившіе судно, были солдаты царьцинскаго 2-го батальона, намѣревавшіеся воспользоваться украденными паспортами для побѣга!

III.

Обходя молчаніемъ внезапное появленіе и такое же внезапное исчезновеніе предшественника Пугачева — царьцинскаго Лже-петра III — самозванца Богомолова, какъ происшествіе уже извѣстное, и не касаясь событій народной драмы 1771—75 годовъ и всѣхъ ея эпизодовъ, группирующихся около Пугачева (что должно составить содержаніе особаго, обширнаго труда, предпринятаго нами), мы перейдемъ къ историческимъ проявленіямъ народной жизни въ эпоху, слѣдующую за смертью Пугачева. Но приступая къ передачѣ событій послѣ 1775 года, напомнимъ только, что связью между временемъ Пугачева и послѣдующимъ служитъ явленіе атамана Заметаева, въ которомъ народъ видѣлъ преемника Пугачева и котораго графъ Панинъ, въ печатныхъ объявленіяхъ, разсылаемыхъ по Россіи, называлъ «чудовищемъ», а Суворовъ считалъ опасною личностью *).

Почти въ одно время съ Заметаевымъ начинается дѣйствовать разбойничій атаманъ Кулага, котораго въ официальныхъ бумагахъ того времени величали иногда *славнымъ разбойникомъ* **).

*) См. нашу статью — «Заметаевъ» — въ Рус. Дневн. 1859 г. NN. 7 и 8.

***) Цар. арх. № 337. *Дѣло о разбойническомъ атаманѣ, именуемомъ Кулагою, съ шайкою его. 1775*

Около 1755—56 года изъ нижегородскаго имѣнія княгини И. Я. Голицыной, изъ деревни Отеревой, неизвѣстно куда скрылся молодой крестьянинъ, Константинъ Васильевъ Дудкинъ. Нѣсколько лѣтъ этотъ добрый молодецъ шатался, какъ самъ говорилъ, по разнымъ мѣстамъ, преимущественно по Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ; спознавался добрый молодецъ «съ пошивыми бурлаками, со ярыгами кабацкими», и наконецъ очутился въ Астрахани, въ главномъ разбойничьемъ притонѣ, откуда бродягамъ лежалъ широкій путь на все четыре стороны — къ Киргизамъ, къ донскимъ казакамъ, на Уралъ и въ Персію; лучшіе притоны были на взморьѣ, на ловецкихъ ватагахъ, гдѣ атаманы пабирали сви шайки и водили ихъ оттуда на расшивахъ, на косныхъ и ловецкихъ лодкахъ, вооруженныхъ иногда пушками, вверхъ по Волгѣ, къ персидскимъ границамъ и къ Киргизамъ за устье Эмбы и за Мертвый Култукъ, гдѣ подвизался Заметаевъ. Въ Астрахани бродяга Дудкинъ попался въ руки къ мѣстному начальству, и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ и свое имя, и свою кочевую жизнь простаго бурлака. Пойманный безъ всякаго извѣстнаго вида, Дудкинъ назвался бѣглымъ рекрутомъ Степаномъ Кулагинымъ, и съ тѣхъ поръ слылъ въ народѣ подъ именемъ *Кулаг*.

Многого рекрута засадили подъ караулъ, судили въ Астраханской военной комиссіи и опредѣляли въ солдаты въ Самарскій полкъ съ фамилією Кулагина, гдѣ онъ прослужилъ тринадцать лѣтъ. Но въ это время княгиня Голицына узнала, что Дудкинъ, столько лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти и уже считавшійся погибшимъ, служилъ въ Самарскомъ полку подъ ложнымъ именемъ; она послала въ полкъ довѣренное лицо, убѣдилась въ истинѣ слуховъ, и приказала «поверстать» его въ зачетъ рекрута, съ отдачею въ астраханскій баталіонъ. Кулага снова поступилъ на службу, но уже пробылъ въ ней недолго: солдатская подначальная жизнь не могла удовлетворить его натуру, давно свыкшуюся съ буйной волей, такую жизнь не хотѣлъ сносить будущій атаманъ разбойниковъ, извѣдавшій и прелесть и горечь бродячей жизни. Кулага бѣжалъ.

Это было въ 1770 году. Въ первое же время своей независимости Кулага началъ подбирать себѣ шайку и готовить популярность своему имени. Еще не будучи извѣстенъ за опытнаго разбойничьяго атамана, Кулага успѣлъ на вербовать товарищей, на первый разъ двѣнадцать человекъ, и они съ помощью людей одного астраханскаго чиновника, секретаря Торпакова, огра-

близи его домъ и избѣгли до полусмерти его жену. Но едва разбойники успѣли раздѣлить добычу, какъ были схвачены и засажены въ казематъ, находившійся при Троицкомъ монастырѣ. Военно-судная коммисія, назначенная надъ преступниками, опредѣлила прогнать ихъ сквозь строй («протнать сквозь шпиль-рутенъ»). Но монастырская тюрьма не могла удержать Кулагу: въ августѣ 1774 года, въ то смутное время, когда Пугачевъ прошелъ уже Саратовъ и подвигался все къ югу, и когда все ужаснѣшіе остроги были набиты арестантами, ждавшими освободителя, мнимаго Петра III, Кулага бѣжала изъ монастыря, и съ нимъ ушло другихъ колодниковъ до 25 человекъ.

Съ этой поры популярность Кулаги утвердила за нимъ титулъ атамана и почетное между разбойниками названіе *батюшки*. Впрочемъ большая часть бѣжавшихъ изъ Троицкаго монастыря были переловлены. Самъ Кулага едва спасся бѣгствомъ на взморье и принужденъ былъ всю зиму укрываться въ урочищѣ Бертюль. Но весной онъ рѣшился организовать свою шайку и занялся вербованіемъ молодцовъ, въ которыхъ не было недостатка. Однимъ изъ первыхъ его товарищей былъ семинаристъ Силантьевъ. Силантьевъ былъ родомъ изъ Казани, сынъ тамошняго протопопа, воспитывался въ казанской семинаріи и неизвѣстно по какимъ причинамъ бѣжалъ оттуда, когда ему было девятнадцать лѣтъ. Въ 1764 году бѣглый буреакъ явился въ Астрахань и поступилъ въ прикащики къ астраханскому купцу Озерову, у котораго и занималъ эту должность до 1771 года. Въ этомъ году онъ рѣшился идти въ разбойники, соединился съ астраханскимъ казакомъ Ершовымъ, и, успѣвъ пригласить только двухъ человекъ въ свою партію, прежде всего разграбилъ лавку Мѣшкова. Но первый подвигъ его былъ несчастливъ: грабители были схвачены, уличены въ преступленіи и засажены въ одну тюрьму съ Кулагою, который, какъ мы сказали, содержался въ Троицкомъ монастырѣ. Вѣроятно, здѣсь они познакомились, потому что семинаристъ, спасшійся отъ наказанія, прежде всѣхъ присталъ къ шайкѣ Кулаги. Силантьевъ спасся изъ монастыря въ числѣ 25 человекъ и притомъ въ одно время съ Кулагою. Кулага скрывался всю зиму въ Бертюль, а Силантьевъ ниже этого урочища въ высокихъ камышахъ. Весною 1774 года они соединились для предстоящихъ подвиговъ. Другимъ отважнымъ сподвижникомъ Кулаги и товарищемъ его злополучій былъ икто Тарабаринъ, бѣглый солдатъ, служившій прежде въ астраханскомъ четвертомъ батальонѣ. Онъ оставилъ свой батальонъ

только въ іюлѣ 1775 года, пѣсколька времени жилъ въ камышахъ, скрываясь отъ сыщиковъ, и уже въ августѣ поступилъ въ шайку Кулагн. Еще раньше Тарабарина присталъ къ Кулагѣ разбойникъ Шумниковъ, родомъ изъ Владимірской губерніи, изъ экономическихъ крестьянъ села Ославскаго. Шумниковъ, какъ самъ говорилъ, отданъ въ рекруты «во второй наборъ подѣ Турка» и, по приведеніи къ присягѣ, отправленъ былъ въ полкъ; пройдя съ партією Владиміръ, отъ ѣжалъ съ дороги и пробрался на Волгу, въ городъ Дмитріевскъ (Камышинъ), на соляную пристань; здѣсь онъ занимался въ работники къ разнымъ хозяевамъ и работалъ на солевозныхъ судахъ всю зиму 1771 года; оттуда сошелъ, по обыкновенію всѣхъ бродягъ, въ Астрахань, гдѣ шатался между черпорѣченскими ловцами въ продолженіи трехъ лѣтъ, не находя для себя занятія по сердцу. По весной 1775 года онъ познакомился съ Кулагой и въ его шайкѣ нашелъ искомую волю и дѣятельность. Когда Шумниковъ спознался съ кулагинскою шайкою, онъ былъ еще очень молодъ: ему было только двадцать лѣтъ, потому что шестнадцать лѣтъ онъ поступилъ въ рекруты. Еще мальчишкой, послѣ ѣгства изъ полка онъ бродилъ по Россіи. Наконецъ, въ шайкѣ Кулагн былъ еще одинъ такой же юный разбойникъ, *Оедоръ Васильевъ*, уроженецъ богатаго села Лыскова, «*помѣщикъ Грузинскаго царевича Егора Валтундсича крестьянинъ* *).» Васильевъ также отданъ былъ въ солдаты въ Нижнемя и «по учиненіи присяги,» когда рекрутскую ихъ партію гнали въ Москву, ѣжалъ изъ города Павлова. Потомъ въ селѣ Подловьевѣ онъ соединился съ неизвѣстными бурзаками, такими же какъ самъ онъ бродягами и всѣ вмѣстѣ «въ лодкѣ сбѣжали до города Астрахани.» Въ Астрахани Васильевъ не имѣлъ постоянного жительства и оставался тамъ недолго, а пробрался въ море, гдѣ и жилъ между ловцами. Паскучила ли ему эта жизнь на морѣ, хотѣлось ли ему повидать свою родину, только молодой бродяга «намѣреніе возимѣлъ, чтобъ пройти пока вверхъ,» и случайно ли столкнувшись въ Астрахани съ Кулагой, или привлеченный въ его шайку молвой его имени, уже извѣстнаго и по взморью на всемъ понизовѣѣ, онъ поступилъ подѣ начальство этого разбойника.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь лицъ, семинариста Силантьева, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ Тарабарина, Шумникова и Васильева, въ шайкѣ Кулагн находилась не одна отважная голова;

*) Въ другомъ мѣстѣ — *Валтуневича*.

только эти четыре разбойника были, какъ кажется, всѣхъ ближе къ нему: притомъ Силапгевъ, какъ слышь протопопа и воспитаникъ семинаріи, могъ служить ему въ качествѣ секретаря, потому что самъ Кулага былъ безграмотенъ. Впрочемъ, шайка Кулаги, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалась прибѣтjemъ новыхъ лицъ, то уменьшалась: иные разбойники, сдѣлавъ два-три набѣга, оставляли шайку; иногда, конечно, они тайно скрывались отъ атамана, а иногда онъ самъ, по личнымъ расчетамъ, уменьшалъ составъ своего маленькаго ополченія. Ополченіе это было дѣйствительно невелико, хотя умѣло тревожить край, наводило иногда большой страхъ на жителей понизовья, причиняло тревогу властямъ, и вообще надѣлало много шуму.

Кулага, какъ всѣ вообще поволжскіе разбойники прошлаго вѣка и атаманы, державшіе разбой на Каспійскомъ морѣ, былъ по преимуществу пиратъ. Какъ и Заметаевъ, онъ предпочиталъ дѣйствительно ходить на легкой коспѣ или рыбачьей лодкѣ, а не на большомъ суднѣ. Эта «легкая лодочка» поволжскаго разбойника довольно пзѣстна пзъ старинныхъ пѣсепъ, которыя теперь уже рѣдко поются. Но въ первое время Кулага не имѣлъ у себя ни судна, ни лодокъ, а дѣлалъ свои переходы сухимъ путемъ; онъ производилъ грабежи, сообразуясь съ силой своей шайки и не рѣшаясь предпринимать такихъ нападеній, какія могли удаваться только при помощи огнестрѣльнаго оружія и на водѣ, гдѣ онъ могъ рассчитывать на свою ловкость и увертливость, на умѣнье гребцовъ обращаться съ веслами и парусами. Къ этимъ сухопутнымъ походамъ Кулаги, вѣроятно, принадлежитъ нападеніе на Башмаковку, гдѣ разбойники ограбили иштейный домъ, запаслись водкой и отправились на новые промыслы. Послѣ погрома башмаковскаго кабака, одинъ изъ товарищей Кулаги, разбойникъ Шумниковъ, неизвестно по какимъ причинамъ покинулъ свою шайку и снова, въ качествѣ простаго бурлака, отправился на довецкіе станы, гдѣ и работалъ за деньги.

Скромныя сухопутныя грабежи скоро перешли въ отважныя разбой, когда шайка Кулаги завладѣла гдѣ-то, или просто укра-ла большую завозню, родъ небольшого судна, которое называлось «досчаникомъ.» Кулага посадилъ на него свой отрядъ и отправился въ первую морскую экспедицію, которая какъ нельзя болѣе удалась ему. Не имѣя въ своей маленькой командѣ ни пушки, ни ружей, ни сабель, Кулага съ жалкимъ бурлацкимъ вооруженіемъ, какое нашлось у его шайки, отправился вверхъ отъ взморья и сдѣлалъ нападеніе на старую ватагу купца Сквор-

цова. Въ то время ватаги, мѣста рыболовныхъ становъ, были не то, что въ настоящее время: частыя нападенія разбойниковъ, Киргизъ-кайсаковъ и Калмыковъ заставляли хозяевъ имѣть на своихъ ватагахъ вооруженную стражу, которая могла бы дать отпоръ всякому насилію и оружіе оградить оружіемъ; на болѣе богатыхъ ватагахъ всегда имѣли запасъ пороха, ружей, никъ и проч.; на иныхъ находилась артиллерія, конечно плохенькая, какія набудь двѣ-три чугунныя пушки, но все-таки достаточная для отраженія непріятели; рабочіе на ватагахъ и самыя ловцы могли въ одно время быть и промышленниками и солдатами. Плохо ли былъ защищенъ станъ Скворцова, или Кулагѣ помогла его отвага, только станъ былъ взятъ и ловцы ограблены, Кулага забрала у нихъ деньги, взяла также шесть ружей «съ приборами», двѣ шашки, левецкую одежду, хлѣбъ, рыболовныя сѣти и паспорта. Паспорта тотчасъ были разобраны шайкою «по сходству примѣтами», чтобы на всякій случай имѣть подъ руками законный видъ, которымъ можно было бы прикрываться въ опасности. Разбойникъ-семинаристъ, конечно, прочиталъ своимъ товарищамъ эти добытые паспорта, и въ какомъ изъ нихъ примѣты болѣе подходили къ наружности котораго либо изъ разбойниковъ, тотъ и доставался на его долю.

Ограбивъ ватагу Скворцова, Кулага взяла для себя двѣ лодки, на которыхъ удобнѣе было производить разбой, а свой досчанникъ бросила на ватагѣ. Шайка пересѣла теперь на легкія лодочки и отправилась на новые подвиги...

Что сверху-то было Волги-матушки,
 Что плыветь гребеть *легка-лодочка*;
 Хорошо-то была лодка изукрашена,
 У ней носъ, корма раззолочены,
 Что расшита *легка лодочка*
 На двѣнадцатеры *веселочки*;
 На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ.
 На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,
 По краямъ лодки добры-молодцы,
 Посреди лодки *красна-дѣвица*,
 Эсаулова родная сестрица,
 Атаманова полюбвища и т. д.

Правда, лодка, на которой ѣхалъ Кулага, не была изукрашена и раззолочена; самъ атаманъ, конечно, смѣтрѣлъ простымъ бурякомъ и добрые молодцы, быть можетъ, одѣты были въ

лохмотьяхъ; не было у нихъ и красной дѣвицы; но легкая лодочка, предводительствуемая Кулагой, нападала также храбро, какъ и раззолоченныя. Кулага знала, что съ лодками легче было управляться; лодку можно было спрятать въ любомъ камышѣ; ее можно было перетащить черезъ широкую песчаную косу и отмерь; лодка могла плыть невидимую и незамѣченную подъ самымъ бортомъ судна, которое разбойники собирались абординовать; лодка на двѣнадцать веселъ могла убѣгать отъ преслѣдователей, какъ птица на крыльяхъ.

Въ это время Кулага раза два посѣтилъ своего прежняго товарища Шумникова, бывшаго сподвижникомъ его при разграбленіи штейнаго дома на Башмаковкѣ. Шумниковъ, какъ мы сказали, находился на ловецкихъ ватагахъ и почему то бросилъ ремесло разбойника, хотя, можетъ быть, на время. Кулага прѣзжалъ къ нему, и Шумниковъ снабжалъ своего атамана — батюшку съѣзными припасами.

29 іюня во второмъ часу полночи, Кулага съ одной только лодкою на десять веселъ и съ десятью только разбойниками явился на щучинской ватагѣ купца Шарыпина. Онъ, кажется, съ намѣреніемъ выбралъ 29 іюня, потому что, по случаю праздника Петрова дня, Кулага ожидалъ, что всѣ люди на ватагѣ должны быть или пьяны или въ отлучкѣ. Дѣйствительно, онъ не засталъ тамъ почти никого и потому не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Ватага была обобрана, какъ и прочія мѣста, куда являлась кулагина шайка. Не оставаясь здѣсь долго, разбойники съ щучинской ватаги отиравились далѣе и прибыли къ табуну Шарыпина, который находился за рѣкою Болдою. Вѣроятно, разбойники искали хозяина и его денегъ, или имъ нужно было получить какія-либо свѣдѣнія отъ табунщика, Калмыка Лозана Танкіева, только они, неизвѣстно по какой причинѣ, жестоко «смертельно» избивли нагайками этого бѣднаго пастуха и Калмычку, жену его, избивъ такъ, что нельзя было даже надѣяться, останутся ли въ живыхъ эти несчастные. Послѣ этого Кулага снова поплылъ внизъ по рѣкѣ Болдѣ къ каспійскому взморью *). Въ этихъ похожденияхъ прошла ночь Петрова дня

*) Въ поданномъ въ Астраханскую оберъ-комендантскую канцелярію отъ астраханскаго купца Степана Шарыпина объявленіи написано: «минувшаго-де іюня 29 числа, во второмъ часу пополуночи, въ небытность на щучинской ево ватагѣ работныхъ людей, прѣхавъ на оную ватагу въ одной лодкѣ на десять веселъ воровской атаманъ, называемой Кулага, съ нова

На другой день, рано утромъ, когда еще только начало разсвѣтать, небольшой отрядъ «разъѣздной команды» поручика Иванова, находившійся на рѣкѣ Болдѣ для охраненія окрестностей отъ нападешя разбойниковъ и состоявшій изъ капрала и нѣсколькихъ солдатъ, случайно усмотрѣлъ лодку, которая плыла на веслахъ внизъ по Болдѣ. Известно, что разъѣздныя команды или *высылки*, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ, съ самаго начала XVII столѣтїя постоянно разъѣзжали по Волгѣ на лодкахъ, оберегая безопасность судоходства и преслѣдуя воровскїя партїи отъ дистанцїи до дистанцїи. Такая высылка находилась въ то время на Болдѣ *). Когда плывшая по этой рѣкѣ лодка поравнялась съ рыбнымъ плотомъ, находящимся на Трехъизбинской ватагѣ упомянутаго купца Шарынина, разъѣздная команда стала окликать ее, спрашивая по обыкновенїю: что за люди? — «Добрые люди» — дакъ былъ отвѣтъ съ лодки этими «невѣдомыми людьми», и, нетронутые высылкою, неизвѣстные пловцы приблизились къ ватагѣ. Они подѣхали къ кухнѣ этого заведенїя, пристали къ берегу — и вдругъ изъ лодки выскочилъ «воровской атаманъ» разбойникъ Кулага и съ нимъ воровская его партїя. — Ограбивъ щучинскую ватагу, Кулага про-

рыши своими десятью челоськами, съ ружьями, палашами, большими ножами, которые по приѣздѣ взяли на той ево ватагѣ изъ его припасовъ и у прочихъ нѣсколько экипажа, и побывъ на той ево ватагѣ самое малое время, и съ оной ватаги поѣхали въ собственный ево конной табунъ, имѣющейя при той ватагѣ за Болдою рѣкою, и въ ономъ табунѣ находящагося пастуха, калмыка Лозона Танкѣва, били ево и жену ево нагайками смертельно, и, будутъ ли отъ тѣхъ ихъ побой впрелѣ живы или нѣтъ, неизвѣстно, и съ того табуна оные разбойники поѣхали внизъ по рѣкѣ Болдѣ.»

*) Вотъ одна старая разбойничья пѣсня, въ которой проклинаются эти *слесылы* и воевода, отправляющїй ихъ для поимки добрыхъ молодцовъ:

Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
И мы пьемъ ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасеное,
Еще лихъ ли на нашъ супостатъ злодѣй.
Супостатъ злодѣй, воевода лихой,
Высылаеть отъ Казани *часты высылки*,
Высылаеть все *высылки стрелецкія*,
Они ловятъ насъ, хватають добрыхъ молодцовъ,
Пазываютъ насъ ворами, разбойниками.
А мы, братцы, вѣдь ни воры, ни разбойники,
Мы люди добрые, ребята все поволжскїе,
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ, —
Воровства, грабительства довольно есть.

бирался къ каспійскому взморью и по дорогѣ рѣшился снова попытать счастья на другомъ заведеніи Шарыпина. Къ счастью его, и на Трехъ-избынской ватагѣ почти никого не было, потому что и работные люди почти все на срокъ отпущены были для расчета въ Астрахань, а потому, обманувъ разѣздную команду ложнымъ отвѣтомъ на ся окликъ, Кулага могъ свободно управиться съ оставшеюся на ватагѣ прислугою и рассчитывать на успѣхъ. Но разѣздная команда, замѣтивъ, что въ движеніяхъ невѣдомыхъ людей было что-то недоброе, тотчасъ вооружилась противъ «онихъ злодѣевъ» и открыла ружейный огонь. «И какъ усмотря онихъ злодѣевъ, капраль и солдаты тотчасъ противу ихъ вооружились и стрѣляли по ворами изъ ружей; но напротиву того воровской атаманъ Кулага съ товарищи своими по солдатамъ изъ ружей и пистолетовъ пальше же, и была сильная пальба со обохъ сторонъ, и по той пальбѣ было сраженіе, отъ которой стрѣльбы нѣкоторые воры были и ранены, также и солдаты. На послѣдокъ тѣ воры, усилившись съ сандовми (?) и дротиками, изъ рукъ у солдатъ ружья выбили, которыхъ солдатъ, по преодоленіи, тѣ воры били нещадно, имѣющіяся жъ при промыслѣ его (Шарыпина) на водѣ ловецкія ево и протчія лодки изрубили и затопили».

Послѣ этой жаркой схватки, когда команда была обезоружена и солдаты избиты «нещадно», однакоже не умерщвлены, и когда Кулага увидѣлъ себя полнымъ господиномъ ватаги, онъ ограбилъ ее и ни минуты долѣе не оставался на берегу. Шайка его, съ нѣкоторыми рапеными, опять вошла въ лодку и продолжала свой путь къ морю. Одно, вѣроятно, негодное, ружье было брошено на ватагѣ.

Замѣчательно, что въ то самое время, когда Кулага производилъ этотъ смѣлый разбой на Трехъ-избынской ватагѣ, знаменитый Заметаевъ, пойманный за пять дней передъ этимъ, сидѣлъ въ Кумшанцкой станицѣ, закованный въ желѣза. Вообще разбой этихъ двухъ самыхъ популярныа атамановъ, производился въ одни и тѣ же мѣсяцы, только Заметаевъ совершалъ свои воровскія экспедиціи большею частію на Каспійскомъ морѣ, имѣлъ схватки съ Киргизами и доходилъ до азійскаго берега Каспійскаго моря, а Кулага рыскалъ преимущественно въ устьѣ Волги и по взморью. Наконецъ, вслѣдъ за послѣднимъ сраженіемъ, онъ также выплылъ въ открытое море и направился къ такъ называемому морскому бибииковскому стану, принадлежавшему

тоже купцу Шарышпу. Что дѣлалъ Кулага на эгомъ станѣ и куда потомъ отправился, мы не знаемъ.

Но скоро вѣсть о Кулагѣ и его подвигахъ достигла Астрахани. Астраханское начальство, встревоженное незадолго до этого страшными усилками Заметаева и незнавшее о поимкѣ его, еще болѣе встревожилось, узнавъ, что кромѣ Заметаева существуетъ еще какой то Кулага-атаманъ. Оберъ-комендантъ города Астрахани, генералъ Левши, тотчасъ разослалъ ко всѣмъ иволжскимъ комендантамъ и начальникамъ отдѣльныхъ отрядовъ, строжайшіе ордера о принятіи дѣятельнѣйшихъ мѣръ противъ новаго опаснаго разбойника. Онъ приказалъ, во что бы то ни стало выслѣдить и искоренить его безъ *всякаго упущенія, не принося никакихъ въ томъ невозможностей*; «предписывалъ и» разлѣзнымъ командамъ накрѣпко подтвердить, подъ опасеніемъ, есть ли въ томъ хотя малая оплошность и упущеніе послѣдуетъ, поступленія по всей строгости законовъ «и вслѣдъ» по часту репертовать» о томъ, что́ будетъ происходить. Подобное предписаніе получено было также въ Царицынѣ и Цыплетевѣ отвѣчалъ на него Левши, что «*походящимся въ разлѣздахъ по рѣкѣ Волгѣ и сухопутно господамъ командирамъ, чтобъ они по точности вышесказаннаго въ ордерѣ вашего превосходительства предписанія, въ сыску и поискѣ воровъ, а *наипаче важныхъ разбойниковъ, имѣли всеусердное и неусытное стараніе, безъ упущенія, наискрѣпчайше отъ меня подтверждено.**»

Между тѣмъ слухи о Кулагѣ и о томъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ, совершенно замолкли. Онъ точно безъ вѣсти пропалъ. Такъ прошло три мѣсяца. Наконецъ, 1-го октября царицынскій комендантъ узналъ отъ кого-то частнымъ образомъ, что Кулага, неизвѣстно какими судьбами, съ Каспійскаго моря очутился уже въ Дубовкѣ и тамъ пойманъ съ своими товарищами, а между тѣмъ въ тотъ же день прошелъ по Царицыну слухъ, что четыре разбойника изъ его шайки были недавно въ этомъ городѣ, и, нѣсколько часовъ назадъ, отправились вверхъ по Волгѣ на плывущей съ солью расшивѣ. Не медля ни минуты, комендантъ послалъ въ Дубовку нарочнаго, царицынскаго казака Корецкова, выѣхавшаго вслѣдъ за расшивой, въ пятомъ часу пополудни, съ указомъ, въ которомъ сообщалъ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ, чтобы она приняла слѣдующія мѣры: если дѣйствительно Кулага пойманъ и еще не отправленъ въ Царицынъ, — то остававливать всѣ плывущія снизу по Волгѣ суда, брать съ нихъ рабочихъ людей и, спросивъ паспорты, приводить каждаго изъ нихъ къ Ку-

лагѣ; если Кулага на вопросъ, принадлежности взятыхъ съ судна рабочихъ — къ его шайкѣ, скажетъ, что дѣйствительно принадлежали, то не смотря ни на что, если бы даже эти уличенные имѣли паспорта, брать подъ карауль, оковывать въ крѣпкія желѣза и присылать въ Царицынъ» за крѣпкимъ присмотромъ, дабы оныя въ дорогѣ утечки учинить не могли.» На другой день Волжская войсковая канцелярія увѣдомила Цыплетева, что Кулага дѣйствительно пойманъ, вмѣстѣ съ четырьмя соучастниками, въ волжскомъ войскѣ, и уже совсѣмъ приготовленъ былъ къ отправкѣ въ Царицынъ, какъ пріѣхалъ въ Дубовку посланный Цыплетевымъ казакъ Корецковъ и остановилъ проводы разбойниковъ. Между тѣмъ за проходившими мимо Дубовки судами стали слѣдить вшмательно. Едва успѣлъ воротиться Корецковъ, Цыплетевъ тотчасъ же отправилъ въ Дубовку другаго курьера и требовалъ, чтобы также взяты были съ судовъ и другіе подозрительные люди и привезены въ Царицынъ; — но чтобы хозяевамъ судовъ не дѣлали ни осановокъ, ни притѣненій, а велѣли слѣдовать «своимъ трактомъ».

Поимка Кулаги была дѣломъ совершенно случайнымъ: въ ночь на 25-е сентября, часу въ третьемъ пополуночи, войсковой старшина волжскаго войска Андрей Персидскій и квартирмейстеръ Филиппъ Крјушинъ замѣтили, что по Волгѣ, въ такую позднюю пору, видимо, пользуясь темнотою ночи, подозрительнымъ образомъ пробиралась вверхъ съ невѣдомыми людьми лодка; лодка была перехвачена и находившіеся въ ней четыре человека взяты и приведены въ войсковую канцелярію. Сначала неизвѣстно было что это за люди; но случай опять выдалъ Кулагу: въ Дубовкѣ находился въ это время астраханской губернской канцеляріи сказочный Аванасій Ивановъ; однажды онъ зашелъ въ кабакъ и увидѣлъ тамъ человѣка, лицо котораго было ему знакомо; этого человѣка онъ видѣлъ прошлой зимой въ Астрахани, когда тотъ сидѣлъ въ острогѣ, и теперь узналъ въ немъ пзвѣстнаго атамана. Примѣченный въ кабакѣ незнакомецъ дѣйствительно былъ Кулага, которому, при его популярности, трудно было укрыться. Лицо разбойника было знакомо многимъ, особенно въ Астрахани, гдѣ онъ надѣлалъ столько шуму и тревогъ, а потому Ивановъ, узнавъ его, отправился въ войсковую канцелярію и донесъ, что Кулага въ Дубовкѣ. Это было 25 сентября, именно черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ въ канцелярію привели неизвѣстныхъ четырехъ бродягъ, пойманныхъ ночью на Волгѣ — Персидскимъ и Крјушинымъ. Вѣсть, пе-

реданная Ивановымъ дубовскимъ властямъ, заставила подозрѣвать, нѣтъ ли Кулаги между этими четырьмя взятыми бродягами, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ былъ въ числѣ ихъ. Съ нимъ находился также и товарищъ его Тарабаринъ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Кулагу, при взятіи Трехъизбинской ватаги на Болдѣ и при пораженіи разъяренной команды. Послѣ того онъ выѣхалъ въ море. Изъ архивныхъ дѣлъ, разобранныхъ нами, не видно, долго ли онъ пробылъ на морѣ и какіе еще производилъ грабежи; но по всей вѣроятности, опасаясь все болѣе и болѣе распространявшихся о немъ слуховъ, будучи увѣренъ, что разъяренныя команды ищутъ его по всемъ направленіямъ и имя Кулаги не разъ произносилось въ комендантскихъ да гражданскихъ канцеляріяхъ, писалось и переписывалось въ ордерахъ и промеморіяхъ, повторялось шепотомъ и на базарахъ, — однимъ словомъ, — испугавшись своей популярности, Кулага рѣшился оставить мѣста, гдѣ его знали. Онъ покинулъ море и снова вошелъ въ Волгу. Неизвѣстно какъ онъ пробрался мимо Астрахани, только, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы встрѣчаемъ его уже за Дубовкой. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ попытать счастья гдѣ нибудь въ верховыхъ городахъ, и, собравъ самыхъ вѣрныхъ товарищей, Тарабарина, бурсака Силантьева, Шумникова, Васильева и двухъ Ивановыхъ, отправился въ Русь на зимовку. Такимъ образомъ изъ всей шайки его осталось только шесть человекъ, съ которыми онъ и доплылъ до Царицына въ двухъ лодкахъ, не слишкомъ опасаясь преслѣдованій и не боясь иногда завернуть въ царевъ кабакъ, который и былъ причиной его гибели. Нѣсколько ниже Царицына, разбойники раздѣлились на двое: Кулага и Тарабаринъ сѣли на одну лодку, взявъ съ собой еще какихъ-то двухъ незнакомыхъ прохожихъ, а прочіе товарищи, съ другою лодкою, остались въ Царицынѣ, гдѣ намѣревались пріобрѣсти лошадей и ѣхать на Донъ — «для якобы работъ». Кулага, Тарабаринъ и два незнакомые прохожіе *), какъ мы видѣли, взяты уже за Дубовкой;

*) Послѣ оказалось, что прохожіе не были разбойники и даже не бродяги. Одинъ изъ нихъ, — муромскій крестьянинъ Григорьевъ, — находясь въ Астрахани, потерялъ свой паспортъ, и, въ слѣдствіе манифеста, публикованнаго послѣ смерти Пугачева, получилъ въ Астрахани новый видъ. «съ тѣмъ, чтобъ онъ шелъ въ домъ ближайшимъ трактомъ;» случай столкнулъ его съ Кулагой: увидѣвъ на Волгѣ лодку этого разбойника, Григорьевъ, «совокупясь еще съ товарищемъ, подошедъ просили, чтобъ доѣхать въ Дубовку, почему они и пріѣхали сюда (въ Дубовку), а что они бѣглые солдаты

оставшіеся при другой лодкѣ также раздѣлились по-двое: бур-сакъ Спззнтъевъ и Васильевъ, бросивъ лодку, покинули своихъ товарищей, нѣсколько дней прожили въ Царицынѣ на квартерѣ и потомъ отправились въ путь пѣшкомъ; недалеко отъ Волги, на бечевникѣ, они были пойманы казаками и приведены въ Дубовку. Два остальные разбойника изъ партіи Кулаги, оставшіеся при лодкѣ, Ивановы, продали ее въ Царицынѣ и занялись на какое-то судно, въ качествѣ бурлаковъ. Несмотря на то, что всѣ суда, плывшія вверхъ, осматривали въ Дубовкѣ и рабочихъ приводили къ Кулагѣ, — Ивановыхъ не нашли, или, какъ сказано въ дѣлѣ, Ивановы, «по осмотру имъ, Кулагинимъ, на идущихъ снизу судахъ, не угаданы.» Но вмѣсто нихъ случайно былъ пойманъ Шумниковъ, оставившій, какъ мы видѣли, шайку Кулаги, вскорѣ послѣ разгрома питейнаго дома на Башмаковкѣ. Сговорился ли онъ съ Кулагою пробраться «въ Русь» или самъ рѣшился оставить морскія ватаги, только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Кулага уже давно проплылъ Астрахань, онъ подговорилъ съ собою бѣглаго астраханскаго солдата Петрова, приобрѣлъ особую для себя лодку и явился въ Царицынѣ: здѣсь они продали лодку и отправились искать по хуторамъ работы; на дорогѣ присталъ къ нимъ еще одинъ бѣглый солдатъ, и уже на рѣчкѣ Пичугѣ они были пойманы. Такъ переловлены были всѣ главные товарищи Кулаги.

9-го октября всѣ они были привезены въ Царицынѣ, а 13-го отпращены по форпостамъ въ Астрахань на судѣ.

Въ сопровожденіе арестантовъ, «но ихъ важности, какъ оныя въ чиненіи сильныхъ разбоевъ не малое время упражнялись безъ недостатка,» командированъ былъ сильный конвой подъ начальствомъ офицера Ахапкина, которому дана была особая инструкция относительно надзора за преступниками *).

и разбойники, того не знали, съ которыми и взяты за карауль (изъ допроса Григорьева). Другой прохожій — уржумскій крестьянинъ Ямщиковъ, тоже жилъ въ Астрахани, гдѣ просрочилъ свой паспортъ и, также какъ Григорьевъ, получилъ новый, добрался до Царицына, выпросилъ себѣ мѣсто на лодкѣ у Кулаги, и, подобно Григорьеву, взятъ былъ съ Кулагою въ Дубовкѣ. Мы думаемъ, что прохожіе эти были нѣкогда въ войскѣ Пугачева, а не потеряли паспорта.

*) Инструкция эта сама по себѣ составляетъ очень любопытный историческій матеріалъ и кромѣ того показываетъ, какое значеніе могъ имѣть Кулага въ глазахъ правительства. Ахапкину повелѣвалось:

1) «Съ гобвахты отъ караульнаго господина офицера принять показаннаго атамана, скованнаго въ наручии и на обѣихъ ногахъ въ колодки, а

IV.

Въ слѣдующемъ году начальники волжскаго войска, собственно той части, которая осталась переселенною на Терекъ, будучи заподозрѣны въ неблаговидныхъ сношеніяхъ съ разбойни-

прочихъ, какъ въ наручняхъ, такъ и въ такихъ же колодкахъ осмотра, гораздо укрѣпить.»

2) «А потомъ принявъ изъ комендантской канцеляріи запечатанные конверты, рапортъ къ астраханскому оберъ-коменданту, господину генералъ-майору Василю Василевичу Левину, и сообщеніе господину подполковнику и Черныярскому коменданту Айдарову и подорожную для нашего благородія на двѣ лошади, да прогонныхъ денегъ какъ до Астрахани, такъ и на обратный путь, всего 14 руб. 88 коп., да кормовыхъ денегъ 70 коп., отъ воеводской канцеляріи, слѣдовать въ пути, при наряженномъ съ вами конвоемъ съ лшніи для разстановленія по состоящимъ отъ Царицына форпостамъ и въ Черной Ярѣ командѣ казаками, и, будучи въ трактѣ, оставляя назначенное, гдѣ сколько слѣдуетъ, по форпостамъ число казаковъ, а съ послѣднимъ, съ Мазанскаго, тожъ и съ подслежащими въ Черной Ярѣ 15-ю человѣками слѣдовать до Астрахани, принявъ тѣхъ разбойниковъ 7 человѣкъ отъ стоящаго при гобвахтѣ караульнаго офицера, заковать всѣхъ въ крѣпкія ручныя и ножныя колодки, посадивъ на подводы, распредѣлитъ къ нимъ изъ конвоемъ къ каждому по разсмотрѣнію вашему.»

3) «Будучи въ пути имѣти крѣпкую предосторожность, дабы утечки учинить не могли, подъ опасеніемъ за оное лишенія чести и по законамъ наказанія, осматривать всегда колодки и наручнн въ пути, окружася конвоемъ, а на ночлегахъ и ночевьяхъ въ форпостныя землянки сажать и при нихъ часовымъ смотрѣть для недопущенія ихъ до разговоровъ и чтобъ не могли другъ другу помогать въ сбиваніи колодокъ, къ лучшему смотрѣнію стараться на почѣ доставать на свѣтъ жиру или лучины, и сверхъ того, то мѣсто окружать особыми часовыми, ибо отъ такихъ злодѣевъ ничего не можно ожидать, какъ при всякомъ послабленіи сдѣлать ухоть, и обратиться на прежнія злодѣйствы не оставлять, то вамъ въ томъ нужда состоитъ, чтобъ они ежечасно были подъ вашимъ самоличнымъ смотрѣніемъ, а и ночью имѣете караульныхъ осматривать и накрѣпко имъ подтверждать о семъ, дабы находились осторожны.»

4) «На пропитаніе ихъ купить здѣсь сутки на тросъ хлѣба, употребляя по 2 коп. на человѣка въ сутки, и онымъ удовольствовать.»

5) «По прибытіи въ Черный Яръ къ тамошнему господину коменданту являсь по здѣшнему сообщенію при подачѣ онаго допестъ, чтобъ на дальней путь конвоемъ и пропитаніемъ не оставилъ онъ снабдить по своему распоряженію, и въ Енотаевской крѣпости равно отъ тамошняго господина коменданта всѣмъ снабдиться, а по прибытіи въ Астрахань, того жъ часа представить къ его превосходительству и, по отдачѣ оныхъ, просить отпуску и слѣдовать обратно и явиться въ командѣ какъ нанскорые.»

ками, выставляли передъ правительствомъ какъ важную услугу, оказанную Россіи, то обстоятельство, что стараніемъ ихъ пойманъ «*оный славный разбойникъ Кулага*».

Люди, принимавшіе на себя имя императора Петра III, были всё изъ солдатъ, казаковъ и рекрутъ: самозванецъ Кремневъ былъ солдатъ, Богомоловъ — казакъ легіонной команды, Пугачевъ — донской казачій офицеръ, Хапкинъ — отставной казакъ; точно также всё разбойничьи атаманы, предводители шайкъ, большая часть изъ эсауловъ и разбойниковъ были солдаты, военные дезертеры и молодые рекруты: знаменитый Заметаевъ былъ дезертеръ, Жеребцовъ (эсаулъ Заметаева), атаманъ Кулага, его товарищи Тарабаринъ, Шумниковъ и Васильевъ, Брагинъ и Зубакинъ — также бѣжавшіе изъ войска; Сучковъ, Хохловъ, Данилинъ, Збойковъ, Иванъ Рыжій и много другихъ, о которыхъ мы будемъ говорить, также всё военные бѣглецы. Атаманъ Науъ Филиповъ *), о которомъ пдегъ теперь рѣчь, родился въ крестьянскомъ семействѣ, самарскаго уѣзда, въ селѣ Маркванъ, въ имѣніи графа Девіера. Въ 1756 году онъ былъ отданъ въ рекруты, въ тенгинскій пѣхотный полкъ, а изъ него перечисленъ въ томскій, который въ 1770 году былъ назначенъ въ Грузію. Когда томскій полкъ выступилъ изъ Царицына по кизлярской дорогѣ, Филиповъ бѣжалъ. Такъ и Калуга оставался въ полку лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, но потомъ, какъ и Филиповъ, рѣшился искать счастья въ бродячей жизни поволжскаго разбойника. Филиповъ прежде всего пробрался на Донъ, въ самый центръ бурлацкихъ притоновъ, гдѣ атаманы, при нуждѣ, могли собирать до ста добрыхъ молодцевъ, именно въ Качалинскую станицу, гдѣ уже въ то время имѣлъ свой станъ атаманъ Ивановъ съ шайкою. Но Филиповъ не вступилъ въ шайку Иванова, а нанялся къ одному казаку — промышленнику въ рабочіе и съ качалинской пристани уплылъ на плотѣ своего хозяина внизъ по Дону, потому что плотъ слѣдовалъ въ Черкасскъ. Плаванье по Дону и бурлацкія обязанности вѣроятно не понравились Филипову, и онъ, не доѣзжая до Кочетовской станицы, притворился тяжело больнымъ. Ему выдали заработанныя деньги и ссадили на берегъ. Съ рублемъ мѣди въ карманѣ мнимой больной пришелъ въ Кочетовскую станицу, поселился въ кабацѣ и дня два шилъ «на оныя деньги» зелено ви-

*) *Дело о разбойникѣ Степанѣ Сучковѣ съ товарищи. 1775. Цар. Арх. N. 323.*

но; кабацкая жизнь свела его съ кочетовскимъ казакомъ Топорковымъ, которому Филиповъ признался, что бѣжалъ изъ вотчины, и былъ нанятъ Топорковымъ въ работники, съ платою по семи рублей въ годъ и съ хозяйской одеждой. Топорковъ взялъ Филипова на свой хуторъ, стоящій на Донѣхъ верстахъ въ шести отъ кочетовской станицы, и держалъ его два года; но потомъ, по признанію самого Филипова, Топорковъ выславъ его изъ своего хутора, сказавъ: «мнѣ тебя уже болѣе держать не можно». Филиповъ рѣшился выйти на Волгу, поискать счастья въ вольномъ поволжѣхъ и пошелъ вверхъ рѣкой Дономъ и Медвѣдницей. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже въ селѣ Руднѣ, шацкаго уѣзда, на рѣкѣ Терсѣ, впадающей въ Медвѣдницу; тамъ встрѣтился съ знакомымъ солдатомъ Ивановомъ Кирпишниковымъ, который вмѣстѣ съ нимъ былъ отданъ въ рекруты; узналъ, что Кирпишниковъ, подобно ему, бѣжалъ изъ армии и живетъ у руднинскаго малороссіянина Лифарева, Филиповъ просилъ познакомить его съ Лифаревымъ, который и послалъ ихъ обоихъ въ свой хуторъ, на рѣчку Щелкань, гдѣ бѣглецы и прожили два года, въ качествѣ работниковъ. Но потомъ и Лифаревъ, сказавъ имъ — «вы уже мнѣ болѣе не надобны,» — отослалъ отъ себя, вѣроятно, боясь попасться съ ними въ подъяческія руки, потому что это былъ уже 1774 годъ, когда противъ партій Пугачева и противъ всякихъ «невѣдомыхъ» людей принимались предосторожности. Филиповъ и Кирпишниковъ прошли за Волгу и противъ самого Камышина нанялись на казенный перевозъ въ работники, гдѣ и оставались до самаго прихода въ Камышинъ Пугачева.

У Пугачева, во время слѣдованія его изъ Казани къ низовымъ городамъ, отправлены были Волгою цѣлые караваны судовъ съ съѣстными припасами, казною, пограбленными товарами и тяжелой артиллеріей; на этотъ флотъ самозванца попустили и Филиповъ съ Кирпишниковымъ. Во время слѣдованія флотилии мимо Дубовки, Кирпишниковъ высадился на берегъ и вмѣстѣ съ другими принадлежавшими къ войску Пугачева попустилъ въ конницу этого самозванца, а Филиповъ остался на одномъ изъ судовъ и продолжалъ плыть къ Царицыну. Верста за пять до этого города, судно, на которомъ находился Филиповъ, пристало къ Денежному острову, но было атаковано, съ сухаго пути, высланнымъ изъ Царицына военнымъ отрядомъ. Такъ какъ Денежный островъ былъ недалеко отъ берега, то судно не могло спастись отъ атакующаго отряда и принуждено было сдаться;

однако Филиновъ счастливо избѣжалъ шхѣна. Когда съ берега сдѣлано было на нихъ нападеніе, Филиновъ и съ нимъ человѣкъ пятнадцать изъ находившихся на суднѣ соумышленниковъ Пугачева сѣли въ лодку, находившуюся при суднѣ, и бѣжали отъ отряда вверхъ по Волгѣ *). Они доплыли такимъ образомъ до караванской станицы, оставили свою лодку въ безопасномъ мѣстѣ и пошли въ станицу.

Всѣмъ извѣстно, что вскорѣ послѣ того Пугачевъ былъ разбитъ Михельсономъ и волжская флотилія самозванца уничтожена. Спасшіяся отъ войскъ Михельсона и Суворова толпы пугачевского ополченія разбрелись по всей Россіи. Съ ними исчезаетъ изъ виду и товарищъ Филинова Кирпичниковъ. Между тѣмъ Филиновъ, съ пятадцатью бѣглецами, изъ караванской станицы прошелъ на хуторъ казака Морозова, гдѣ надѣялся встрѣтить радушій пріемъ, потому что одинъ изъ его партій, малороссіянинъ Власъ Якимовъ, жилъ прежде у Морозова и женатъ былъ на его крѣпостной дѣвкѣ. Морозовъ дѣйствительно позволилъ имъ переночевать у себя, хотя зная, что они бѣжали изъ пугачевского ополченія, и взялъ за это отъ бѣглецовъ нѣсколько дорогихъ подарковъ **). Утромъ вся партія разошлась въ разныя стороны, а на хуторѣ остались только Филиновъ, Хохловъ, Сучковъ, о которыхъ будетъ сказано послѣ, и Власъ Якимовъ. Скоро Филиновъ свелъ короткое сердечное знакомство, или, какъ самъ выражался, — «снозначся» съ сестрою волжскаго старинни Оценкина, Приною, которая жила на морозовомъ хуторѣ, и передалъ ей на сохраненіе часть своего добра ***). Дня черезъ четыре бѣглецы встрѣтили на хуторѣ караванскаго казака, по фамили Вдовина, котораго зная Хохловъ, и этотъ послѣдній спросилъ у него:

— Не можно-ли намъ въ станицѣ у тебя въ домѣ сколько-нибудь пожить?

*) Не доплывъ онаго (Царицына) верста съ пять (говорялъ послѣ Филиновъ на допросѣ), пристали къ Денежному острову, гдѣ высаженно изъ Царицына воинскою командою онае судно съ сухова пути было атаковано; тогда мы испужавшись онаго, сѣвъ въ выблупуюся при томъ суднѣ лодку, человѣкъ до 15-ти, избѣгая себѣ пощажки и наказанія, поѣхали вверхъ по рѣкѣ Волгѣ.

***) Отъ насъ съ Василемъ Хохловымъ (слова Филинова) отобралъ плазковъ *талийскихъ* разныхъ цѣбговъ пять, цѣбой каждой по 3 рубли, да отъ пришедшаго съ нами одново бурлака взялъ тогда жъ сукна алова тонкова шесть аршинъ.

****) ... рубашки двѣ — александрийской пестреды, и изъ нихъ одна съ золотымъ позументомъ, третья отласная трѣхцѣтая, съ золотомъ же, всего по цѣнѣ болѣе 20-ти рублевъ.

Бѣглецы имѣли свои виды переселиться ближе къ Волгѣ, ибо жизнь на хуторѣ у Морозова не представляла имъ никакихъ особенныхъ выгодъ, между тѣмъ какъ Волга являлась широкимъ полемъ для ихъ дѣятельности.

— Тебя вся станица знаетъ, сказалъ Вдовинъ Хохлову, — то и Филипову по тебѣ въ ней жить можно.

Бродяги отправились въ станицу и жили у казака Вдовина съ недѣлю. Послѣ этого хозяинъ велѣлъ имъ идти къ станичному атаману и къ старшинамъ и у нихъ просить позволенія на житье въ станицѣ. Филиповъ и Хохловъ явились къ атаману, которымъ въ то время былъ нѣкто Кузнецовъ, и на этотъ разъ застали у него старшинъ Бирюлькина и Ощепкина, брата Ирины, съ которой Филиповъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По обычаю того времени, когда власти и мѣстные чины не имѣли кабинетовъ, въ которыхъ бы они могли принимать просителей для «секретныхъ» объясненій, Филиповъ вызвалъ атамана попросту въ сѣни и «поклонясь» начальнику станицы пятью рублями, просилъ его дозволить имъ съ Хохловымъ прожить зиму въ ихъ станицѣ. Атаманъ, получивъ взятку и вспомнивъ о своихъ гостяхъ, которые также участвовали въ управленіи станицею, сказалъ Филипову:

— Надо поклониться и старшинамъ.

Филиповъ вошелъ, въ покой атаманской и предписаннымъ старшинамъ на первый случай далъ по полтиннику.

— Живите до лѣта въ станицѣ, сказали старшины, — и есть-ли вы будете до насъ добры, то и мы васъ не оставимъ *).

Послѣ того Филиповъ уже ходилъ на домъ къ старшинамъ «для благодаренія» и далъ каждому изъ нихъ «по четыре рубли съ полтиною». Болѣе недѣли они снова прожили у Вдовина, какъ попечительный атаманъ опять призвалъ ихъ къ себѣ и говорилъ:

— Что вы живете у бѣднаго человѣка? Вамъ лучше хотя и заплатить за постой, жить у исправнаго казака; а у него вамъ ни пить ни ѣсть нечего.

Съ такимъ отеческимъ попеченіемъ заботились тогдашнія власти о бѣдныхъ бродягахъ. Дѣйствительно Филиповъ и Хохловъ перешли на квартиру къ казаку Рябцову, у котораго и жили до самой весны.

Но вирожденіе зимы Филиповъ не сидѣлъ сложа руки. Онъ замышлялъ сдѣлаться атаманомъ и сталъ искать охотниковъ,

*) Подлинныя слова, взятая изъ допросовъ.

«чтобы лѣтомъ,» — какъ самъ выражался, — «прибравъ партію, начать разбой». Начались между бродягами сходки и совѣщанья, — избраніе атамана, эсаула, хлопоты о пріобрѣтеніи лодокъ, оружія, пороху — точь-въ-точь какъ въ пѣснѣ, которая и теперь иногда раздается по Волгѣ:

Не черные вороны солетались,
Собрались понизовые бурлаки,
Они думали крѣпкую думушку заедно.
Ахъ, состроимъ мы, ребяташки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключенки кленовыя,
Понавѣсимъ мы веселочки ветловыя, —
Что мы грянемъ, ребяташки, впизъ по Волгѣ.

Филиповъ, какъ мы выше замѣтили, имѣлъ при себѣ неотлучно другаго бродягу, Хохлова. Василій Хохловъ былъ землякъ и односелець Филипова. Онъ также былъ крестьянинъ графа Девьера, въ 1770 году взятъ въ рекруты, а черезъ четыре недѣли бѣжалъ. Изъ Симбирска онъ прошелъ черезъ Саратовъ, и направился во вновь поселяемая нѣмецкія колоніи, гдѣ, какъ онъ слышалъ, нуждались въ рабочихъ для стройки домовъ и охотно принимали всѣхъ пришельцевъ, не спрашивая кто они и откуда; Хохловъ перебрался за Волгу, въ луговую сторону, и явившись въ колонокъ Кустаревъ, что выше села Золотаго, нанялся къ одному подрядчику въ работники. Тамъ онъ работалъ до самой осени, а послѣ Покрова дня съѣхалъ въ Камышинъ, нанялся на соляную пристань и скоро свелъ знакомство съ однимъ изъ волжскихъ казаковъ, которые своимъ свободолюбивымъ духомъ, склонностью къ смутамъ и исканью казацкой воли, ничѣмъ не отличались отъ яицкихъ и донскихъ казаковъ, какъ будто для нихъ не существовало ста лѣтъ, лежавшихъ между временемъ царя Алексѣя Михайловича и тѣмъ, въ которое они жили. «У насъ живутъ вашей братьи много: поѣдемъ со мною и у меня жить будешь,» сказалъ Хохлову казакъ Мухинъ въ отвѣтъ на сѣтованья его, что-вотъ приходитъ зима, а ему, бѣглецу, жить негдѣ и негдѣ достать работы для пропитанія. Хохловъ принялъ предложеніе Мухина и они отправились въ караванскую станицу, гдѣ Хохловъ и оставался до лѣта 1772 года, когда часть волжскихъ казаковъ должна была выступить въ Моздокъ. Съ ними вмѣстѣ вышелъ изъ станицы и Мухинъ, оставивъ Хохлова на произволъ судьбы. И съ-тѣхъ-поръ началъ Хохловъ переходить со двора на дворъ, сказываясь то «осиротѣвшимъ крестьяниномъ,» то бродягой, непомятымъ роду-племени; онъ

жилъ и у Морозова, и у Дюшанкина или Дюшаникина, и у вдовы Маланьи Васильевой, по прозванію дворинни, и у казака Защенина, у котораго дѣлалъ телѣги для отправленія въ Молдокъ, и накопецъ у казака Гурова. Такъ онъ промаялся до 1774 года, а въ этомъ году опять побрелъ въ Камышинъ работать на соляной пристани, гдѣ и оставался «до приходу злодѣйской Пугачева толпы». Съ пристани онъ взятъ былъ въ пугачевскую флотилію вмѣстѣ съ землякомъ Филиповымъ и съ-тѣхъ-поръ не разлучался съ нимъ. Когда Филиповъ сталъ формировать свою шайку, Хохловъ первый пошелъ къ нему въ товарищи. Вмѣстѣ съ Хохловымъ онъ пригласилъ бѣлаго драгуна Кондакова, шатавшагося въ окрестностяхъ Караванской станицы. Кромѣ того въ шайку Филипова поступилъ и Степанъ Сучковъ, такой же дезертеръ какъ и всѣ прочіе товарищи атамана. Сучковъ прежде служилъ въ 22 й легкой полевой командѣ, которая, во время осады Пугачевымъ Оренбурга, находилась въ яццкой крѣпости. Генераль-маіоръ Мансуровъ, находившійся тогда съ войскомъ въ Яикѣ, не имѣя возможности споспѣть съ осажденнымъ Оренбургомъ потому что всѣ дороги были заняты толпами пугачевского ополченія, отправилъ съ депешей къ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу этого Сучкова вмѣстѣ съ другимъ солдатомъ, чтобъ они тайно пробрались сквозь армію Пугачева и доставили Рейнсдорпу необходимыя свѣдѣнія. Но недалеко отъ рѣки Шлека они были пойманы пугачевскими сыпчиками (а можетъ быть и сами бѣжали — неизвѣстно) и приведены въ лагерь Пугачева: депеша у нихъ была взята, а сами они поверстаны въ войско самозванца. Черезъ мѣсяць Сучковъ бѣжалъ отъ Пугачева, пришелъ опять въ яццкую крѣпость; но, боясь наказанія за утрату депеши, снова бѣжалъ и пробрался черезъ Иргизъ и Малыковку (нынѣ городъ Волскъ) въ Саратовъ. Здѣсь онъ жилъ работою до самаго прихода Пугачева въ Саратовъ, то-есть до 6-го августа 1774 года, занимаясь къ разнымъ лицамъ поденно, а ночи проводя на берегу Волги, въ порожницхъ судахъ. По взятіи Пугачевымъ Саратова, Сучковъ поступилъ на флотилію самозванца и слѣдовалъ на судахъ внизъ по Волгѣ до денежнаго острова, откуда и бѣжалъ съ Филиповымъ, когда ихъ судно было атаковано отрядомъ войскъ правительства. Зиму онъ проживалъ у казака Морозова на хуторѣ, то на мельницѣ, жилъ и въ станицѣ у старшины Ощепкина, потому что пока у него были деньги, его вездѣ охотно держали; потомъ вмѣстѣ съ малороссіянцемъ Якимовымъ онъ поселился въ землянкѣ, у какого-то

безрукаго старика, и жилъ уже у него тайно, не показываясь въ станицѣ, а иногда только совѣтуясь съ Филиповымъ относительно предстоящихъ разбоевъ.

И такъ, мы видимъ, первыми товарищами Филинова были все люди боевые. О другихъ мы не говоримъ. Въ приготовленіяхъ и сходкахъ прошла зима, а съ наступленіемъ весны, на праздникъ пасхи, Филиновъ, Хохловъ и Кондаковъ отправились къ Морозову на хуторъ, въ гости къ пріятельницѣ Филинова Маріѣ Ощепкиной. Время было такое, что порабы и на Волгу: ледъ на рѣкѣ прошелъ, товарищи готовы, суда начали показываться на Волгѣ и спокойно проходили мимо станицы. По дорогѣ къ хутору Филинову съ товарищами повстрѣчалась партія прохожихъ, въ числѣ семи человѣкъ, такіе же какъ и они бродяги, которые, проживъ зиму по разнымъ казацкимъ хуторамъ на Дону, или теперь промышлять на Волгу. Филиновъ пригласилъ и ихъ въ свою шайку, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ послѣ пасхи съѣхаться гдѣ нибудь на берегу Волги и немедленно начать разбой. Ниже Караванской станицы находился пустой форностъ оставленный вѣроятно во время нашествія Пугачева. Не смотря на то, что форностъ не имѣлъ ни пушекъ, ни прочаго укрѣпленія, разбойникамъ онъ представлялъ удобное мѣсто для стана, потому что въ форноствѣ они могли найдти почлегъ въ оставленныхъ казаками землянкахъ, и, въ случаѣ нападенія, могли защищаться. Положено было всѣмъ съѣхаться на этомъ форноствѣ и потомъ уже, по общему согласію, приступить къ обдуманнѣйшимъ дѣйствіямъ. Последняя партія, въ числѣ семи человѣкъ, отправилась по направленію къ сестринскимъ хуторамъ, откуда она должна была выйти на Волгу, а Филиновъ съ товарищами, переночевавъ у Морозова на мельницѣ, на другой день опять прибыли въ станицу.

Въ пятницу пасхальной недѣли Филиновъ вывелъ наконецъ на Волгу свою маленькую партію. Недалеко отъ станицы они нашли свою лодку, спрятанную въ срикѣ еще въ прошломъ году, въ то время когда они спасались отъ царицынскаго отряда преслѣдовавшаго ихъ судно; въ буеракѣ они отыскали свое ружье, спрятанное вмѣстѣ съ лодкой, пистолетъ, пику, свинецъ и порохъ. Около форпоста они взяли въ свою шайку еще двухъ человѣкъ, бѣглыхъ же, бродившихъ всю зиму по окрестностямъ, а теперь занимавшихся рыбной ловлею. Три дня провела шайка на форноствѣ, въ пустой землянкѣ, выжидая другую партію, которая должна была пріѣхать сверху. Между тѣмъ, эта другая

партія, не дожидаясь распоряженій атамана, начала свои воровскіе подвиги, потому что ей представился удобный случай.

Зимой 1775 года командированъ былъ изъ Царицына въ Москву, «для препровожденія въ придворную ея императорскаго величества контору рыбы и икры,» солдатъ Степановъ. Исполнивъ порученіе, Степановъ возвращался въ Царицынъ и сначала, до Нижняго, слѣдовалъ сухимъ путемъ, а изъ Нижняго пересѣлъ въ ловецкую лодку и плылъ Волгою; поѣздъ, сопровождавшій его, состоялъ изъ шести такихъ лодокъ и на каждой изъ нихъ были рабочіе люди. Въ апрѣлѣ снѣ влѣзжалъ уже въ земли волжскаго войска и проѣхавъ антиповскую станицу, приближался къ караванской. Не доѣзжая семи верстъ до Караваянокъ, поѣздъ замѣтилъ разбойничью лодку, которая, показавшись съ луговой стороны, быстро неслась по направленію къ этому маленькому каравану, сопровождавшему Степанова. Разбойники грозили и кричали, чтобъ поѣздъ присталъ къ берегу. Ловцы, ѣхавшіе съ Степановымъ, оробѣли. Степановъ ободрялъ ихъ, говорилъ, что они должны защищаться, требовалъ сдѣлать отпоръ разбойникамъ, но напрасно: «видя обыкновенною ихъ трусостию наполненныхъ, принужденъ былъ тогда повиноваться строгому разбойническому приказанію». Поѣздъ присталъ къ берегу. Разбойники бросились на свои жертвы и всѣхъ ловцовъ обобрали тиранскимъ образомъ, такъ что не оставили не точю чего на пропитаніе, но и послѣднія рубашки съ нихъ сняли.» Степановъ вздумалъ было защищаться; но разбойники, «бивъ его смоленнымъ толстымъ пенковымъ линкомъ немилосердно, сняли съ него казенный кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули,» и оставили несчастнаго въ одномъ только казенномъ камзолѣ *). Разбойники отобрали у Степанова деньги, товаръ, закупленный имъ въ Нижнемъ, тонкія кружева, множество холстовъ и нитокъ. Обобранныя лодки остались съ раздѣтыми до-нага ловцами.

Разбойники, ограбившіе поѣздъ Степанова, принадлежали къ шайкѣ атамана Филипова: это была та партія, которая направи-

*) Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разбойники «всѣхъ ихъ обобрали, не оставя и для прикрытія ноготы платья; а какъ онъ, Степановъ, имъ было сопротивился, за что претерпѣлъ нѣсколько ударовъ толстымъ канатнымъ отрывкомъ, и снявъ съ него казенные кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули.»

зась къ сестрянскимъ хуторамъ и которую Филиповъ ждалъ къ себѣ на форшость въ воскресенье Оомниной недѣли.

Несчастный поѣздъ ловцовъ, съ голыми рабочими и съ начальникомъ, прикрытымъ однимъ только камзоломъ, въ такомъ жалкомъ видѣ долженъ былъ ѣхать до самой караванской станицы, вышелъ на берегъ и въ такомъ же странномъ костюмѣ явился въ станицу. Степановъ тотчасъ отпратился къ станичному атаману и, объявивъ ему и старикамъ о постигшемъ его несчастіи, просилъ помощи и команды для розыска разбойниковъ. Атаманъ, какъ послѣ объявлялъ Степановъ, «съ холодностію» *) отвѣчалъ ему:

— Поѣзжай! А команда для сыску разбойниковъ послана будетъ.

Холодность и грубость станичнаго атамана, показали Степанову подозрительными; онъ заключилъ изъ нихъ, что отношенія самого атамана къ разбойникамъ были нечесты; что онъ зналъ, какая партія теперь буйствуетъ на Волгѣ и что дѣло это можетъ разыгратъ столько же дурно для атамана разбойниковъ, сколько и для него, атамана станичнаго. Получивъ отказъ, Степановъ долженъ былъ опять ѣхать одинъ съ своими ограбленными и робкими ловцами, не имѣя съ собой не только оружія, но даже пищи и одежды. Но едва они отъѣхали отъ станицы верстъ шесть и пристали къ ловецкому стану отогрѣвъ свое почти ничѣмъ не прикрытое тѣло, какъ ловцы, бывшіе на этомъ стану, сказали имъ, что разбойники, ограбившіе Степанова, заѣзжали къ нимъ на станъ, и взявъ у нихъ рыбу и хлѣбъ, хвастались своимъ разбоемъ и грозили непременно убить Степанова.

— Напрасно мы солдата отпустили, не бросили въ воду, говорили они: — ежели еще попадетъ къ намъ въ руки, то смерти неминуеть... Всячески старатца будемъ, въ поѣздъ его изъ караванской станицы, поймавъ умертвить».

Эта фраза не могла не испугать Степанова, у котораго еще были въ свѣжей памяти «немилосердные» удары лишекъ, и потому онъ упросилъ своихъ ловцовъ тотчасъ же возвратиться въ караванскую станицу. Но едва они успѣли отъѣхать съ версту отъ рыболовнаго стана, какъ съ обѣихъ сторонъ Волги показались бѣгущія на нихъ разбойническія лодки, съ явнымъ намѣреніемъ исполнить угрозу. Къ счастью Степанова попутный ни-

*) Въ другомъ объявленіи — «съ грубостію.»

зовый вѣтеръ ударилъ въ поднятые паруса: лодки понеслись быстро, такъ что разбойники, не имѣя парусовъ, отстали и принуждены были прекратить погоню. Степаневъ спасся въ станицѣ. Тамъ онъ опять обратился за помощью къ станичному атаману, снова просилъ дать отрядъ казаковъ для преслѣдованія разбойниковъ; но снова получилъ отказъ. На всѣ просьбы Степанова атаманъ отвѣчалъ «съ большою азартностію:»

— Я не имѣю отъ войска грамоты для сыску воровъ... одна команда уже послана, а другой не дамъ.

Изъ словъ атамана видно, что даже для пресѣченія преступленій нужна была особая войсковая грамота, а потому попятно, въ какомъ положеніи находилась страна.

Отвѣтъ атамана возмущилъ находившагося тамъ отстаиваго капрала легионной казачьей команды Серебрякова, и онъ сталъ упрекать атамана, говоря:

— Ты не стараешься сысквать воровъ и дѣлаешь тѣмъ потачку.

На это атаманъ отвѣчалъ:

— Если ты такъ старателенъ, то поѣзжай самъ, — а я команды не даю: — команда отъ меня послана для сыску воровъ по рѣкѣ Волгѣ.

Тогда Серебряковъ, пригласивъ своего брата и нѣсколько другихъ казаковъ изъ станицы, а вмѣстѣ съ нимъ Степановъ и ловцы, сѣвъ на лодки, отправились на поиски. Скоро они встрѣтили станичные разъѣзды, посланные атаманомъ вверхъ по Волгѣ, подъ начальствомъ эсаула. Серебряковъ упрекалъ эсаула въ ослабленіи разбойниками:

— Ты не стараешься поймать воровъ...

Упрекъ былъ справедливъ, какъ оказалось впоследствии.

— Видѣлъ ли ты разбойниковъ? спрашивалъ Серебряковъ.

— Нѣтъ, не видалъ; а нашелъ только за Волгой огни, у которыхъ, видно, они стояли.

Серебряковъ, Степановъ и ловцы соединились съ отрядомъ: эсаула и всей массой отправились внизъ по Волгѣ. Не доѣзжая до пустаго форпоста, гдѣ былъ разбойничій станъ, высылка замѣтила лежащаго на берегу человѣка, а потому нѣкоторые изъ отряда, выскочивъ изъ лодокъ, схватили его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ убѣжать. На допросы Степанова пойманный сначала говорилъ, что онъ бродяга, шатавшійся всю зиму около караванской станицы, а теперь вышелъ на Волгу кормиться; но когда капраль Серебряковъ уличилъ бродягу, сказавъ, что видѣлъ

его прежде въ Караванской станицѣ, — что зналъ его, какъ бѣглеца, служившаго подъ знаменами Пугачева и, по вѣсти ихъ судна у Денежнаго Острова, скрывшагося въ станицѣ, — пойманный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно бѣжалъ изъ арміи Пугачева, когда она была разбита, потомъ жилъ въ Караваншахѣ, и согласившись съ товарищами производить на Волгѣ разбой, поступилъ въ шайку Филипова. Съ помощью угрозъ Степановъ узналъ отъ него, что онъ оставленъ былъ на берегу въ качествѣ караульнаго для наблюденія за проѣздомъ по Волгѣ судовъ и, въ особенности, для извѣщенія своей шайки о проѣздѣ Степанова, въ случаѣ если онъ покажется на Волгѣ; пойманный говорилъ, что разбойники дѣйствительно согласились убить Степанова: а теперь одна партія находится на пустомъ форпостѣ, въ землянкѣ. Степановъ, Серебряковъ и станичный эсаулъ рѣшили взять разбойниковъ обманомъ, потому что, не смотря на множество лодокъ и людей, которыми они располагали, они не надѣялись поймать хитрыхъ воровъ: для этого они послали впереди себя одну лодку, «для выману тѣхъ разбойниковъ», а сами слѣдовали за нею въ отдаленіи, позади лѣсу, такъ что разбойники могли видѣть одну только беззащитную лодку. И точно, разбойники, увидѣвъ ее, бросились изъ форпоста къ своей лодкѣ, которая стояла у берега, но замѣтивъ около лѣса множество другихъ лодокъ, бѣжали съ берега въ горы. Степановъ, Серебряковъ и ловцы бросились за ними и поймали четырехъ человекъ; но одинъ изъ разбойниковъ, за которымъ погнались казаки разъездной команды, «по попаровкѣ» ихъ, успѣлъ убѣжать. Степановъ обвинялъ казаковъ въ стачкахъ съ разбойниками, говоря, что «казаки ловить ихъ ничего не старались, да и съ глазъ своихъ одного отпустили, и видно, что они дѣлали и всѣмъ имъ попаровку.»

Какъ-бы то ни было, но атаманъ, эсаулъ и нѣсколько другихъ разбойниковъ были пойманы и Филиповъ обманулся въ своихъ надеждахъ: разбой его были для него не совсѣмъ счастливы: въ самомъ первомъ дѣлѣ онъ былъ пойманъ и уже не могъ рассчитывать на свободу. Разбойники признались Степанову, что атаманъ ихъ шайки — Филиповъ, а эсауломъ при немъ состоялъ пріятель его Хохловъ. Степанова удивило, что «бывшіе съ нимъ той (караванской) станицы казаки тѣхъ разбойниковъ, тожь и разбойники казаковъ называли, по знаемости, именами.» Мы знаемъ напротивъ, что разбойники даже со станичными властями, — съ атаманомъ и старшинами были въ самыхъ короткихъ

отношеніяхъ. Пойманные разбойники говорили, что Степановъ ограбленъ не ими, а другою партією изъ шайки Филипова, плывшею сверху Волги на сборное мѣсто, назначенное въ пустомъ форпостѣ; что послѣ та партія пріѣзжала къ атаману на станъ, перемѣнила свою лодку, чтобы не быть узнаною, и, взявъ хлѣба, рыбы и котель для приготовленія пищи, отъѣхала внизъ, за балыклейскую станицу, для того, чтобы караулить тамъ Степанова и убить его; атаманъ говорилъ, что та партія имѣетъ очень мало оружія — два ружья и одинъ дротикъ, «и ихъ-де, прибавляя Филиповъ, вамъ переловить легко можно.» Степановъ перевязалъ разбойниковъ веревками и разложилъ по лодкамъ лодкамъ, чтобы отвезти ихъ прямо въ Царицынъ и сдать на руки военному начальству. Ему хотѣлось также воспользоваться указаніемъ атамана и неожиданно напасть на шайку, отъѣхавшую за балыклейскую станицу, чтобы тѣмъ и самому избавиться опасности быть уопленнымъ, или зарѣзаннымъ, или застрѣленнымъ или наконецъ новѣшеннымъ, какъ обѣщали разбойники. Степановъ просилъ станичнаго эсаула, дать ему нѣсколько казаковъ изъ его отряда, потому что съ одними своими далеко пехрыбрыми ловцами, которые притомъ должны были караулить связанныхъ и разложенныхъ по лодкамъ разбойниковъ, онъ не отважился бы напасть на партію, которая уже однажды такъ варварски его ограбила и насмѣялась надъ нимъ. Но эсаулъ ему «съ сердцевъ» въ томъ отказалъ, примолвя:

— Я своихъ казаковъ тебѣ не дамъ, — тѣ разбойники не въ нашихъ дачахъ.

При такомъ пониманіи мѣстными властями своихъ прямыхъ обязанностей, Степанову ничего не оставалось какъ взять съ собою уже пойманныхъ разбойниковъ и продолжать свое опасное плаваніе; но эсаулъ приказалъ своимъ казакамъ отнять у него атамана Филипова съ товарищами, и когда Степановъ не соглашался уступить ему свою добычу, эсаулъ сказалъ:

— Мы и сами съумѣемъ переслать ихъ къ своей командѣ.

Потомъ приказалъ развязать разбойникамъ руки и ноги, крѣпко стянутыя веревками, и своими кушаками велѣлъ перевязать имъ только руки «чрезмѣрно слабо.» Степановъ принужденъ былъ ѣхать далѣе съ одними ловцами и рассчитывать на неизбѣжную смерть; но такъ какъ, по показанію атамана, разбойники стерегли Степанова верстахъ въ пяти или шести ниже балыклейской станицы, то поѣздъ благополучно проплылъ все пространство Волги между Караванками и Балыклейками и вскорѣ Сте-

пановъ явился къ атаману этой послѣдней станицы; потерявъ все свое платье во время перваго разгрома поѣзда разбойниками, Степановъ принужденъ былъ спать кафтанъ съ одного изъ товарищей атамана Филипова, чтобы только самому одѣться. Въ Балыкпейкахъ онъ не засталъ станичнаго атамана, но объявивъ о происшествіи эсаулу, просилъ его о снаряженіи разъѣздной команды. Однако и здѣсь пришлось ему услышать такой-же отвѣтъ, какой не разъ приходилось выслушивать отъ властей караванской станицы.

— У насъ воровъ иѣтъ!.. да и для сыску ихъ, чтобы посылать команды, не имѣется отъ войска грамоты, сказали станичный эсаулъ.

Вслѣдъ за Степановымъ пріѣхалъ изъ караванской станицы тотъ эсаулъ, съ которымъ они ловили разбойниковъ. Эсаулъ требовалъ, чтобы Степановъ возвратилъ ему снятый съ разбойника кафтанъ, что онъ не разбойничій, а казачій. Отдавъ требуемое, Степановъ, съ своей стороны, просилъ балыкпейскаго эсаула посадить подъ караулъ эсаула караванской станицы, жалуясь, что онъ отнял у него разбойниковъ, дѣлалъ имъ «облегченіе и попаровку,» развязалъ ихъ и даже отказалъ дать ему изъ своего отряда казаковъ для преслѣдованія покушавшихся на его жизнь разбойниковъ. Эсаулъ былъ посаженъ подъ арестъ. Степановъ просилъ держать его до присылки изъ станицы пойманныхъ имъ воровъ, но эсаулъ, неизвѣстно по какому поводу, былъ въ ту же ночь освобожденъ. Степановъ опять долженъ былъ ѣхать одинъ; но на этотъ разъ разбойники, вѣроятно предупрежденные своими товарищами или мѣстными властями, очень къ нимъ ласковыми, не покушались уже на новое нападеніе. Проплывъ до Дубовки, Степановъ донесъ обо всемъ войсковому атаману, которымъ въ то время былъ полковникъ Василій Персидскій, уже иѣсколько извѣстный читателямъ по нашимъ прежнимъ очеркамъ. Наконецъ Степановъ, въ концѣ апрѣля достигъ и Царицына, и 1-го мая подалъ во 2-й Царицынскій батальонъ къ батальоннымъ дѣламъ объявленіе обо всемъ, происходившемъ въ дорогѣ. Объявленіе это сочинилъ ему сержантъ Ромашевъ, тотъ самый, который, три года тому назадъ, способствовалъ къ прекращенію въ донскихъ станицахъ возстанія, вспыхнушаго въ народѣ для спасенія мнимаго императора Петра III (Самозванецъ Богомолвъ). Степановъ, говоря о нападеніи на него «воровскихъ невѣдомыхъ людей,» о преслѣдованіи ихъ съ помощью разъѣздной команды, объ открытіи «воровскихъ» становъ въ луговой и нагорной сто-

ронахъ Волги, въ пустомъ форпостѣ, наконецъ о немъ «воровскаго» атамана, эсаула и другихъ разбойниковъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ начальниковъ волжскихъ станицъ, и жадуясь на нихъ, прибавлялъ: «что я, видя такіе паводы, убоясь, чтобъ еще со мною не приключилось какой напасти, сѣвъ на ловецкія лодки, уѣхалъ въ путь.»

Объявленіе Степанова требовало немедленнаго принятія мѣръ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получались письменныя извѣстія и ходили слухи, что все повожье неспокойно, что нѣтъ ни проходу, ни проѣзду отъ воровскихъ шаекъ. Но какъ ни казались важными эти событія, какъ ни безнадежно было положеніе страны, лучшаго не откуда было ждать, и етъ кого зависѣло счастье общинальхъ и опустошенныхъ провинцій, тѣ равнодушно смотрѣли на то, что дѣлалось въ захолустьяхъ, а ближайшіе къ этимъ захолустьямъ представители власти, видя пронесшуюся мимо нихъ страшную бурю, крестились и снова засыпали.

Полгода проваляюсь между кучь рапортовъ, ордеровъ и промеморій, писавшихъ все о такихъ же «разбойныхъ случаяхъ и чинимыхъ повсюду злодѣйствахъ,» объявленіе Степанова, и только въ ноябрѣ назначена была военносудная коммиссія по этому дѣлу. Всѣ эти слѣдственные дѣла до того интересны, на нихъ такъ живо сохранился отпечатокъ времени и притомъ они такъ хорошо характеризуютъ эпоху и самую жизнь нашихъ провинцій прошлаго вѣка, что мы считаемъ ихъ важнѣйшими матеріалами для народной исторіи и извлекаемъ изъ нихъ все, что должно быть принято во вниманіе будущими историками нашего народа.

Волжское войско, запутанное съ головы до ногъ въ эти темныя воровскія дѣла, чувствуя много грѣховъ на своей совѣсти, всегда старалось прикрывать дѣянія добрыхъ молодцовъ, а вмѣстѣ съ ними и себя лично. Оно-бы желало замаять и это дѣло, но не было возможности придать ему благовидное извиненіе, и оно выигрывало по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что тянуло время или прямо отказывалось повиноваться ближайшимъ властямъ. Засадивъ въ казематы атамана Филинова съ товарищами, оно замолчало и не заботилось ни о какихъ послѣдствіяхъ. Тогда царинскій комендантъ спрашивалъ волжское войско, что пойманые въ пустомъ форпостѣ разбойники отъ караванской станицы «стробованы-ль, и нынѣ подъ караулъ отданы-ль; а ежели не требованы, то чего ради унушено.» Потомъ онъ приказалъ —

«разбойниковъ, равно атамана и эсаула, взявъ изъ станицы, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать, къ поступленію съ ними по указомъ, въ комендантскую канцелярію.» Волжское войско отвѣчало что еще прежде оно приказывало явиться въ Дубовку караванскому станничному атаману, старшинамъ, эсаулу и казакамъ для объясненія по дѣлу о Филиповѣ; но теперь препровождая въ Царицынъ разбойниковъ, войсковой атаманъ оправдалъ ихъ, говоря, что они только «имѣли намѣреніе производить проѣзжающимъ по Волгѣ рѣкѣ людямъ разбой, только еще не чинили»; онъ увѣрялъ Цыплетева, что разбойники пойманы станничными старшинами Федоромъ Букановскимъ и Алексѣемъ Сказоватовымъ, эсауломъ Сеивантьевымъ и казаками разъѣздной команды, а не такъ, какъ объявлялъ ограбленный Степановъ; что разбойники тотчасъ-же отправлены были въ базьклейскую станицу подъ присмотромъ старшины Букановскаго, котораго Степановъ и посадилъ тамъ надъ караулъ — на сутки, а совсѣмъ не эсаула. Наконецъ войсковой атаманъ добавилъ, что онъ не посылаетъ въ Царицынъ ни станничнаго атамана караванской станицы, ни эсаула, какъ напрасно обвиненныхъ Степановымъ, и выставялъ волжское войско съ хорошей стороны, говоря, что казаки безпрестанно ловятъ разбойниковъ и отсылаютъ въ Царицынъ.

Между тѣмъ, когда пойманные Степановымъ воровскіе люди еще сидѣли въ Дубовкѣ, въ городѣ произошелъ пожаръ, и во время этой суматохи изъ каземата бѣжали два арестанта, принадлежавшіе къ шайкѣ Филипова, въ числѣ которыхъ былъ драгунъ Кондаковъ, отъ котораго можно было много узнать объ отношеніяхъ чиновъ волжскаго войска къ разбойникамъ. Какъ бы то ни было, но главные предводители шайки — атаманъ Филиповъ, эсаулъ Хохловъ и Сучковъ оставались еще въ рукахъ царицынскаго коменданта и надъ ними наряженъ былъ судъ. Такъ какъ разбойники говорили, что они не производили ни грабежей, ни воровства, а волжское войско подтверждало ихъ слова, то Цыплетевъ требовалъ самого тщательнаго изслѣдованія этого дѣла, прибавляя: «какъ отъ разрушенія злодѣйской (Пугачева) толпы минуло не малое время, сумнительно повѣрить, чтобъ они не были на разбояхъ» (выше мы говорили, что Филиповъ, Хохловъ и Сучковъ — всѣ были въ арміи Пугачева и сами признались въ этомъ). Притомъ, по словамъ Цыплетева, въ комендантской канцеляріи нашлось «приличество» по этому дѣлу, именно — объявленіе Степанова о нападеніи на него разбойни-

ковъ; а потому велѣно было истребовать въ комиссію самого Степанова, чтобъ онъ уличилъ подсудимыхъ, если они въ самомъ дѣлѣ были виновны. Презусомъ военносудной комиссіи назначенъ былъ секундъ-маіоръ Константинъ Петровъ, ассессорами — офицеры Махвиловъ, Зыбаровъ, за аудитора — Хромовъ. Комиссія открыла свои засѣданія съ обыкновенными формальностями, въ 8-мъ часу утра 26 ноября. По обыкновенію, присутствовавшіе «отъ презуса уговариваны были, дабы при начинающемся, даже и до окончанія сего дѣла поступали по самой чистой совѣсти», и хранили его въ глубокой тайнѣ; по обыкновенію подсудимые были приведены и спрошены, будутъ-ли они довольны судомъ, присутствующимъ прочитана была, «для напоминовенія» присяга и т. д.

Прежде всего начался допросъ Сучкова. На предложенные ему семь обыкновенныхъ формальныхъ вопросовъ онъ отвѣчалъ *):

*) Вопросы, предлагавшіеся военнымъ подсудимымъ, выражались слѣдующимъ образомъ: 1) Какъ тебя зовутъ, чей ты сынъ, сколько тебѣ отроду лѣтъ? Въ службу ея императорскаго величества съ котораго году, мѣсяца и числа и съ какихъ чиновъ опредѣленъ? Грамотѣ читать и писать умѣешь ли? Въ церковь Божію ходишь ли? На исповѣди у священниковъ и у святаго причастія бывалъ ли? —

2) О вѣрной ея императорскаго величества службѣ ты присягалъ ли? Военной артикулъ и приличныя къ тому указы тебѣ читаны были ль и что кому за какіе преступленія штрафы чинить велѣно, ты знаешь ли?

3) На предъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ ли?

4) Будучи ты въ рекрутахъ денежное жалованье и провіантъ все сполна получалъ ли? Отъ командировъ обиды, налогъ и притѣсеній тебѣ не было ль?

5) Нынѣшній побѣгъ учинилъ ты когда, откуда и отчего, и съ кѣмъ именно, и при томъ побѣгѣ не снесъ ли ты чего казеннаго или у товарищей своихъ партикулярнаго, и будучи въ ономъ, жительство и пропитаніе имѣлъ гдѣ и у кого именно, завѣдомо бѣглое или незавѣдомо и не имѣлъ ли при себѣ воровскаго папшорта, и по немъ имя свое и прозваніе не перемѣнялъ ли?

Потомъ предлагаются другіе вопросы, сообразные съ обстоятельствами дѣла, и если подсудимый подозрѣвается въ преступленіяхъ, его спрашиваютъ, — не былъ ли на воровствахъ и разбояхъ, и смертнаго убійства, домамъ поджоговъ или какого другаго злодѣяства не чинилъ ли, не зналъ ли бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и наконецъ — *«напреняя чтобъ притить за границу не имѣлъ ли?»* Послѣдній вопросъ состоялъ въ томъ, самую ли истинную правду показалъ подсудимый и не утаилъ ли чего?

«Степаномъ меня зовутъ, Федоровъ сынъ, Сучковъ, отъ роду мнѣ 25 лѣтъ. Въ службу ея императорскаго величества взять я въ 1773-мъ году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нижегородской губерніи, арзамасскаго уѣзду, села Черновскаго, вотчины помѣщика Федора Иванова сына Ермолаева изъ крестьянъ, и опредѣленъ въ 22-ю легкую полевую команду. Грамотѣ читать и писать не умѣю. Въ церковь Божію хаживалъ, на исповѣди и святаго причастія бывалъ».

«О вѣрной ея императорскаго величества службѣ я присягалъ. Военный артикулъ и приличныя къ тому указы мнѣ читаны были, и что кому за какія преступленія штрафы чинить велѣно, я знаю.

«Напрядъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ».

«Будучи я въ 22-й легкой полевой командѣ, денежное жалованье, провіантъ, мундирныя и аммуничныя вещи получалъ сполна. Отъ командировокъ обидъ, налогъ и притѣсненія мнѣ не было».

Слѣдующими за тѣмъ отвѣтами Сучковъ объяснялъ обстоятельства своего побѣга, свою бродячую жизнь, знакомство съ Филиповымъ, Хохловымъ и другими разбойниками и наконецъ поимку. Послѣ Сучкова приведенъ былъ къ допросу самъ атаманъ, который видимо старался избѣгнуть положительнаго признанія, и потому утаилъ нѣкоторые обстоятельства, уже извѣстныя слѣдователямъ. Онъ говорилъ, что вскорѣ послѣ побѣга изъ томскаго полка, онъ работалъ на соляной пристани, что противъ Камышина, и оттуда вмѣстѣ съ какимъ-то малороссіяниномъ они отправились будто-бы на озеро Узени «для ловли рыбы и звѣря», гдѣ, устроивъ землянку, жили ровно четыре года, питаясь выручаемымъ отъ разныхъ проѣзжихъ людей на ту рыбу и на звѣря хлѣбомъ; что въ 1774 году онъ возвратился снова на пристань, гдѣ и пробылъ «до приходу толпы государственнаго злодѣя Пугачова» и т. д. Относительно поимки ихъ на пустомъ форпостѣ онъ говорилъ, что дѣйствительно имѣли въ виду производить на Волгѣ разбой, «однако еще того своего злаго намѣренія исполнить не могли»; но что погубила ихъ лодка, оставленная имъ какими-то «незнаемыми» людьми, такъ какъ эта лодка оказалась принадлежавшею разбойникамъ, ограбившимъ Степанова съ ловцами. Хохловъ также путался въ своихъ показаніяхъ; но все согласно показывалъ, что начальники караванской станицы и казаки были къ нимъ очень миро-

ствы. Комиссія не оставалось ничего болѣе, какъ вытребовать въ судѣ всѣхъ оговоренныхъ, которые, какъ она выражалась, — «изъ одного своего *лакомства*» потворствовали разбойникамъ, именно: старшинѣ Ощепкина и Бриюлькина, бывшаго станичнаго атамана Кузнецова и вповѣ избраннаго Кумскова, казака Морозова и пріятельницу воровскаго атамана Пирцу Бриюлькину. На первое требованіе, отъ 4 декабря, волжское войско не отвѣтило; тогда 16 января 1776 года послана была «дубликатная промеморія», а Цыплетева комиссія просила «напургѣйчайшимъ образомъ» подтвердить, чтобы оговоренные чины караганской станицы были непременно препсланы въ комиссію, такъ какъ именнымъ императорскимъ указомъ 1763 года велено «становициковъ и пристанодержателей съ крайнею прилежностію съспекивать и дѣла оканчивать въ мѣсяцъ». Вытребованъ былъ въ комиссію для обличенія разбойниковъ ограбленный ими Степановъ; назначены были новые слѣдователи по этому дѣлу, «презусъ» Авпловъ и нѣкоторые другіе ассесоры, которые передъ началомъ допросовъ дали слѣдующую присягу въ присутствіи священника: «Мы къ настоящему вошскому суду назначенные судіи кленемся всемогущимъ Богомъ, что мы въ семь судѣ, въ приличающихся дѣлахъ, ни для дружбы или склонности, ни подарковъ или дачей; ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и отвѣту, по ся императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государынѣ императрицы, воинскимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хотимъ, право и нелицемѣрно, такъ какъ намъ отвѣтъ дать на страниномъ судѣ христовѣ, въ чемъ да поможетъ намъ Онъ, нелицемѣрный судія».

Между тѣмъ 27 января получена была наконецъ отвѣтная промеморія изъ волжскаго войска, и начальники его видимо отказывались повиноваться распоряженіямъ, которыя именемъ правительства дѣлались въ Царьцынѣ. Войсковою атаманъ Персидскій между прочимъ писалъ въ комиссію, что «хотя оные бѣлые по разбитіи отъ злодѣйской (Пугачева) толпы по пріѣздѣ въ дачехъ Караганской станицы и шетались, но до разбитія злодѣя (Пугачева) они жительства не только не имѣли, но въ станицѣ не бывали, и по разбитіи злодѣя оные поймашы караганскою станцією посланные изъ оной отъ атамана старшинами и казаками въ разбоѣ, то ихъ показаніямъ на поимщиковъ, злоствуя за то, что они ими переловлены, едвали можно въ силу законовъ вѣрить, а *особливо есть-ли за поимку будутъ бы-*

мле разбойники показывать и за то поимщиковъ зыбирать къ слѣдствію и шить въ провъдалъ убытки, то каждому опредѣ къ поимки таковыхъ рееность можетъ быть отнята». Вслѣдствіе этого коммисія, принимая въ соображеніе, что волжская войсковая канцелярія и «по прежде производившимся въ коммисіи военнаго суда въ таковыхъ-же держаніяхъ Фергерамъ и крикерехтамъ вѣдомства свосго стариннамаъ и казакамъ, защищая ихъ въ толь-противныхъ законамъ проступкахъ, отзываясь разными обстоятельными причинами, упорствуя, суду присылки не чинила», — опредѣлила допросить однихъ разбойниковъ, сначала съ увѣщаніемъ отъ лица присутствующихъ, потомъ черезъ священника, а наконецъ съ «пристрастіемъ, подъ битіемъ батоги». Затѣмъ разбойники уличены были Степановымъ и признались во всемъ, кромѣ одного Сучкова, который не дождался конца слѣдствія и лежалъ въ тяжкой болѣзни. Такимъ образомъ, чтобы не тянулось дѣло, комендантъ приказалъ его кончить «по упорству» волжскаго войска, безъ допросовъ начальниковъ караванской станицы.

Такъ какъ послѣдніе листы въ дѣлѣ объ атаманѣ Филиповѣ утрачены, то мы не знаемъ, какое наказаніе постигло разбойниковъ; знаемъ только, что тягость преступленія ихъ увеличилась, помимо уликъ въ составленіи шайки, еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, именно — «похищеніемъ казеннаго нитереса», потому-что разбойники обвинялись въ снятіи съ Степанова «казеннаго кафтана и штановъ съ пуговицами *)». О второй половинѣ шайки атамана Филипова, спасшейся отъ преслѣдованія разъѣздной команды, въ дѣлѣ также нѣтъ свѣдѣній: можетъ-быть, на мѣсто Филипова она избрала себѣ новаго атамана и продолжала тревожить проходившіе по Волгѣ караваны.

Какъ-бы то ни было, но къ октябрю 1775 года въ рукахъ правительства находилось уже нѣсколько предводителей разбойничьихъ шаекъ. Царицынь и Дубовка представляли въ это время любопытное зрѣлище: не было дня, чтобъ по улицамъ этихъ городовъ не проходили конвои съ связанными въ колодки раз-

*) Интересно, что военносудная коммисія дѣлала запросъ баталіонному начальству, «во сколько цѣною положены по штату» солдатскій кафтанъ и штаны шитыя, и получила отвѣтъ, «что солдатской кафтанъ съ пуговицами шитой по штату положенъ два рубли шездесять две копейки пять шестыаъ на десять (2 р. 62²/₁₀ к.) штаны съ пуговицами шездесять девять копеекъ шполовиною двѣ трети одна осмая» (!! 69¹/₁₀ + ²/₁₀ + ¹/₁₀ коп.).

бойниками; то везли въ телѣгѣ, окруженной казаками, какого-нибудь атамана, то приводили съ Волги и съ окрестныхъ степей его разсѣявшуюся шайку; сегодня народъ бѣжалъ на площадь смотрѣть на раздачу пищъ-рутеневъ къ предстоящей экзекуціи, завтра — на мрачные проводы наказанныхъ. Въ тотъ день когда провожали изъ Дубовки въ Царицынъ атамана Филипова, казаки вводили въ Дубовку атамана Кулагу съ Тарабаринимъ; когда Кулага сидѣлъ въ казематѣ — въ это же время арестовали разбойника Зубакина, коповода другой шайки, ходившаго съ своимъ воровскимъ отрядомъ во внутреннія губерніи Россіи *). Филиповъ засталъ въ Царицынѣ атамана Заметаева, послѣ ужаснаго наказанія отправлявшагося въ Саратовъ для другой публичной казни, а въ Дубовкѣ Заметаевъ нашелъ Кулагу, еще не отправленнаго въ Царицынъ. Наконецъ, около того же времени черезъ Царицынъ и Дубовку провезли, по распоряженію генераль-аппенша гр. Ал. Потемкина, еще трехъ преступниковъ: малороссіянина Свирида Тарелкина (онъ же и Шевыревъ), разбойника изъ казачьихъ дѣтей Григорія Данилина и Будуджанова владѣнія казны а Зотбу Гепуля Пожикова **). Эти — «по самымъ важнымъ дѣламъ колодничи» пробыли въ Царицынѣ четыре дня и увезены въ Сибирь.

Между-тѣмъ суровые зимніе мѣсяцы представляли тяжелое испытаніе для разбойниковъ. Съ наступленіемъ холодовъ шайки ихъ мало-по-малу начинали рѣдѣть, потому-что при сильныхъ осеннихъ дождяхъ, яркіе костры, разводимые въ безопасныхъ мѣстахъ, въ чащѣ лѣса и въ оврагахъ, подъ прикрытіемъ ночи, мало грѣли тѣхъ, у кого была плохая обувь и кой-какая лѣтняя одежда. Это была пора добыванія паспортовъ, чтобы, подъ защитою законнаго свидѣтельства, можно было найти гдѣ-нибудь въ захолустѣ пристанище на долгую и холодную зиму; а между тѣмъ съ какими опасностями соединенъ былъ промыселъ добычи паспортовъ, сколько нужно сдѣлать разбоевъ и воровства, чтобы добыть годное свидѣтельство, подобрать примѣты, ростъ и волосы; сколько нужно было пересвидѣтельствовать носовъ и подбородковъ, глазъ сѣрыхъ и черныхъ, сколько разъ напрасно

*) Объ атаманѣ Брагинѣ и разбойникѣ Зубакинѣ имѣетъ быть въ скоромъ времени напечатана особая статья въ Русскомъ Вѣстникѣ.

**) Дѣло о разбойникѣ Свирадѣ Тарелкинѣ съ товарищи. 1775 г. Цар. арх. N. 343.

огрabitъ или изувѣчить прохожаго и потомъ бросить его паспортъ, не подходящій къ примѣтамъ разбойника или пресроченный. Но вотъ и Волга стала замерзать, по ней уже не тянутся караваны судовъ, рѣдко-рѣдко прокрадется по зарѣ маленькая лодченка, въ которой все лѣто мыкали горе понизовые бурлаки, теперь вщутъ на зиму пріюта. Некого грабить на Волгѣ... Пора добрымъ молодцамъ кланяться батюшкѣ-атаману и вѣрнымъ товарищамъ. И вотъ разбойники заводятъ свои лодки въ далекіе затоны, въ непроходимые камыши, прячутъ по лѣсамъ свои ружья и сабли, пикн и пистолеты, сожгутъ не мало стоговъ сѣна и старыхъ дуплистыхъ пней, согрѣвая свои окоченѣлые члены, и потомъ разойдутся на всѣ четыре стороны, до весны, до краснаго солнышка. Погуляютъ потомъ тихонько въ кабакахъ, послушаютъ говору людскаго, нападуть на хорошихъ людей и живутъ у нихъ до лѣта; а другіе между тѣмъ поплетутся въ степь, въ глухіе казачьи хутора, за Волгу, или на Иловлю и Медвѣдицу, найдуть пристанище, кто за деньги, кто за имя Христова; иные выпопаютъ себѣ землянку и живутъ въ ней какъ пустыяники.

Д. МОРДОВЦОВЪ

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЫНЦА.

V.

Виродженіи зимнихъ мѣсяцевъ лучшіе притоны для понизовыхъ бурлаковъ представляли уединенные казачьи зимовники по Яловѣ, Медвѣдицѣ и Хопру. Изъ дѣлъ царицынскаго архива мы видимъ, что зиму 1775 года на Медвѣдицѣ, въ числѣ множества другихъ разбойниковъ, скрывался атаманъ Гаврила Буковъ. Въ этомъ же году онъ былъ пойманъ и содержался въ новохоперской крѣпости, но, послѣ сдѣланныхъ ему допросовъ, въ январѣ 1776 года бѣжалъ изъ крѣпости. За нимъ разсланы были во все мѣста поиски, и между прочимъ комендантъ новохоперской крѣпости, бригадиръ Аршеневскій, 19 января сообщалъ объ этомъ въ Царицынъ, коменданту Цыплетеву, и писалъ, что «по производимымъ въ канцеляріи новохоперской крѣпости разбойнымъ дѣламъ, открылось, что по большей части разбойники и всякаго рода бѣглецы проживаютъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ землянкахъ, а разбойническій атаманъ Гаврила Буковъ между прочими допросами показалъ, что онъ прошлаго 1775 года зиму проживалъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ, въ урочищѣ, въ Черни *), у живущаго въ лѣсу березовской станицы у казака, а какъ звать не знаетъ, на пчельникѣ постриженного монаха Лѣва, и съ нимъ обще зимовалъ же березовской станицы отставной казакъ Лукьянъ Писевъ, сынъ Малышевъ, который разбойникъ Буковъ по допросѣ бѣжалъ». Вслѣдствіе этого бригадиръ Аршеневскій просилъ Цыплетева отправить въ это урочище «чистойную воинскую команду» въ надеждѣ, «не зимуетъ ли онѣи Буковъ и

*) Это, по всей вѣроятности, урочище-Каменивы хуторѣ, на рѣкѣ Черной, принадлежащее донскимъ помѣщикамъ Камениновымъ. Урочище это и теперь Малороссіице называютъ — Черна. Послѣ мы увидимъ, что въ этихъ мѣстахъ имѣли притонъ и другіе разбойники.

нынѣ въ означенномъ урочищѣ у предписаннаго монаха Льва или казака Мальшева».

Цыплетевъ, по полученіи этого сообщенія, предписалъ «находившемуся по Бузулуку у сыску воровъ и разбойниковъ, войска Донскаго господину старшинѣ», чтобы онъ отрядилъ съ надежнымъ командиромъ достаточное число донскихъ казаковъ для розыска Букова и другихъ воровъ и вельмъ-бы — «какъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ лѣсныхъ мѣстахъ, такъ неоткроется-ль объ нихъ слухъ и въ другихъ мѣстахъ, чинить поиски и буде тотъ разбойнической атаманъ Буковъ съ товарищами ево или одинъ пойманъ, или-жь гдѣ въ пристанодержательствѣ у кого изловленъ будетъ, то и съ тѣми людьми, не обращая въ Царицынъ, отправить за безопаснымъ конвоемъ къ реченному господину бригадиру Аршеневскому». О дальнѣйшей судьбѣ Букова *), монаха Льва и казака Мальшева мы ничего не знаемъ **).

Черезъ два мѣсяца послѣ отправленія съ Бузулука отряда для посковъ за Буковымъ, началась новая гонка разъѣздныхъ командъ по Волгѣ и по всѣмъ окрестнымъ степямъ. Съ наступленіемъ весны, когда ледъ на Волгѣ тронулся, показались суда съ московскими и персидскими товарами, понизовые бурлаки снова повыволзли изъ своихъ трупобъ, покинули хутора и ихъ скучную однообразную жпзнь, бросили свои медвѣдицкія землянки, поправили лодки, отыскали свое старое оружіе, пристали къ своимъ атаманамъ и вышли на Волгу. Затѣмъ изъ Астрахани, изъ баталіоновъ, снова начались дезергировки солдатъ, которые шли или на взморье, или плыли вверхъ по Волгѣ, составляя шайки и останавливая каждое плохо-защищенное судно. Астраханскій оберъ-комендантъ генералъ Левинъ снова писалъ всѣмъ комендантамъ городовъ нижняго поволжья, чтобы они принимали мѣры противъ появившихся разбойниковъ. «Понеже, писалъ онъ Цыплетеву, нынѣ Волга рѣка льдомъ вскрылась и мнѣ есть не безъизвѣстно, что по оной появляются воровскія разбойничьи шайки, того ради, ваше высокоблагородіе, извольте всѣмъ вѣдомства вашего людямъ напстрожайше подтвердить, дабы они отъ тѣхъ воровъ приняли крайнюю предосторожность и имѣли какъ водою, такъ и сухопутно, днемъ и ночью всегдашніе разъѣзды, дабы оныя воровскія шайки конечно прекращены были,

*) Не Буковъ ли воспѣтъ народомъ подъ названіемъ гора — Гаврюшенки и Гаврюшки, упоминаемаго въ мѣстныхъ пѣсняхъ?

**) Дѣло о разбойнической атаманѣ Гавриль Буковъ и первожителяхъ его казакъ Мальшевъ и монахъ Левъ. Цар. арх. No 399. 1776.

да и особливо стараться праздно-шатающихся и безпаспортныхъ ловить, ибо изъ Астрахани, изъ военнослужащихъ дезертировано немалое число, то и ежели кто изъ воровскихъ шактъ или и дезертировъ и праздно-шатающихся безпаспортныхъ пойманы будутъ, присылать ко мнѣ при рапортахъ, да и какое о поимкѣ тѣхъ злодѣевъ и протчихъ людей исполненіе чинено будетъ, ко мнѣ почасту рапортовать». Впрочемъ еще раньше этого предписанія разъѣздняя команды изъ Царицына и Дубовки разосланы были по всѣмъ дистанціямъ и сторожевыя лодки безпрестанно навѣдывались о томъ, что дѣлается на Волгѣ, — а на Волгѣ между тѣмъ было далеко неспокойно. Только потворствомъ разъѣздныхъ командъ разбойникамъ, или многочисленною и дерзостію послѣднихъ можно объяснить то, что происходило въ это время въ понизовьѣ. Кромѣ постоянныхъ разъѣздовъ и экстренныхъ высылки, за тишиной на Волгѣ наблюдали команды съ форпостовъ, расположенныхъ по Волгѣ въ весьма близкомъ отъ другаго разстояніи; не было, кажется, ни одного уголка и затона, куда не заглядывали-бы разсыльные казаки и солдаты, а между тѣмъ разбои происходили почти каждую ночь, да и самый ясный день не спасалъ путешественниковъ отъ внезапныхъ нападений. «Сего апрѣля въ разныхъ числахъ, съ слѣдующихъ изъ Астрахани судовъ о нападеніи на нихъ разбойниковъ поданы объявленія», — писалъ Цыплетевъ маіору Персидскому и просилъ его помочь въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ, потому что, за разными сухопутными командировками, за высылкою многихъ солдатъ и казаковъ на царицынскую линію, въ расположенныя по ней крѣпостцы и на форпосты, наконецъ за разными экстренными командировками, въ Царицынѣ почти никого не было и на Волгу можно было послать только нѣсколько человекъ, — а между тѣмъ въ военныхъ людяхъ, по такому смутному времени, была крайняя нужда. Персидскій въ это время находился съ своимъ отрядомъ тоже на Волгѣ, и Цыплетевъ писалъ ему: «какъ ваше высокоблагородіе съ командою своею расположились уже въ волгскомъ войскѣ и уновательно противъ полевыхъ полковъ о искорененіи и поимкѣ оныхъ (разбойниковъ) имѣете наставленіе, того ради ваше высокоблагородіе, государя моего прошу приложить въ томъ ваше всеудобовозможное стараніе и тѣхъ злодѣевъ ловя, присылать въ царицынскую комендантскую канцелярію, за что отъ главныхъ правительствъ получите достойную похвалу и благодарность; а какъ въ царицынскихъ баталіонахъ въ людяхъ такой недостатокъ, что и караулы содер-

жупца безсмѣнно, но однакожь въ двухъ лоткахъ при оберъ-офицерѣ создать и царщинскихъ казаковъ тридцать человекъ внизъ по рѣкѣ Волгѣ къ Черному Яру посланы, а потому ваши разъѣзды нужны какъ къ Димитріевску, такъ и внизъ хотя до нижней рѣки Пичуги или Ахтубы, и какой въ томъ успѣхъ происходитъ будетъ, для донсенія его превосходительству господину генералъ-маіору и астраханскому оберъ-коменданту Василью Васильевичу Левину прошу меня увѣдомлять *).

Какъ повидимому ни тщательны были эти предосторожности, какъ ни строги мѣры, принятыя противъ разбойниковъ, но ни предписанія Левина, ни распоряженія Цыплетева и волжскаго войска не имѣли успѣха. Втеченіе всѣхъ лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ 1776 года было открыто множество несчастныхъ случаевъ, но не поймано ни одного предводителя разбойниковъ; прошла и зима, наступило судоходное время 1777 года, разбойники продолжали свои «продерзости», нападали «сильною и вооруженною рукою» на расшивы и кладуши, — а ихъ никто не ловилъ, — ихъ не пугали извѣстіемъ о взятіи такого-то и такого атамана, о разбитіи того или другаго воровскаго стана. Правда, многіе изъ нихъ нападали не такъ смѣло, брали пошлину съ промышленниковъ не попрежнему, не кричали, въ виду разъѣздныхъ командъ и около самыхъ городовъ проходящимъ судамъ свое страшное «сарынъ на кичку!»**). Многія изъ шаекъ видимо откочевывали подальше отъ Волги, гдѣ въ послѣднее время, особенно въ 1775 году, онѣ лишились столькихъ сильныхъ атамановъ, въ родѣ Заметаева и Кулаги. Какъ-бы-то ни было, но разъѣзднымъ командамъ не удавалось въ это время поймать сколько-нибудь популярную личность. Замѣтно, что лѣтомъ 1778 года нѣкоторыя шайки появляются на степномъ берегу Волги, у рѣки Илавля и начинаютъ сухопутные разбои.

Илавля, впадающая въ Донъ, въ верховьяхъ своихъ очень близко подходитъ къ небольшой рѣчкѣ Камышиникѣ, принимаемой Волгой у самаго города, съ тѣмъ-же именемъ. Близость разстоянія двухъ небольшихъ рѣчекъ, одной волжскаго бассейна, а другою донскаго, дала нѣкогда Петру I мысль соединить ихъ каналомъ, хотя мысль эта оказалась неудобополнимою. Воровскіе

*) Цар. арх. No. 432. Дѣло о принятіи предосторожности отъ появившейся по рѣкѣ Волгѣ разбойнической секты (шайки). 1776.

**) Сигнальный крикъ разбойниковъ при нападеніи на суда. Крикъ этотъ еще такъ не давно раздавался на Волгѣ, и онъ очень памятенъ ильминскимъ мирнымъ бурлакамъ.

казаки, желая пробраться изъ Дона въ Волгу, проводили свои лодки вверхъ по Илавѣ до того мѣста, гдѣ эта рѣчка близко подходила къ Камышинкѣ; здѣсь лодки перетаскивались сухопутнымъ волокомъ въ Камышинку и разбойники входили по ней въ Волгу, какъ до-сихъ-поръ поется въ старой казачьей пѣснѣ:

Что пониже города было Саратова,
 А повыше было города Царицына,
 Протекала, пролегала мать-Камышинка-рѣка,
 Какъ съ собой она вела круты красны берега,
 Круты красны берега и зеленые луга,
 Она устьищемъ впадаетъ въ Волгу-матушку-рѣку;
 Что по той-ли быстринѣ, по Камышинкѣ-рѣкѣ,
 Какъ плывутъ тутъ выплываютъ два снѣрядные стружка *)
 Хорошо были стружечки изукрашены,
 Они копыльи, знаменами, будго лѣсомъ поросли;
 На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
 Удалые молодцы, все донскіе казаки,
 Да еще-ли гребенскіе, запорожскіе;
 На нихъ шапочки сабоуи, верхи бархатные,
 Еще смурые кафтаны, кумачемъ подложены,
 Астрахански кушаки полуселковые,
 Пестрядишныя рубашки съ золотымъ галуномъ **),
 Что зелень-сафьянъ сапожки, кривые каблуки,
 И съ зачесами чулки, да все гарусныя;
 Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
 Они хвалятъ, величаютъ православнаго царя,
 А бранятъ они, клянутъ воеводу,
 Что съ женою и съ дѣтьми и со внучатами: —
 Заедаетъ воръ-сабака наше жалованье;
 Кормовое, годовое, наше-денежное;
 Да еще-же не пускаетъ насъ по Волгѣ погулять,
 Внизъ по-матушкѣ по Волгѣ съ дуиннакъ воспѣвать.

Вообще въ самое отдаленное время Камышинка и Илавля были такими-же аренами разбойничьихъ подвиговъ, какъ и Волга, хотя на маленькихъ рѣчкахъ простору было меньше и около-этихъ рѣчекъ можно было скрываться только на-время и гра-

*) Въ другой поется:

Выребали выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ
 Воровскихъ казаковъ.

**) Подобныя рубашки атаманъ Филиповъ далъ на сбереженіе своей любовницѣ, Иринѣ Ощепкиной. (См. выше.)

бить сухопутные караваны, да изрѣдка нападать на хутора и селенія, перекочевывать потомъ въ глухія степи или снова выходить на Волгу. Такъ мы видимъ, что въ 1778 году разбойничьи шайки видимо стали отходить отъ Волги и устраивать станы по Илавль, Медвѣдицѣ и Хопру, не оставляя впрочемъ въ покоѣ и волжскихъ береговъ. Начались опять разбои по хуторамъ и селамъ, расположеннымъ по правую сторону царицынской линіи; хотя имена атамановъ были извѣстны, и ни одно изъ нихъ не раздавалось по окрестностямъ громче другихъ, однако положеніе обывателей было далеко незавидное. Въ это время, какъ извѣстно, волжское войско за присягу на вѣрность Пугачову переведено было на Терекъ; Дубовка, поволжскія станицы, начинающая отъ антиповской до балыклейской и ниже Дубовки, наконецъ всѣ богатыя земли, принадлежавшія нѣкогда волжскому войску, стали заселяться, по распоряженію правительства, выходцами изъ верховыхъ губерній. Переселенцы, перевозившіе за новыя отведенныя имъ мѣста свое скудное имущество, были тревожимы на всѣхъ дорогахъ; ихъ грабили въ полѣ и въ домахъ, разбивали и жгли ихъ кое-какъ сколоченныя хижины. Между тѣмъ слухи ходили, что илавлинскія шайки понизовыхъ бурлаковъ день ото дня усиливались, бѣжавшими съ Терека и съ дороги, волжскими казаками, нехотѣвшими переселяться въ такую даль отъ своихъ родныхъ пепелищъ; эти новые помощники понизовой вольницы знали всѣ входы и выходы въ каждомъ селѣ, знали всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, сидѣвшихъ издавна по Илавль и Медвѣдицѣ, и водили своихъ товарищей на грабежъ, не опасаясь попасть въ засаду, а иногда рассчитывая на доброжелательство тѣхъ немногихъ волжскихъ казаковъ, которые остались въ Дубовкѣ и по станицамъ и обязаны были наблюдать за спокойствіемъ страны. Изъ Царицына былъ посланъ отрядъ для наблюденія за разбойниками, но отрядъ этотъ нисколько не помогалъ дѣлу. Кромѣ того, что разбойники имѣли по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ пріятелей, которые увѣдомляли ихъ о движеніяхъ казацкаго отряда, шайки умѣли такъ искусно наблюдать за сторожевыми разъѣздами, что нѣкогда не попадались имъ на глаза и потому не имѣли надобности защищаться силой; они, обыкновенно, на другой день грабили то село, откуда, какъ они знали, только—что накануне вышла разъѣздная партія; они нападали и на тотъ хуторъ, куда на другой день ожидали помощь разъѣздчиковъ, то-есть они и слѣдовали за отрядомъ и предупреждали его.

Въ такомъ жалкомъ положеніи была защита страны отъ разбойниковъ. Ничтожная горсть казаковъ находилась съ походнымъ атаманомъ Забурунновымъ на поискахъ, и та была взята для другой надобности. Притомъ и самое требованіе войскового старшины Савельева — предоставить защиту страны однимъ волжскимъ казакамъ — кажется намъ нѣсколько подозрительнымъ, при той роли, которую играли въ то время волжскіе казаки. Ослабить разъѣздныя команды на Волгѣ отдѣленіемъ отъ нихъ небольшихъ отрядовъ противъ плавлинскихъ разбойниковъ казалось крайне опаснымъ, потому что все теченіе Волги отъ Дубовки до Чернаго Яру, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, осталось-бы совершенно незащищеннымъ. Это значило-бы бросить караваны судовъ на произволь судьбы, или върѣе — въ руки разбойникамъ. Правда, камышинскій комендантъ, полковникъ Ременниковъ, занявшій въ этомъ городѣ комендантскую должность на мѣсто умерщвленнаго Пугачевымъ Мелина, по распоряженію правительства отправилъ по Волгѣ воинскія команды; но и эта помощь была ничтожной защитой отъ разбойниковъ, тѣмъ болѣе что отряды, посланные Ременниковымъ, должны были оберегать огромное пространство и растянуться верстъ на 300 или 400: одинъ отрядъ, подъ начальствомъ прапорщика Фонъ-Пестолень-Корса, долженъ былъ наблюдать за разбойниками въ той части Волги, которая простиралась отъ Камышина вверхъ до села Золотого, одного изъ главныхъ разбойничьихъ притоновъ; другой отрядъ, подъ командою прапорщика Поспѣлова, защищалъ Волгу отъ Камышина внизъ до Дубовки. Они должны были «безпрестанное потрулеваніе свое производить съ перемѣною дистанціи,» — вѣроятно, взаимно обмѣниваясь постами во время съѣзда въ Камышинѣ. Ременниковъ просилъ Цынлетева, чтобъ отряды, посланные изъ Царщина, непременно съѣзжались въ Дубовкѣ съ отрядомъ, крейсировавшимъ между Камышиномъ и Дубовкою, «размѣнивались билетами» (какими билетами, мы не знаемъ) и въ случаѣ опасности его давали одинъ другому помощь. Слѣдовательно волжскія разъѣздныя команды, растянутыя верстъ на 700 или 800, ни въ какомъ случаѣ нельзя было ослабить для вспоможенія ими отрядовъ, посланныхъ противъ плавлинскихъ разбойниковъ, и по необходимости надо было ограничиваться ничтожными отрядами, находившимися подъ начальствомъ поручика Хомутскаго, походнаго атамана Забурункова и капитана Зайцова, который былъ посланъ сюда отъ государственной экономіи для на-

блюденія за переселенцами и назывался «объѣзжимъ экономъ.»

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Цыплетевъ, получивъ отъ волжскаго войска представленіе о необходимости усилить плавинскіе отряды, приказалъ вѣсть волжскимъ казакамъ, еще не переселившимся на «ново-возводимую линію» (на Терекъ), поступить подъ команду объѣзжаго эконома Зайцова; Зайцовъ же долженъ былъ принять главное начальство надъ отрядомъ поручика Хомутскаго, и вмѣстѣ съ донскими и волжскими казаками и ихъ начальниками двинуться противъ разбойниковъ, «учинить надъ тѣми злодѣями всевозможныя поиски и всемѣрно постараться переловить ихъ вѣхъ безъ упущенія.» Въ скоромъ времени Зайцовъ извѣщалъ Цыплетева, что разбойничьи партіи умножаются, что вся земля волжскаго войска наполнена воровскими пайками, бродящими около станицъ и въ особенности около хуторовъ; — что разбойники эти «чинятъ живущимъ въ тѣхъ хуторахъ и проѣзжающимъ людямъ грабежи, и выжигаютъ селенія, а сколько извѣстно мнѣ стало нынѣ, и укрѣпляютъ лошадей множественное число уже покрадено, да и до днесь среди дня отнимаютъ». Зайцовъ добавлялъ, что крестьяне объявляютъ, будто главные зачинщики смуть сами волжскіе казаки, выводимые на Терекъ. Не имѣя ни откуда защиты, Зайцовъ послалъ приказы въ волжскія станицы, антиповскую, караванскую и балыклейскую, и велѣлъ старостамъ нарядить небольшую партію мужиковъ и чѣмъ нибудь на первый случай вооружить ихъ, «хотя не вѣхъ ружьями, но по меньшей мѣрѣ рогатинами»; онъ велѣлъ, чтобы это крестьянское ополченіе соединилось съ отрядомъ волжскихъ казаковъ, высылаемыхъ изъ Дубовки, куда онъ отправлялся лично, чтобы и въ Дубовкѣ набрать и вооружить крестьянъ для передачи ихъ подъ команду казачьяго начальника; «а пнаково, прибавлялъ онъ въ рапортѣ къ Цыплетеву, буде къ поиску тѣхъ воровъ въ степяхъ однихъ крестьянъ отпривить, то какъ они о здѣшнихъ мѣстахъ мало еще свѣдомы и не настояще всоружены, а притомъ и безъ предводительства, почитаю, весьма будетъ неудобно, къ тому же безъ точнаго на то повелѣнія и смѣлости не имѣю.» Войсковою старшина Савельевъ писалъ между тѣмъ въ Качалинъ, войска донскаго войсковому старшинѣ Грекову, и просилъ у него помощи; Цыплетевъ съ своей стороны просилъ Грекова о командированіи отряда донскихъ казаковъ на Илаю. Грековъ отправилъ требуемый отрядъ и сверхъ того сообщилъ «къ медвѣдичкимъ сыскнымъ

дѣлать» о присылкѣ вспомоцествованія плавнинскимъ разъѣздамъ, потому что на Медвѣдицѣ можно еще было располагать нѣкоторою частью казаковъ, не бывшихъ подъ ружьемъ. Такимъ образомъ къ плавнинскимъ разбойникамъ приближалась гроза съ четырехъ сторонъ: изъ Царицына давно выступали съ донскими казаками поручикъ Хомутскій, изъ Дубовки выходили волжскіе казаки вмѣстѣ съ крестьянами, взятыми изъ антиповской, караванской и балыклейской станицъ; изъ Качална двинулся другой отрядъ донскихъ казаковъ, съ Медвѣдицы должна была придти такая же помощь. Только камышинскій комендантъ Ремецниковъ отозвался на требованіе Цыплетева, что у него нѣтъ въ распоряженіи коннаго отряда и что онъ не можетъ послать никакого секурса противъ плавнинскихъ шаекъ.

Вѣсть объ плавнинскихъ и поволжскихъ неурядицахъ дошла наконецъ и до астраханскаго губернатора Якобія, который въ то время сгоялъ лагеремъ при *Брауискихъ* водахъ. Ему доносили, что страна для защищенія себя отъ разбойниковъ не имѣетъ достаточно силы и что камышинскій комендантъ совершенно не можетъ подать сухопутной помощи, за неимѣніемъ конницы. Тогда Якобіи, не принимая въ расчетъ никакихъ отзывать, велѣлъ непремѣнно истребить разбойниковъ.» Какъ генерально указали ея императорскаго величества лагрѣнко повелѣваетца всѣ силы вездѣ командующимъ употреблять — злодѣйскія, воревскія партіи искоренять (писалъ онъ между прочимъ Цыплетеву), — вслѣдствіе чего и должно каждому о томъ имѣть ежеминутное стараніе, потому и предписалъ я дмитріевскому (камышинскому) коменданту, чтобъ по ближайшей дистанціи отъ Дмитріевска волжской антиповской станицы, а отъ нея простираясь даже и до половины казачьяго селенія, для поимки и искорененія тѣхъ злодѣевъ учредилъ онъ отъ себя изъ казаковъ всегдашній разъѣздъ, собравъ ихъ въ такое время изъ ненужныхъ командировокъ, *которой и продолжаютъ до самаго прекращенія злодѣянія;* а другую половину тѣхъ селеній такими-же разъѣздами защищать изволите ваше высокоблагородіе и поиски чинить снизу отъ Царицына и всячески прилежать самихъ злодѣевъ въ конецъ истребить и во всѣ окрестныя мѣста о преслѣдованіи ихъ давать знать.»

Наконецъ въ сентябрѣ этого года Цыплетевъ отправилъ на Плавлю еще одинъ отрядъ донскихъ и царицынскихъ казаковъ и поручилъ начальство надъ ними провіантъ-коммисару Ястребенкову, давъ ему словесное наставленіе, какъ дѣйствовать. Тамъ

находились уже другіе отряды донскихъ казаковъ, и однимъ изъ нихъ командовалъ походный атаманъ Мельниковъ. 17 сентября соединился Ястребенковъ съ этими отрядами и они положили идти противъ разбойниковъ общими силами; поэтому командиры отрядовъ раздѣлили свои силы на четыре части, изъ которыхъ каждая должна была идти по извѣстному направленію, производя поиски, и послѣ этихъ розысковъ положено было всѣмъ соединиться въ извѣстномъ сборномъ пунктѣ, чтобы узнать о результатѣ каждой отдѣльной экспедиціи. Такъ и сдѣлали. Нѣскольکو дней отряды бродили по всѣмъ направленіямъ, и когда соединились у сборнаго пункта, никто ничего не могъ сказать о разбойникахъ. Поиски были напрасны, потому что разбойники знали о движеніи разѣздовъ и умѣли вездѣ скрыть свои слѣды. Можетъ быть, этой неудачѣ помогла ссора между начальниками отрядовъ, тѣмъ не менѣе разбойники не давались имъ въ руки. Вскорѣ Ястребенковъ прислалъ къ Цыплетеву нарочнаго казака съ извѣстіемъ о безуспѣшности поисковъ и жаловался на походнаго атамана Мельникова, будто онъ «съ своею командою дѣлаетъ непорядки и скрываетъ, по доказательству сосѣдей, пристанодержателей.» Ястребенковъ находился въ это время съ отрядомъ своимъ, какъ самъ писалъ, *для заложу въ скрытномъ мѣстѣ.*

Между тѣмъ приближалась осень; до конца сентября разѣздные отряды не сдѣлали ровно ничего для безопасности страны; разбойники, видя приближеніе холодовъ и не желая имѣть дѣло съ казаками, разбрелись въ безопасныя мѣста. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Есть основаніе думать, что плавлинскіе разбойники, кромѣ тѣсной связи съ волжскими казаками, были въ тѣсныхъ отношеніяхъ и съ донскими, иначе плавлинская экспедиція не кончилась-бы такъ пусто. Ястребенковъ педаромъ говорилъ, что атаманъ Мельниковъ съ своею командой *дѣлаетъ непорядки*, а между тѣмъ отъ этихъ непорядковъ зависѣла жизнь и спокойствіе цѣлаго края. Вообще понизовые бурлаки были счастливѣе на Илавле чѣмъ на Волгѣ*).

Съ наступленіемъ зимы 1778 года, когда разѣздные отряды возвратились съ Илавли на зимнія квартиры, разбойники снова начали собираться партіями и нападать на обозы, проходившіе по степямъ и по Волгѣ, и на отдѣльно-стоящія поселенія, хотя

*) Цар арх. No 716. *Дѣло о поимкѣ воровъ и разбойниковъ появившихся на рѣкѣ Илавль и Волгѣ. 1778.*

нѣсколько намѣнили свою тактику. Имъ уже нельзя было собираться огромными шайками и цѣлые мѣсяцы проводить въ лѣсу, въ уединенныхъ притонахъ, откуда по временамъ отправлялись экспедиціи въ ближайшія деревни; суровое время заставило ихъ искать убѣжища въ жилыхъ мѣстахъ, у пристанодержателей. Само-собою разумѣется, что, живя такимъ образомъ, трудно было держать частыя совѣщанія, и потому разбойники ограничивались маленькими сходками, человекъ по два по три, и, сговорившись о мѣстѣ соединенія, они выходили на разбой на самое короткое время и скоро возвращались каждый къ своему пристанодержателю. Но прежде чѣмъ скажемъ о зимнихъ экспедиціяхъ, которыя возобновлялись почти каждый годъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, приведемъ нѣсколько свѣдѣній о разбояхъ на самой Волгѣ.

Весна 1779 года опять вызвала понизовыхъ бурлаковъ къ ихъ привычной дѣятельности. Съ появленіемъ на Волгѣ судовъ явились и разбойничьи лодки, а вслѣдъ за ними выплыли для дозора разъѣздныя команды изъ Камышина, Дубовки, Царицына и Чернаго Яра. Хотя опасное ремесло разбойника едва-ли кому могло казаться привлекательнымъ, однако жизнь бѣднаго населенія была такъ некрасна, существованіе на бѣломъ свѣтѣ для многихъ казалось такой тяжелой обязанностью, кусокъ хлѣба такъ трудно вырабатывался, что даже простой мужичокъ рѣшался иногда, конечно не изъ баловства и не для шутки, не отъ избытка счастья, а съ горя выйти на Волгу и попытаться добыть денегъ, которыя честнымъ трудомъ такъ не легко добывались. Мы вообще думаемъ, что только очень достаточныя побужденія выгоняютъ робкаго мужика на большую дорогу; не легка была жизнь и поволжскаго бурлака. Весною 1779 года начались переговоры между нѣкоторыми крестьянами поволжскихъ деревень *): между прочимъ составила небольшая шайка въ среднемъ актубинскомъ городкѣ, приписанномъ къ актубинскимъ шелковичнымъ плантаціямъ; нѣсколько человекъ крестьянъ, согласившись «разбивать пlyingія по рѣкѣ Волгѣ суда,» подговорили въ свою шайку нѣкоторыхъ изъ жителей верхняго погромнаго городка, и начали готовиться къ выступленію на Волгу. Конечно, когда составила шайка, приступили къ избранію атамана и есаула, и первымъ избранъ былъ Василій Тимофѣевъ, двадцативосьмилѣтній крестьянинъ, казавшійся имъ достойнымъ этого почетнаго

*) Цар. арх. № 776. Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Васильѣ Тимофеевѣ, есаулѣ Андреевѣ Татариневѣ, съ шайкою. 1799 г.

званія, есауломъ къ нему выбрали крестьянина погромнаго городка Андрея Татарниова. Разбойники приготовили нѣсколько ружей, атаманъ купилъ себѣ кремль того пистолеть (за который заплатилъ полтинникъ!), шашку, достали пороху, желѣзный кистень, и 25-го мая, взявъ небольшую лодку, выѣхали на Волгу въ числѣ только шести человекъ и направились прямо къ Денежному острову, лежащему въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Царицына. Это было самое удобное мѣсто для наблюденія за проходящими по Волгѣ судами, и разбойники избрали его для своей стоянки, остановившись на самомъ «приверхѣ» острова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлитъ Волгу на два рукава. Разбойники провели ночь въ своемъ станѣ, провели и весь слѣдующій день, наблюдая за всѣмъ, что происходило на Волгѣ: наконецъ, на закатѣ солнца они выбрали одно сплавное судно, шедшее сверху, и сообразивъ, что оно не устоитъ противъ нихъ, потому что не было защищено ни однимъ орудіемъ, атаковали его и ограбили. Судно это принадлежало балахинскому дворцовому крестьянину Овчинникову, провіантскому поставщику, и находилось подъ присмотромъ работника его, экономическаго крестьянина Вѣлухина. Такъ какъ судно нагружено было хлѣбомъ, а не красными или другими цѣнными товарами, то разбойники и не могли собрать на немъ богатой добычи: они взяли желѣзный сундучекъ съ деньгами, какія находились на суднѣ, разное платье, топоры и прочіе инструменты, нужные для домашняго обихода, захватили четверикъ пшена себѣ на кашу, и отпустили судно, не сдѣлавъ никому вреда. Едва они возвратились къ своему стану, на приверхѣ острова, и раздѣлили добычу, какъ увидѣли снова два судна, плывшія сверху, и, пропустивъ первое изъ нихъ, сдѣлали наваденіе на второе. Судно было защищено и, замѣтивъ приближеніе разбойниковъ, встрѣтило ихъ выстрѣлами изъ пушки; не имѣя равнаго оружія, разбойники должны были отступить, и такимъ образомъ судно прошло благополучно. Опасаясь, вѣроятно, чтобы станъ ихъ, на Денежномъ островѣ, не былъ открытъ и они не переловлены царицынскими разбѣдами, въ случаѣ подачи объявленія однимъ ограбленнымъ и другимъ спасшимся судномъ, разбойники не почевали въ станѣ, а поплыли на другую сторону Волги, на нагорную, и пристали къ берегу выше устья рѣчки Второй Мечетной; тамъ они расположились ночлегомъ, а утромъ опять направились къ Ахтубѣ. Но когда ночью они пристали къ берегу въ среднемъ Ахтубинскомъ городкѣ, на нихъ напала разбѣдная команда, высланная изъ Царицына, подъ начальствомъ

пятидесятника Протопопова, «ради поспѣху и прекрѣпленія воровъ, разбойниковъ и ихъ пристаподержателей;» къ разъѣздному отряду присоединились крестьяне ахтубинскаго городка — и разбойники должны были сдаться. Но одинъ изъ нихъ, желая спастись, бросился въ воду, чтобы вылавъ перебраться на другую сторону Ахтубы; въ то время, когда онъ уже плылъ, раздался выстрѣлъ и разбойникъ былъ убитъ кѣмъ-то изъ разъѣздной команды.

На другой день разбойники привезены были въ Царицынъ, сданы, вмѣстѣ съ оружіемъ и пограбленными вещами, въ комендантскую канцелярію, и въ тотъ же день допрошены. Атаманъ признался во всемъ, есаулъ также, а за ними и ихъ подначальные товарищи. Все, что было взято ими съ судна, возвращено по принадлежности, кромѣ денегъ, которыя были разобраны ахтубинскими крестьянами при поимкѣ разбойниковъ; сами они отправлены были въ воеводскую канцелярію, «для надлежащаго по законамъ изслѣдованія и за продержности ихъ наказанія.»

Именнымъ указомъ, отъ 1763 года 10-го февраля, повелѣвалось выдавать изъ казны денежныя награды всякому, кто поймаетъ вора или разбойника и приведетъ въ судъ; за разбойничьяго атамана велѣно было платить по 30 рублей, за простого разбойника 10, а за пристаподержателя 50 рублей. На основаніи этого указа пятидесятникъ Протопоповъ, поймашій, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ, атамана Тимоѣева, его есаула и двухъ разбойниковъ, требовалъ себѣ вознагражденія. Долго не получая его, онъ подалъ коменданту «доношеніе», которое мы выписываемъ ниже *).

*) Пойманные мною съ командою поровской атаманъ, есаулъ и разбойники отъ комендантской отосланы въ воеводскую канцелярію при промеріи, а таково жъ требовано о выдачѣ мнѣ съ командою за поимку тѣхъ разбойниковъ принадлежащихъ денегъ, по точію я и понимѣ неудовольствованъ; а высочайшимъ именнымъ ея императорскаго величества, состоявшимся 763 г. февраля 10, опубликованнымъ въ народъ указомъ, по 4 пункту между прочаго ясно изображено: «если кто разбойническаго атамана или разбойника поймать приведетъ, таковымъ давать изъ казны нашей за атамана по тридцати, а за разбойника по десяти рублевъ, а возвращать оныя лотомъ въ казну,» и откуда, то въ томъ указѣ изъяснено-жъ. Того ради царицынскую комендантскую канцелярію покорнѣйше прошу, веходности всевысочайшаго материяго ея императорскаго величества (указа), обнародованнаго ириподданнымъ къ поощренію ловить и приводить воровъ, о выдачѣ за то награжденія мнѣ съ командою повелѣннаго за приводъ ата-

Само-собою разумѣется, что уничтоженіе такой незначительной шайки, какъ Тимоѣева, не имѣю никакихъ послѣдствій для прочихъ поволжскихъ разбойниковъ. Такое болѣзненное явленіе въ русской исторіи, какъ поволжскіе разбой, не могло быть закрыто въ народной жизни одними палліативными средствами, потому что корни его лежали глубоко.

VI.

Истребленіе поволжскихъ разбойничьихъ шаекъ, при всей ихъ многочисленности, не было сопряжено съ такими трудностями, какъ преслѣдованіе воровскихъ партій, бродившихъ по степямъ и лѣсамъ и производившихъ свои набѣги или пѣшими отрядами въ десять, двадцать и тридцать человекъ, или на лошадяхъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣсту дѣйствія. Поволжскія шайки, разъѣзжавшія вдоль береговъ Волги, всегда могли опасаться встрѣтить разъѣзжныя команды, наконецъ могли быть атакованы съ берега, въ самыхъ притонахъ, между тѣмъ какъ лѣса и степи съ своими балками и оврагами, представляли для разбойниковъ опасныя убѣжища. Притомъ сухопутныя шайки могли скорѣе, въ случаѣ опасности, расходиться по домамъ, у кого было свое пристанище, или къ становщикамъ, которыхъ можно было найти въ каждой деревнѣ. Въ эти шайки шли не одни понизовые бурлаки и бродячая воляница, но и люди осѣдлые, крестьяне, спокойно возвращавшіеся къ сохѣ и боронѣ, послѣ удачной экспедиціи. Оттого иной разбойникъ, въ разное время, могъ участвовать въ нѣсколькихъ шайкахъ и, бросивъ одного атамана, когда его товарищамъ угрожала опасность, выжидалъ удобнаго случая, чтобъ или самому «подобрать» вѣрныхъ людей или примкнуть къ другому удальцу. Такъ разбойники трехъ шаекъ, грабившихъ въ поволжьѣ въ продолженіе десяти лѣтъ (1771—1781 г.), атамановъ Ивана Рыжаго, Шагала и Дегтяренка, — одни и тѣже лица, — то иногда являются въ шайкѣ одного, то другого *).

мана и трехъ человекъ разбойниковъ, въ числѣ коихъ и есаулъ, дабы какъ я, такъ и команда моя, за неудовольствіемъ остатца обиженными быть не могли, о томъ въ царицынскую посводскую канцелярію покорнѣйше прошу сообщить еще промерію, учинить милостивую резолюцію».

*) Цар. арх. № 701. *Дѣло о разбойникахъ вѣдомства царицынской канцеляріи, приписанныхъ къ подушный окладъ Малороссійскихъ Иванъ Збойковъ и бѣглому царицынскаго 4-го баталіона солдату Василью Овчинникову, 1778 года.*

Этимъ характеромъ отличаются похождения Шагалы, бывшаго и простымъ разбойникомъ у Ивана Рыжаго и атаманомъ другой шайки. Шагала представляетъ собой олицетвореніе типа тогдашняго поизоваго бурлака, о родѣ и племени котораго никто, кромѣ его самого, не зналъ; имени опредѣленнаго онъ также не носилъ, хотя и былъ приписанъ къ обществу камышинскихъ Малороссіянь «нагорной стороны», подъ именемъ Василья Полякова. Послѣ оказалось, что имя его было совсѣмъ не то, какое стояло въ именныхъ спискахъ камышинскихъ Малороссіянь и даже не Шагала, какъ онъ слылъ въ народѣ. Относительно этого прозвища онъ говорилъ, когда его впоследствии поймали, «Я же называюсь и Шагала, оттого что назадъ тому года съ четыре послѣ пугачевщины, здѣшній Малороссіянинъ Софронъ Вискалинъ, кѣи и нынѣ живъ, ходя со мною въ осеннее время для работъ, черезъ случившіеся на то время ручейки, усмотрѣлъ меня перепрыгивающимъ, сказалъ: *Будь отнынѣ Шагала.*» О происхожденіи своемъ Шагала рассказывалъ, будто отецъ его былъ родомъ Малороссіянинъ изъ города Рыльска, откуда еще въ молодости переселился на Донъ, и, занимаясь плотничнымъ ремесломъ, жилъ въ разныхъ мѣстахъ. «Между тѣмъ въ Пятиклубинской станицѣ сжился б..... дѣломъ съ російскою женщиною, Марьею Лаврентьевою дочерью, кою и имѣлъ безъ вѣнца за свою жену, и, живучи въ той станицѣ, отъ ней рожденъ я; а больше у нихъ дѣтей не было. Я при матери, до смерти ея, былъ лѣтъ восьми, а послѣ той ея смерти, отецъ мой сошелъ со мною въ Волжское войско, въ городокъ Дубовку, и работалъ тамъ, вскармливая меня, по разнымъ людямъ; а оттуда, оставя меня у волгскаго казака, Кирея Степанова, сына Мигузова, пошелъ онъ работать на Донъ, гдѣ и померъ». Будущій разбойникъ остался послѣ отца лѣтъ пятнадцати и жилъ у казака Мигузова года четыре. Десяти лѣтъ онъ началъ свою бродячую жизнь, оставивъ Мигузова и переселившись въ Дубовку, гдѣ жилъ у казака Семпсотнова не больше года; затѣмъ переехалъ въ балыклейскую станицу и нанялся къ казаку Бочарову» къ рыбной ловлѣ на лотку, въ веселную работу». Здѣсь онъ прожилъ лѣтъ восемь, и Бочаровъ, за усердіе Шагалы, записалъ его въ Камышинъ, въ число Малороссіянь, назвавъ сиротою. Когда Волжское войско переведено было на такъ-называемую «новую линію», въ Моздокъ, и Бочаровъ уѣхалъ вмѣстѣ съ другими казаками, Шагала остался въ балыклейской станицѣ и переходилъ отъ одного хозяина къ другому.

Во время этих странствий по дворамъ, перекочевывая съ хутора на хуторъ, въ 1776 году Шагала поселился у камышинскаго бобыля Алексѣя Рускова, на рѣчкѣ Елховкѣ, и женился, говоритъ онъ, на дочери его, «дѣвкѣ Аннѣ, съ которою и вѣнчалъ въ здѣшней (камышинской) городской успенской церкви; но кто былъ священникъ, не припомню. Женился, жилъ у того тестя около году, а потомъ, не захотя съ нимъ вмѣстѣ жить, передъ Покровомъ днемъ отошелъ и съ своею женою къ живущему на той же рѣчкѣ Елховкѣ своимъ хуторомъ, не больше какъ въ полуверстѣ, здѣшнему мѣщанину Василью Алексѣеву, сыну Свѣтлышеву, онъ же прозывается и Разстрыгнъ, и жилъ у него въ особливой землянкѣ». Бродячая жизнь сводила его не разъ съ людьми такого закала, для которыхъ не было другого дѣла, какъ «подбирать варовскія партіи», жить лѣто на волѣ, на конѣ и съ пикой, а зиму—въ острогѣ. Сидя въ кабакѣ, бродяги и прочая, «голытьба», обыкновенно заводили рѣчь о трудности своего житья-бытья, о тяжелой нищетѣ, о провляностяхъ, къ которымъ приводила эта же нищета, о томъ, что, рапо-ли, зюдно-ли, безпаспортная жизнь доведетъ до острога, до тяжелыхъ наказаній, — что не легко выправлять эти паспорта бѣдному батраку, еслибъ онъ и хотѣлъ избавиться отъ бродяжничества; говорили и о томъ, что есть-де и богатые люди, которые не боятся остроговъ, во-время ѣдятъ и пьютъ, во-время спятъ и веселятся, тепло одѣты, никѣмъ не обижены. Отсюда рѣчь заходила въ сторону; говорилось, напримѣръ, о томъ, что есть-де и такой народъ, что пьютъ-ѣдятъ некупленное, носятъ платье съ чужаго плеча, никого не боятся; что живутъ они среди степи, знаютъ одного атамана-батюшку, да и тотъ такой же какъ они простой бурлакъ, который слупиается артели.... Вотъ такой кабацкій знакомый пріѣхалъ однажды и къ Шагалѣ. Пріѣзжаго звали Иваномъ Чернымъ («онъ же прозывается и Щербакъ, потому что у него нѣтъ во рту одного передняго зуба»), и жилъ онъ, въ качествѣ батрака, у одного Малороссіянина, по имени Островскаго, на княжихъ или костаревыхъ хуторахъ. Черный звалъ Шагала на эти хутора въ гости къ Малороссіянину Сумцову, гулять, какъ онъ выражался, пмѣя на самомъ дѣлѣ намѣреніе привлечь его въ чайку, которая собиралась у послѣдняго. Шагала поѣхалъ съ нимъ и нанесть у Сумцова гости, пріѣхавшаго изъ волжскаго войска, стараго отставнаго казака, Василья Колесникова съ сыномъ Иваномъ; хозяинъ и гости пьянствовали, а вмѣстѣ съ ними стали пить Шагала и Щербакъ и все семейство старика

Сумцова; у Сумцова же, кромѣ того, былъ въ работникахъ бродяга «русскій человекъ», Иванъ Рыжій, который также присталъ къ попойкѣ на правахъ разбойника. Между тѣмъ старики Сумцовъ и Колесниковъ заговорили о «разбойномъ дѣлѣ»; думали ѣхать въ волжское войско — разбивать богатыхъ людей. Составилась маленькая шайка: старый Сумцовъ съ двумя сыновьями, ихъ батракъ Рыжій, старый Колесниковъ съ сыномъ и Шагала съ Щербаковъ, — всего семь человекъ. У каждого была верховая лошадь, кромѣ молодого Колесникова и Шагала, у котораго конь не годился для разбоевъ и быстрыхъ переѣздовъ. Нужно было достать лошадей, и Шагала съ Колесниковымъ въ ту же ночь успѣли съѣздить въ сосѣдніе барановскіе хутора, украли тамъ изъ табуна пару коней и воротились къ шайкѣ. Здѣсь произошло избраніе атамана и есаула, и атаманская власть досталась на долю Ивана Рыжаго, волѣ котораго, вѣроятно, всѣмъ было безопасно покориться, да и удалъ его, безъ сомнѣнія, была уже испытана, когда такіе старые люди, какъ Сумцовъ и Колесниковъ признали надъ собой его голосъ. Есауломъ шайки назначенъ былъ молодой Колесниковъ.

Прежде всего разбойники отправились въ предѣлы волжскаго войска, именно на Саламатинны хутора, къ знакомому казаку Гусеву, который снабдилъ ихъ на дорогу хлѣбомъ и выпроводилъ въ путь. Въ осеннюю ночь (это было въ концѣ октября 1777 года), они выѣхали отъ Гусева, и атаманъ повелъ ихъ степью, прямо черезъ сырть, въ предѣлы Войска Донскаго. Всѣ разбойники были на коняхъ и вооружены, какъ походные ратники. Скоро они пріѣхали на рѣчку Тишанку, въ округъ качалинской станицы, и напали на хуторъ донскаго полковника Дулимова: окруживъ его домъ, они схватили Дулимова, его маленькаго пасынка и бывшаго съ нимъ крестьянина, перевязали ихъ и начали грабить все, что было цѣннаго въ домѣ; брали деньги, лошадей, каштаны и другое платье, казачьи арчаки (сѣдла); взяли ружья на погонѣ, *турку* (такъ назывался особый родъ ружей), и сверхъ того захватили «масла коровьева пуда съ два». Ограбивъ Дулимова, они въ ту-же ночь поворотили къ сѣверу, проскакали верстъ двадцать пять безъ роздыха, и явились на Плавль, въ балклевскіхъ хуторахъ, гдѣ жилъ богатый казакъ Трофимъ Монацковъ, можетъ быть, потомокъ того «Сеньки Монацкова злодѣя», который

Крѣпкой думушки съ стариками не думывалъ, —
Думывалъ онъ крѣпкую думушку со ярыжками...

Перекинулся собака ко азовскому пашѣ *).

Въѣхавъ въ хуторъ, разбойники бросились къ усадьбѣ Монацкова, окружили его домъ, желая схватить самого хозяина. Но Монацковъ успѣлъ выскочить изъ дому, бросился бѣжать отъ разбойниковъ, которые замѣтили его и пустились въ погоню. Нѣсколько разъ молодой Колесниковъ, есаулъ шайки, догонялъ Монацкова; нѣсколько разъ, настигнувъ бѣглеца, кололъ его («толкалъ») дротикомъ, но или туна была пика, или невѣренъ былъ ударъ, только Монацковъ не падалъ; есаулъ пустил ему наконецъ въ догонку пулю изъ своей винтовки, — но и пуля не убила его. Монацковъ скрылся, добѣжавъ до рѣки. Между тѣмъ другіе разбойники грабили его домъ: забирали деньги и платье, захватили до шестидесяти аришинъ холста, одиннадцать паръ сапоговъ, тринадцать паръ рукавицъ бараньихъ, пятьдесятъ паръ подошвъ, «бешметъ китавшиной синей одинъ, сарафанъ женской кумачиной одинъ, двѣ женскія сороки съ *подзатыльниками золотова позументу*, шапокъ красныхъ двѣ, зеленую съ ушками одну, кушакъ полушелковой одинъ, рубахъ мужскихъ бѣлыхъ три, портъ тяжныхъ двои, два ружья, арчакъ съ приборомъ и сѣделкой одинъ, масла коровьева четыре пуда, меду полпуда» и т. д. Самъ атаманъ бросился съ огнемъ въ клѣть; анбаръ тотчасъ вспыхнулъ; за нимъ загорѣлся чуланъ, бывшій въ одной связи съ анбаромъ; въ то же мгновеніе пламя охватило избу, крытую соломой, — и огонь быстро распространился**).

Въ домѣ, въ чуланѣ, спали маленькіе дѣти, мальчикъ и дѣвочка. Когда пламя разлилось по всему строенію, разбойникъ Шагала бросился въ чуланъ спасать дѣтей и вынесъ ихъ на своихъ рукахъ совѣмъ съ постелью ***). Оставивъ дѣтей и видя, что хуторъ весь горитъ, разбойники бросились въ сторону, опасаясь погони. «Испугавшись, чтобъ на пожаръ не сбѣжались люди, поѣхали все наскорѣ по рѣкѣ Плавлѣ, и не доѣзжая Соломати-

*) Этотъ Сенька Монацковъ измѣнилъ казакамъ и бѣжалъ въ Азовъ. Когда паша спрашивалъ его, «что думаютъ въ черкасскомъ городѣ», онъ отзывался, что старики пьютъ-гуляютъ, «по бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ паша говорятъ». Тогда паша, чтобъ казаки не прошли въ море, протянулъ черезъ Каянчу руку цѣпи, привязалъ къ нимъ струны и «подвелъ ихъ къ звонкимъ колоколамъ». Ни одна лодка не могла пройти, не задѣвъ за цѣпи: «тогда звонили колокола и Турки вооружались», но казаки обманули Турокъ.

***) После разбойники говорили, что атаманъ печально зажегъ хуторъ: доставая со стѣны ружья, онъ поджегъ висѣвшій тамъ копоши.

***). И и едва успѣлъ изъ чулана вынести синицкихъ на постелѣ малолѣтнихъ мальчика и дѣвочку, коня и съ гою поспелеею отъ погорѣнія спасъ и оставилъ ихъ живыхъ», говоритъ впоследствии Шагала на вопросѣ.

ныхъ хуторовъ, въ сырту, пограбленное у Дулимова и Монацкова по себѣ раздували», говорилъ Шагала. На долю каждаго разбойника досталась довольно-цѣнная добыча; награблено было столько, что каждый могъ брать изъ вещей что угодно—«брать отъ товарищей было невозможно».

Послѣ этого набѣга шайка на-время разошлась, и каждый изъ разбойниковъ поѣхалъ въ свой домъ. Шагала съ Щербаконемъ отправились на Саламатны хутора, къ пристанодержателю Гусеву, о которомъ мы упоминали выше, и отдали ему всю добычу на сохраненіе. Шагала кромя того предложилъ хозяинкѣ дома, женѣ Гусева, подарокъ отъ себя, именно кумачный сарафанъ, взятый у Монацкова. На другой день разбойники еще разъ собрались у стараго Сумцова и отпраздновали удачную экспедицію, — «цѣлой день шли магарычи». Шагала отправился потомъ домой, въ свою бѣдную землянку, вѣшкомъ, потому что не посмѣлъ ѣхать на краденой лошади и бросилъ ее въ саламатинскихъ займищахъ. Мѣщанинъ Светышевъ, у котораго Шагала занималъ землянку, понялъ, что постоялецъ его не даромъ пронадалъ около десяти дней и воротился безъ лошади; что сосѣдство такого гостя, какъ Шагала, весьма опасно. Когда Светышевъ спросилъ его о причинѣ отлучки и потерѣ лошади, Шагала отвѣчалъ, что «впьянствовалъ на Плавлѣ у разныхъ знакомыхъ людей, а лошадь продалъ». — «Знать, ты не за добромъ отгуливаешь», говорилъ ему Светышевъ и велѣлъ оставить его землянку: «выбирайся вонъ изъ моего дому, чтобъ мнѣ за тебя не пахнуть хлопотъ». Прогнанный Светышевымъ, Шагала опять началъ бродить съ мѣста на мѣсто, перегакивая съ собой и жену, которая ни въ чемъ не была виновата: сначала онъ жилъ у тестя, но покойная жизнь не удовлетворяла его, а бѣдность вынуждала искать средствъ для существованія. И вотъ онъ пригласилъ къ себѣ четырехъ товарищей, чтобы на слѣдующее лѣто отправиться на Елтонское озеро ломать соль; наняли себѣ за Волгой, въ Николаевской слободѣ, землянку и поселились въ ней. Но судьба какъ бы нарочно толкала бродягу на новыя приключенія, на новые переходы съ мѣста на мѣсто, на безконечное по бѣлу свѣту мыканье, въ которомъ воишѣ выражается невеселая жизнь русскаго батрака. Во время этихъ переходовъ онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ начались его первые разбои; исходилъ все волжское войско, батрачилъ по самымъ глужимъ захоlustьямъ, и наконецъ лѣтомъ 1778 года, услышалъ, что нѣкоторые изъ товарищей его по разбою взяты подъ караулъ и преданы суду. Опасно было

возвращаться домой, и Шагала, забывъ жену и свое жалкое хозяйство, снова забирается въ глушь, пока не набрелъ на людей, которые узнали въ немъ разбойника, бывшего въ шайкѣ Рыжаго. Его поймалъ казакъ Забуруиновъ, которому впоследствии Шагала заплатилъ разбоемъ за эту поимку. Войсковою старшина Савельевъ цѣлыми заставилъ Шагалу признаться въ своихъ преступленіяхъ, хотя не вынудилъ у него признанія въ томъ, кто онъ и откуда. Сначала Шагала говорилъ, что онъ бѣглый рекрутъ; но старые казаки уличали разбойника тѣмъ, что знали его еще маленькимъ, когда онъ жилъ въ волжскомъ войскѣ; доказывали, что онъ взросъ между ними. Савельевъ набилъ ему на ноги большія колодки и отправилъ въ Дубовку, гдѣ Шагалу и засадили въ тюрьму. Наконецъ разбойникъ повинился во всемъ, и такъ какъ дѣло о шайкѣ Рыжаго производилось въ Камышинѣ, то и Шагалу отравили туда съ двумя конвойными казаками. Ночью они выѣхали изъ Дубовки, захавъ предварительно въ кабакъ, гдѣ Шагала напоилъ конвойныхъ допьяна и самъ напился; кромѣ того онъ взялъ на дорогу, какъ самъ говорилъ, «хорошую бутылку вина», которая и спасла его въ дорогѣ. До перваго форпоста, что стоитъ въ Широкомъ буеракѣ, они доѣхали благополучно; а когда на другой день утромъ конвойные смѣнились и Шагала приближался къ балыклейскому форпосту, онъ сталъ снова поить своихъ караульныхъ. Наконецъ, выбравъ удобную минуту, онъ снялъ съ ноги колодку и, «ударя кулакомъ того казака, что на телегѣ сидѣлъ, по затылку такъ больно, что онъ съ телеги свалился запудумертва, ушелъ въ лѣсъ, и хотя меня другой караулецъ (верховой казакъ) и ловилъ, но не поймалъ».

Глухими дорогами Шагала пробрался на Липовы хутора, къ пристаподержателю Никольскому, бывшему яицкому казаку, перешедшему послѣ въ Волжское войско. Подобно всѣмъ яицкимъ казакамъ, Никольскій мало подчинялся стѣснительному порядку и, если самъ не всегда ходилъ на разбой, то охотно принималъ полизовую вольницу, снабжалъ ее всѣмъ необходимымъ и снаряжалъ въ воровскіе походы. У Никольскаго Шагала опять встрѣтилъ извѣстнаго атамана Ивана Рыжаго, вся жизнь котораго отдана была сформированію шаскъ и безконечнымъ разбоемъ. Отданный въ рекруты еще въ 1771 году, по мірскому приговору государственныхъ крестьянъ села Кріушей, симбирскаго уѣзда, онъ вскорѣ послѣ приведенія къ присягѣ, бѣжалъ изъ рекрутской партіи, и восемь лѣтъ бродилъ по всему поволжью, оставляя по се-

бѣ память вездѣ, куда ни заносила его кочевая жизнь понизоваго бурлака: жилъ онъ и у нѣмецкихъ колонистовъ за Волгой, и ломалъ соль на Елтонскомъ озерѣ вмѣстѣ съ прочей вольницей и ходилъ по Волгѣ на судахъ, былъ и въ волжскомъ войскѣ, пробрался наконецъ на Терекъ. Но на одной покражѣ онъ былъ пойманъ отцомъ того казака Забуруннаго, который изловилъ Шагала, былъ въ Царицынѣ подѣ судомъ, получилъ 6,000 ударовъ шницъ-рутенъ, и отданъ въ царицынскій баталіонъ въ солдаты, откуда, по выздоровленіи, едва зажили на спинѣ кровавые слѣды наказанія, бѣжалъ, на третій день по опредѣленіи въ службу и увелъ съ собой еще трехъ солдатъ, сдѣлавшихся подобными ему разбойникамъ. У Никольскаго же Шагала встрѣтилъ еще одного разбойника, который слылъ подѣ именемъ *стародубскаго купца Якова* и былъ однимъ изъ лучшихъ пріятелей атамана Рыжаго. Естественно, что Рыжій не замедлитъ пригласитъ Шагала въ свою шайку, говоря: *Есть у насъ добрые товарищи, — не хочешь ли съ нами разбойничать?* Шагала ничего больше не оставалось, какъ принять предложеніе атамана, который вскорѣ и объявилъ воровской походъ въ окрестныя степи, на большія проѣзжія дороги. Шайка сошлась у Никольскаго, и Рыжій, котораго разбойники называли *предводителемъ*, повелъ товарищей прежде всего добывать лошадей: каждый взялъ узду, и шайка пѣшкомъ отправилась верстъ за тридцать, въ урочище Озерки, гдѣ ходилъ въ полѣ богатый табунъ войсковаго атамана Волжскаго войска Василія Персидскаго; разбойники выбрали для себя самыхъ лучшихъ коней, взяли нѣсколько казачьихъ арчаковъ съ приборомъ, ружье, дротикъ, и къ ночи воротились къ Никольскому. Однако вся шайка не вѣзжала въ хуторъ, чтобъ не обратить на себя вниманіе, а остановилась въ сосѣднемъ буеракѣ; разбойники отдали лошадей подѣ присмотрѣ нѣкоторымъ изъ товарищей, отправились въ хуторъ и вскорѣ воротились съ полнымъ запасомъ оружія, съ винтовками, пистолетами, пиками, шапками, арчаками и прочей военной сбруей; захватили въ путь съѣстныхъ принадлежностей, дорожнаго платья, осѣдлали лошадей, «нарядились точно какъ казаки», и въ ту-же ночь шайка двинулась по направленію къ Волгѣ.

Рѣдко разбойники того времени избирали опредѣленное направленіе для своихъ походовъ, рѣдко имѣли въ виду лицо или мѣсто, а шли куда глаза глядятъ, били того, кто попадался, и сторожили на большихъ дорогахъ пѣшаго и коннаго; иногда впрочемъ дѣлали набѣги на какого-нибудь извѣстнаго богатаго

человѣка, а на пути брали все, что им встрѣчалось. Рыжій повелъ свою шайку къ караванской станицѣ, гдѣ у него были знакомые, съ которыми ему нужно было переговаривать. Разбойники остановились въ степи, недалеко отъ станицы, а атаманъ съ однимъ изъ разбойниковъ, котораго называлъ Дмитріемъ *Легионнымъ*, потому что онъ служилъ когда-то въ московскомъ легионѣ, заходилъ въ станицу на нѣсколько часовъ, откуда принесъ для шайки хлѣба и еще одинъ пистолетъ. Затѣмъ шайка направила путь къ антиповской станицѣ, все въ ту же ночь, и еще до разсвѣта, за полверсты отъ станицы, атаманъ приказалъ остановиться въ полѣ кормить лошадей, а самъ взялъ съ собою саула и Легионнаго, и отправился съ ними въ станицу, гдѣ у него, какъ и въ Караванникахъ, были приятели и становичики. На разсвѣтѣ Рыжій воротился и опять причесъ съ собой хлѣба и пару пистолетовъ. Онъ сообщилъ товарищамъ, что въ тотъ день одинъ изъ его недруговъ и врагъ Шагалы, подпоручикъ Забурунновъ, поѣдетъ въ Камышину. Положено было ограбить Забуруннова. Не медля ни минуты, шайка поскакала по направленію къ Камышину и остановилась въ широкихъ вершинахъ, гдѣ намѣревалась встрѣтить Забуруннова. Разбойники вывели лошадей на опушку лѣса и, спутавъ ихъ, пустили на поляну пастись, а сами залегли по кустамъ. Легионный назначенъ былъ часовымъ и, для наблюденія за проѣзжими, влезъ на высокое дерево, откуда видна была вся окрестность. Разбойники недолго ждали: «ѣдетъ!» закричалъ караульный, и въ одно мгновеніе шайка была готова; все сѣли на лошадей, поскакали навстрѣчу Забуруннову, сдѣлали кругъ около его кибитки и повели съ дороги въ лѣсъ, на ту поляну, гдѣ паслись ихъ лошади. Забурунновъ былъ не одинъ: съ нимъ была его жена; на нее сильно подѣйствовало появленіе разбойниковъ, которые впрочемъ, какъ сами потомъ увѣряли, обошлись съ своими плѣнными очень великодушно и не произнесли даже ни одного «браннаго слова». «И хотя Легионный Дмитрій (одинъ изъ самыхъ буйныхъ и дѣягельныхъ разбойниковъ) и стращаль ево, Забуруннова, повѣситъ или застрѣлитъ, прикладываясь нарочно изъ ружья, но какъ на то у насъ условія не было и отъ атамана приказу не отдано, а онъ, Забурунновъ, ни въ чемъ не протпвился, жена ево и малолѣтней слуга плакали, то, взявъ у него грабежомъ изъ кибитки денегъ дватцать одинъ рубль, саблю офицерскую съ мѣдною оправой одну, ружье одно, патронницу съ патронами, плагокъ бумажной пестрой одинъ, да сняли

съ одной лошади узду и со слуги ево шапку, не чиня никакова насилія, не только побой, ниже браннова слова, вырвывая на дорогу, отпустили» *). Ограбивъ Забуруншова, они тотчасъ же остановили еще двухъ проѣзжихъ, слѣдовавшихъ въ Камышинъ, и отняли у нихъ нѣсколько денегъ. Потомъ поскакали въ горы, въ такъ-называемыя Сестренины вершины, гдѣ остановились для дуванъ пограбленнаго и, раздѣливъ деньги и вещи, поскакали далѣе, по направленію къ Илавѣ. Но едва разбойники переѣхали эту рѣчку, какъ увидѣли обозъ, подвигавшійся къ Саламатинымъ хуторамъ. Не медля ни сколько, они поскакали на проѣзжихъ и по обыкновенію окликнули ихъ: «что за люди?» «Камышинскіе!» отвѣчали проѣзжіе торговцы и безъ сопротивленія отдались въ руки шайки. Разбойники и этихъ ограбили. Взяли нѣсколько мѣшковъ мѣдныхъ денегъ, множество платья, товару, три ружья, пороху, два казачьихъ дротика и проч. Димитрій Легіонный, какъ послѣ оказалось, и здѣсь сдѣлалъ по-своему, и ловко успѣлъ припрятать отъ товарищей одинъ мѣшокъ съ деньгами. Впрочемъ и съ этими ограбленными жертвами, какъ съ Забуруншовымъ, разбойники обошлись ласково, «не дѣлая имъ никакова зла (!) и побой, потому что они не протпвились».

Послѣ этого нападенія шайка болѣе двухъ дней оставалась въ лѣсу, околу рѣчки Песковатки, гдѣ произошелъ новый дуванъ денегъ и пограбленной «нажити», и какъ добыча была очень богата, то въ дележъ шли только деньги, а все прочее дозволено было брать сколько душѣ угодно. Два старыхъ ружья бросили въ Песковатку, потому что въ хорошемъ оружіи уже никто не чувствовалъ недостатка, а съ лишнимъ неудобно было возиться въ быстрыхъ походахъ и въ настоящихъ ожданіяхъ погони. Разбойники потому оставались такъ долго на одномъ мѣстѣ, что двое сутокъ шелъ проливной дождь, да кромѣ того нужно было припрятать часть добычи, а иначе трудно было тащить съ собой и мѣшки съ деньгами, и лишнія вещи. Шайка разбрелась по лѣсу и каждый пряталъ свои деньги и свою нажить отдѣльно, таясь отъ товарищей, потому что какъ ни дружна была шайка во всякомъ нападеніи, какъ ни строго таилась тайна ихъ общаго дѣла, однако никто не рѣшался повѣрить своей доли другому: они прятали ее кто куда разсудилъ, таясь одинъ отъ другаго, зарывая въ землю, а иные по малому

*) Вить былъ также у Забуруншова ситокъ серебра, но кто-то изъ разбойниковъ утаилъ его.

дѣлу оставляли и при себѣ». Только Шагала не зарылъ своихъ денегъ, тайно придумывая, какъ-бы покинуть шайку и обратиться въ свою землянку, къ женѣ, которую онъ такъ давно бросилъ на произволъ судьбы. Для этого онъ передалъ артели, что ему необходимо побывать въ Камышинѣ, заготовить хорошей «сбруей» и порохомъ, и просилъ товарищей отпустить его на время. Шагала былъ отпущенъ. Тогда Рыжій повелъ свою шайку за Илавлю, въ глухія медвѣдичкія и саратовскія степи, гдѣ лежала торговая дорога изъ верховыхъ городовъ къ поволжью; между тѣмъ и самая необходимость требовала немедленно удалиться отъ предѣловъ волжскаго войска, потому что слухи о шайкѣ Рыжаго начали переходить изъ устъ въ уста, и какъ мы прежде видѣли, со всѣхъ сторонъ на Илавлю наряжены были развѣздныя команды, по селамъ и хуторамъ разсланы были нарочные съ повѣстками, вездѣ читались приказы объ истребленіи разбойниковъ и каждая община обязана была ловить ихъ, указывать ихъ становщикамъ и выдавать тѣхъ и другихъ правительству. Но въ красноярскомъ юрту, недалеко отъ Медвѣдичи, Рыжій снова напалъ на профессіихъ Малороссіянъ и захватилъ богатую добычу деньгами. Недѣли двѣ онъ держалъ въ осадномъ положеніи всѣ красноярскіе хутора, бралъ съ нихъ поборъ баранами и хлѣбомъ; потомъ онъ заворотилъ свою шайку на югъ и привелъ ее къ своему становщику Никольскому, на Липовы хутора; снова произвелъ дѣлежъ награбленныхъ денегъ, арчаки велѣлъ побросать въ буеракъ, сбрую и оружіе раздать, лошадей снова пустить въ табунъ, а товарищей по домамъ, то есть, велѣлъ имъ идти куда кто вздумаетъ, пока снова они ему не понадобятся.

Скоро мы увидимъ, что Рыжій опять встрѣтится съ своими товарищами.

VII.

Мы оставили Шагалу на илавлинской степи, у рѣчки Песковатки, гдѣ разбойники шайки Рыжаго зарыли въ землю свои деньги. Получивъ согласіе артели на проходъ до Камышина, Шагала поѣхалъ вдоль Илавли, по направленію къ городу, однако, сознавая опасность своего положенія, не думалъ скоро возвращаться къ женѣ, а желалъ какимъ-бы то ни было образомъ скрыть слѣды своихъ преступленій и рѣшился укрыться въ такихъ мѣстахъ и между такими людьми, которые его не знали. Не оставалось ничего болѣе, какъ бросить хотя на время, ре-

месо разбойника и выждать, чѣмъ кончится дѣло всей шайки. У Петрушинныхъ хуторовъ, за 25 верстъ отъ Камышина, Шагала сошелъ съ своего коня, снялъ съ него сѣдло и пустилъ въ поле на свободу; свои разбойничьи доспѣхи, — ружье и пику, вмѣстѣ съ арчакомъ, спрятали въ терновые кусты, чтобы оружіе не могло никому попасться на глаза и навести на слѣды преступленій. Мѣшокъ съ деньгами, доставшимися ему по дувану, онъ перекинулъ черезъ плечо, въ видѣ котомки, и опять, какъ бродяга переходящій, потащился пѣшкомъ по глухимъ проселкамъ, обошелъ стороною тѣ мѣста, гдѣ могли узнать въ немъ разбойника, оставилъ вправѣ Камышинъ и выбрался на саратовскую дорогу. Когда Камышинъ остался въ сторонѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣста походовъ шайки Рызаго, тогда, наконецъ, товарищи не могли уже нагнать его, еслибъ и вздумали, Шагала рѣшился отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ: забравшись въ канаву, оставшуюся еще отъ шлюзныхъ работъ при Петрѣ I, когда думали соединить Волгу съ Дономъ, Шагала пролежалъ подъ землянымъ валомъ цѣлыя сутки. Около пѣмецкой колоніи Каменки онъ зарылъ въ землю свои деньги и снова сталъ такимъ же батракомъ, какъ былъ прежде, нанявшись къ колонистамъ косить сѣно. Затѣмъ онъ подрядилъ какого-то гусара, продававшего по колоніямъ деготь, отвезти его въ Саратовъ; изъ Саратова онъ переправился за Волгу, жилъ въ Покровской слободѣ, косилъ траву и жалъ хлѣбъ у тамошнихъ Малороссійянъ; затѣмъ сѣлъ на судно и поплылъ къ Царицыну, гдѣ жизнь все-таки была вольнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ понизовые бурлаки могли скрыть и пріютить своего товарища бездомнаго, гдѣ можно было день проводить за работой, а ночью грѣться на разбойничьемъ притонѣ, у горящаго костра. Потомъ судьба занесла его къ одному польскому переселенцу, Петру Полякову, жившему на рѣчкѣ Пичугѣ своимъ хуторомъ, недалеко отъ Царицына. Поляковъ хотѣлъ уже Шагалу записать въ «Малороссійскій окладъ», въ число приписныхъ обывателей Царицына, и Шагала соглашался навсегда остаться въ этихъ мѣстахъ, и конечно вызвалъ-бы къ себѣ жену, — какъ появились изъ Царицына полицейскіе сыщики, разосланные по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ, потому что разбойничьи шайки и безпаспортные наводнили всѣ окрестности города, все среднее и нижнее повожье и наконецъ всѣ степныя равнины между Дономъ, Медвѣдицей, Хопромъ, Бузулукомъ и Илавлей. Шагала долженъ былъ снова покинуть это покойное мѣсто и снова бродить по бѣлу свѣту. «И сошелъ

я въ Качалинскую станицу (говорилъ Шагала присутствующимъ, когда его допрашивали въ Камьнинѣ), и тамъ работалъ подевно на пристани до самой глубокой осени, и какъ уже работы не стало, то сошелъ я отсюда Донскаго къ войска въ Лавлинскую станицу и, побывъ тамъ съ недѣлю, види, что наступать стала зима, а безъ паспорта нигдѣ держаться не стануть, взять намѣреніе возвратиться въ домъ къ тестю своему бобылю Рускову, и въ своихъ разбойныхъ дѣлахъ принести повинную въ димитріевской гражданской канцеляріи, почему и шелъ, пробираясь Плавлею рѣкою, и сколь скоро пришелъ въ Княжіе хутора, то тѣхъ, малороссійской десятникъ Прокофей Погашевъ, имѣя отъ канцеляріи и отъ полиціи о поимкѣ меня давно публикаціи съ прочими мірскими людьми взять подѣ караулъ и привезъ сюда въ городъ, въ малороссійское громацкое правленіе, а изъ оного при рапортѣ атамана Ильи Косенка представленъ въ димитріевскую гражданскую канцелярію. Окромѣ вышеизначуемыхъ разбоевъ, въ другихъ злодѣйствахъ ни гдѣ и ни съ кѣмъ я не бывалъ, смертныхъ убивствъ и пожеговъ не чинилъ, воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей, также бѣглыхъ солдатъ, матросовъ и рекрутъ не знаю, да и что я на значущихъ разбояхъ былъ, про то жена моя Анна, Алексѣева дочь, ея отецъ а мой тестъ бобыль Алексѣй Русковъ подлинно никакъ не вѣдаютъ, потому что я къ нимъ ничево изъ воровства не приносилъ, и бываючи въ отлучкахъ, сказывалъ имъ, что находился въ работахъ, и въ семь допросѣ объявляю самую истинную правду?»

Такъ заключилъ онъ свои показанія, не зная, что сказать объ атаманѣ Рыжемъ и о судьбѣ его шайки, хотяпомика Шагалы и Сумцова наводила начаьство на слѣдъ прочихъ разбойниковъ. Впрочемъ Рыжій и не думалъ измѣнять образъ жизни, а составлялъ уже новые планы, ничево не зная объ участи Шагалы. Распустивъ свою шайку и простившись съ нею у пристанодержателя Никольскаго, Рыжій оставилъ при себѣ только Дмитрія Легионнаго и стародубскаго купца Якова, которые всегда были самыми вѣрными его товарищами. Личность Легионнаго сама по себѣ представляетъ очень интересное явленіе, какъ типъ разбойника пропалаго вѣка, и какъ онъ еще не разъ встрѣтитесь намъ впоследствии, то мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.— Настоящее имя этого человѣка Дмитрій Поскоинновъ. Родился онъ между япцкиими козаками, въ япцкой крѣпости и первая впечатлѣнія, окружившія его дѣтство, были вѣчныя неурядицы и

войсковыя смуты, бунты и рѣзни на улицахъ, вольныя пѣсни и недовольство всѣмъ, что нѣсколько и мѣшало разгулу и привычной свободѣ. Когда мальчику было десять лѣтъ, отецъ его оставилъ войско и перекочевалъ въ медвѣдицко-хонерскія степи, взявъ съ собою ребенка. Онъ поселился въ Баладинскомъ городкѣ, за Медвѣдицей, гдѣ черезъ девять лѣтъ умеръ, оставивъ сына круглымъ сиротой. Сынъ бродяги, двѣнадцатилѣтній Дмитрій не хотѣлъ оставаться на мѣстѣ, а пошелъ искать счастья на-сторонѣ, потому что ему было все равно гдѣ ни жить, только бы никто не стѣснялъ его привычной воли. Молодой бродяга пошелъ въ поволжье, гдѣ такую завидную славу нажила себѣ поизовая вольница, и сталъ шататься между волжскими казаками, нанмаясь въ работу не надолго и не давая своей воли въ тяжкую кабалу. Нанялся потомъ въ казаки, въ военную службу, но не больше какъ на годъ, и отправился въ Саратовъ. Въ то время черезъ Саратовъ проходилъ Пугачовъ съ своими оборванными полками, оборванными полковниками и бородастыми генералами, и Посконновъ взятъ былъ въ его армію вмѣстѣ съ другими. Недалеко отъ Царицына онъ оставилъ Пугачова за болѣзнию и воротился къ своимъ прежнимъ знакомымъ, къ волжскимъ казакамъ, гдѣ оставался недолго, переходя то къ Волгѣ, то на Илавлю, то на Медвѣдицу; былъ снова въ Баладинскомъ городкѣ, гдѣ жилъ прежде съ отцомъ, потомъ опять явился въ поволжье, доходя собственнымъ опытомъ, что не такъ легка и весела жизнь поизовой вольницы, какъ ему казалось прежде. Одинъ казакъ предложилъ ему назваться своимъ сыномъ, съ тѣмъ чтобы вмѣсто этого сына подъ его именемъ записаться въ казаки въ Московскій легіонъ; объ этомъ просилъ его и станичный атаманъ Ощепкинъ (тотъ самый, который былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ разбойничьимъ атаманомъ Наумомъ Филиповымъ),—и Посконновъ продалъ себя, лишь бы только имѣть какое-нибудь имя и не быть бродягой, котораго всякій можетъ и задерживать, и допрашивать, и пытать. Но и въ легіонѣ онъ оставался недолго и, подговоривъ шестнадцать подобныхъ себѣ товарищей, захвативъ казацкихъ лошадей, бѣжалъ съ ними изъ легіона, когда отрядъ ихъ находился на рѣчкѣ Сарпѣ. Бѣжавъ изъ войска, они по какой-то странной прихоти, тогда же влѣзли въ Дубовку и добровольно явились къ начальнику волжскаго войска, старшинѣ Савельеву, который, разумеется, немедленно отправилъ ихъ въ Царицынъ. Desertёры отданы были подъ караулъ, но Посконновъ, взявъ съ собою нѣсколько человекъ

арестантовъ и тѣхъ же лошадей, на которыхъ они ушли изъ легіона, снова вырвался на свободу и сталъ разбойникомъ. Красноярская степь, между Волгой и Медвѣдицей, глухая и ровная, перерѣзанная дорогами и усѣянная сторожевыми курганами, представляла удобное поприще для разбоевъ, и товарищи Посконнова отправились на эту степь, хотя самъ онъ почему-то не могъ ѣхать съ ними. Пошатавшись нѣсколько мѣсяцевъ по Илавлѣ и по берегу Волги, Посконновъ снова по какой-то непонятной прихоти, точно въ насмѣшку, добровольно явился къ старшинѣ Савельеву, въ Дубовку, и, само собою разумѣется, отправленъ былъ подъ карауломъ въ Царицынъ вмѣстѣ съ другими колодниками. Изъ Царицына онъ опять бѣжалъ изъ подъ караула и уже не явился ни къ кому съ повинной. Въ это время онъ столкнулся съ атаманомъ Рыжимъ, разбойникомъ Шагалой, стародубскимъ купцомъ Яковомъ и прочею вольницей шайки Рыжаго. Стародубскій купецъ — это личность нѣсколько загадочная, хотя нѣтъ сомнѣнія, что имя это было вымышленное. Онъ такъ хорошо зналъ повожье, всѣ входы и выходы, что служилъ проводникомъ своей шайки, и Рыжій съ Легіоннымъ, послѣ разлуки съ товарищами, воспользовались его знаніемъ мѣстности.

Стародубскій купецъ провелъ атамана и Легіоннаго къ Волгѣ, гдѣ они выше балыкѣйской станицы, переправились на луговую сторону, чтобы укрыться отъ преслѣдованій. Двѣ недѣли они жили въ лѣсу, ничего не предпринимая, и потомъ отправились въ Верхній Погроменскій городокъ, что на Ахтубѣ, и нашли пріютъ у одного цѣловальника. Скучая праздною жизнію, единственной цѣлю которой были разбой, они снова начали думать о томъ, какъ бы наполнить эту жизнь подвигами, разнообразными съ ихъ наклонностями; снова начали сходитьсь и толковать о разбойныхъ дѣлахъ, о вербованіи новыхъ товарищей въ свою семью; снова являлись на пагорбной сторонѣ Волги заходили къ знакомымъ и ставовщикамъ, узнавали о томъ, гдѣ и какъ устроились ихъ прежніе сподвижники. Особенно любилъ они собираться въ саду одного царицынскаго офицера, Носкова, на рѣчкѣ Пичугѣ, гдѣ ихъ радушно принималъ дворовой чело-вѣкъ этого офицера, Сергѣй Гавриловъ, старый знакомый стародубскаго купца. Между тѣмъ этотъ послѣдній успѣлъ записаться въ число крестьянъ ахтубинскаго шелковичнаго завода, «за взятокъ» начальствомъ его денегъ; другой разбойникъ изъ шайки Рыжаго, тоже перебравшійся за Волгу, въ ахтубинскій городокъ, сблизился съ тамошнимъ священникомъ, нашелъ себѣ

невѣсту, и жепился на ней. О разбояхъ стали было забывать; но въ концѣ 1778 года, на святкахъ, Рыжій пришелъ къ мнимому стародубскому купцу и говорилъ: «Пичужинскіе ребята зовутъ меня на разбой, разбивать обозы»... «А еще есть здѣсь бывший съ нами Димитрій Легіонный» сказалъ купецъ,—и пріятели порѣшили дѣло скоро. Легіонный успѣлъ отыскать еще двухъ товарищей, бывшихъ прежде въ шайкѣ Рыжаго, а самъ атаманъ, при помощи извѣстнаго уже намъ двороваго человѣка охщера Носкова, жившаго въ саду, успѣлъ подговорить новыхъ разбойниковъ съ пичужинскихъ хуторовъ, именно Малороссійнъ Збойкова и Мирошниковъ. Это тѣ именно «пичужинскіе ребята», о которыхъ онъ говорилъ стародубскому купцу. 28 декабря разбойники собрались въ саду Носкова, запаслись оружіемъ, провизіей, и въ тотъ же вечеръ выѣхали на разбой.» Поберегите себя и меня, — сказалъ имъ Сергѣй Гавриловъ, провожая изъ сада. Разбойники заѣхали въ мечетинскіе хутора, гдѣ захватили съ собой другихъ товарищей, трехъ человѣкъ, которые имѣли при себѣ по пистолету и одинъ дротикъ. Утромъ 29 числа они направились къ Царицыну, встрѣтились на дорогѣ съ знакомымъ Полякомъ Мукосѣевымъ (или Бугай), который снабжалъ ихъ порохомъ и сказалъ, подобно Сергѣю Гаврилову: «берегитесь сами и меня берегите!» Проѣзжая чрезъ Царицынъ, они взяли вина и отправились внизъ по Волгѣ.

Въ первый же день, къ ночи, разбойники нагнали на берегу рѣки обозъ, слѣдовавшій изъ Москвы въ Сарепту съ товарами, отправленными въ эту колонію членами сарептскаго евангелическаго братскаго общества. При обозѣ, кромѣ поставщиковъ, козоменскихъ крестьянъ княгини Черкасской и графини Скавронской, находилось десять человѣкъ рабочихъ. «Съ чѣмъ и куда ѣдете?» спросили по обыкновенію разбойники, поровнявшись съ обозомъ.—«Съ котлами и краскою въ колонію,» отвѣчали изъ обоза. Когда наступила ночь, разбойники напали на обозъ — «выпаля по нимъ начали бить, разбивать и выпрягать изъ возовъ лошадей». Ограбили у нихъ деньги, и продолжали панствовать, какъ вдругъ услышали вдали звяканье почтоваго колокольчика. Вскорѣ замѣтили, что скачетъ курьеръ, а за нимъ цѣлый рядъ экипажей. То ѣхалъ изъ Астрахани въ Петербургъ тогдашній астраханскій губернаторъ Иванъ Вароламовъ свичъ Якобій. Надо замѣтить, что путешествіе знатныхъ особъ прошлаго вѣка совершалось огромными кортежами, въ со-

превожденіи вооруженныхъ отрядовъ, курьеровъ, цѣлаго шта-та чиновниковъ и всякаго рода прислуги. Поѣздъ Якобія смуталъ разбойниковъ, такъ что они окончателно растерялись, особенно когда узнали, что ѣдетъ такая важная особа, какъ губернаторъ: «тѣ разбойники обробѣвъ и остави выпряженныхъ у нихъ (у обозчиковъ) лошадей и еще одну свою съ двумя са-пями и въ оныхъ шраги, калачи, шанки, рукавицы и дротики, выстрѣли по обозу его превосходительства одинъ разъ, всѣ раз-бѣжались.» Дѣйствительно, не смутился одинъ только Дмитрій Легионный, повидимому никогда неунывавшій; онъ выстрѣ-лилъ въ поѣздъ Якобія, — и загѣмъ всѣ разбойники, безъ ша-покъ, несмотря на морозную ночь, бросились въ горы. Вслѣдъ за ними поскакала погоня, но ни одного разбойника не поймали.

Это былъ первый неудачный разбой шайки, предводитель-ствуемой атаманомъ Рыжымъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе неуда-ченъ, что самъ атаманъ, вслѣдствіе этого несчастнаго происше-ствія, лишился свободы.

На другой день утромъ ограбленные павлоцкими подали цар-цынскому коменданту объявленіе о ночномъ происшествіи; пред-ставлены были, по приказанію Якобія, покинутыя разбойниками сапи, шанки и прочія вещи; схвачены были какіе-то подозрительные люди и ввведенъ какой-то мальчикъ, показаніями котораго надѣя-лись открыть слѣды преступниковъ. Самъ Якобій допрашивалъ ихъ, но ничего не могли узнать *). Тогда Якобій лично приказалъ комен-данту Цыплетеву послѣдовать это дѣло особой комиссіей и отыскать неизвѣстныхъ разбойниковъ. Началось самое дѣятельное слѣд-ствіе, какое когда-либо производилось надъ разбойниками.

Въ рукахъ слѣдователей находимась нить, по которой они могли дойти до раскрытія истины. Явилось подозрѣніе, что ме-жду неизвѣстными разбойниками и обывателями пичужинскихъ хуторовъ, людьми довольно сомнительнаго поведенія, существова-ла связь и это обстоятельство указало на слѣдъ преступниковъ. Въ день пріѣзда Якобія въ Царицынъ, 30 декабря, отправленъ былъ на пичужинскіе хутора капитанъ Дударь, которому пору-чалось вывѣдать что-либо о разбойникахъ. Прискакавъ на ху-торъ, Дударь взѣхалъ на квартиру къ одному тамошнему Ма

*) По нѣкоторымъ уликамъ привезенныя вѣдомства царыцынской вое-водской канцеляріи бобыля Клима Васильева цѣли бывшимъ съ нимъ маль-чикомъ были присутствіи его превосходительства доказываны, и въ томъ разбѣ не признались. Сколько и намъ извѣстно, никакихъ Васильевыхъ въ шайкѣ Рыжяго не было.

Малороссіянину и показалъ ему оставленные разбойниками шапки, говоря, что нашелъ ихъ на дорогѣ. Въ одной изъ шихъ хозяйникъ и его жена узнали шапку Малороссіянина Збойкова. За нимъ послали. Оказалось, что Збойкова не было въ хуторѣ, а когда привели его жену, то она сказала, что 29 декабря мужъ ея съ самаго утра уѣхалъ въ Царицынъ и не возвращается оттуда; когда же показали ей шапку, то сначала она отказывалась отъ нея, а потомъ призналась, что шапка эта дѣйствительно принадлежала ей мужу. Дѣлая обыскъ по домамъ, Дударь нашелъ на дворѣ у одного Поляка, именно у Мукосѣева, какое-то сѣдло съ уздой, и Мукосѣевъ говорилъ, что онъ не знаетъ, кому принадлежать эти вещи. Въ слѣдствіе разныхъ подозрѣній, Дударь захватилъ болѣе десяти челоуѣкъ, которые казались ему сомнительными, и привезъ въ Царицынъ. Начались допросы, выѣдыванья, очныя ставки. Все единодушно показали, что шапка принадлежитъ Збойкову. Тогда явилась одна царицынская солдатка, Аксинья Драконова, и объявила, что 30 декабря, рано утромъ, еще на зарѣ, пріѣхалъ къ ней Збойковъ, верхомъ и безъ шапки; лошадь была въ хомутѣ и вся въ поту; на вопросы Драконовой онъ отвѣчалъ, что напимался будто бы у верховыхъ ямщиковъ, за усталюю ихъ лошадей, подвозить ихъ кладъ къ Царицыну; что шапку потерялъ на Волгѣ, уснувъ въ саняхъ во время ѣзды. Потомъ ушелъ на базаръ покупать себѣ новую шапку и заходилъ къ подиоручику Носкову, откуда пришелъ уже въ шапкѣ и тотчасъ уѣхалъ со двора. Начались новыя послышки за подозрительными людьми, снова брали царицынскихъ жителей, обвиняемыхъ въ пристанодержательствѣ. Изъ-за какого-то несоблюденія пустой формальности едва не поссорились главныя начальственные лица Царицына и едва не потеряны были слѣды разбойниковъ; изъ-за того, что комендантъ отнесся къ воеводѣ не «промеморією», а ордеромъ, воевода не хотѣлъ оказывать содѣйствія коменданту въ розыскѣ разбойныхъ людей и писалъ этому шельдному, что-де по указамъ ея императорскаго величества, въ случаѣ какого воеводскихъ канцелярій съ комендантами сношенія, переписку по законамъ имѣть велѣно благопристойно, сообщеніями, а не ордерами; и такъ-де царицынскою канцелярією опредѣлено—присланный отъ него, коменданта, къ царицынскому воеводѣ ордеръ, съ прописаніемъ вышенаписаннаго обстоятельства, отослать обратно,.... чтобъ онъ никогда впредъ воеводу не ордировалъ, а присылать быне на его одно лицо, но въ воеводскую канцелярію сооб-

женія, ибо-де онъ никакого особаго присутствія, кроѣ воеводской канцеляріи не имѣеть».

Но въ то время, когда возникъ этотъ забавный споръ между царицынскими властями, начальникъ волжскаго войска, войсковой старшина Совеельевъ прислалъ въ Царицынъ трехъ разбойниковъ, пойманныхъ выше Дубовки, именно: самого атама Рыжого Збойкова и Мирошникова. За Димитріемъ Легионнымъ, стародубскимъ купцомъ и еще однимъ разбойникомъ, какимъ-то Николаемъ, посланъ былъ изъ Дубовки розыскъ за Волгу въ погроменскій городокъ; партія посланныхъ имѣла при себѣ одного изъ пойманныхъ разбойниковъ, который долженъ былъ уличить своихъ товарищей.—Однако погроменскіе крестьяне не допустили эту партію до розысковъ и она воротилась въ Дубовку, не сдѣлавъ ровно ничего; точно также ровно ничего не сдѣлалъ офицеръ, отправленный главнымъ смотрителемъ ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, надворнымъ совѣтникомъ Рычковымъ, хотя поиски были произведены по всеѣмъ ахтубинскимъ селеніямъ. Тогда взяли къ допросу женъ, замѣшанныхъ въ дѣло обывателей, Збойкова и Мукосѣева, и онѣ уличили разбойниковъ въ томъ, въ чемъ тѣ не сомнѣвались, и навели на слѣдъ другихъ преступленій. Онѣ подробно рассказали, какъ разбойники собирались въ путь, какъ совѣтовались между собою и какое участіе принимали жены въ дѣлѣ своихъ мужей. Жена Збойкова говорила, что работникъ Мукосѣева, Иванъ Мирошниковъ, передъ походомъ на разбой, ночевалъ у нихъ въ домѣ съ 27 на 28 декабря, потомъ пробылъ съ ея мужемъ весь день и уже вечеромъ, послѣ ужина, ходилъ къ своему хозяину, откуда возвратился въ полночь; тутъ они говорили о предстоящихъ разбояхъ, снова ночевали вмѣстѣ, а рано утромъ, 28 декабря, Збойковъ взялъ у Мукосѣева сани, приготовилъ все къ поѣздкѣ, взялъ также два пистолета, которые принесла въ ихъ домъ жена Мукосѣева и вручила разбойникамъ. Черезъ два дня послѣ ихъ отъѣзда, пришелъ къ Збойковой садовникъ офицера Носкова, Сергѣй Гавриловъ, и сказалъ, что мужъ ея и разбойникъ Мирошниковъ, послѣ неудачнаго погрома на Волгѣ, едва бѣжали отъ погони, и теперь лежатъ у него въ саду; Гавриловъ принесъ ей муки и денегъ и обѣщалъ, что самъ Збойковъ будетъ къ ней черезъ два дня. Жена Збойкова вмѣстѣ съ тѣмъ призналась, что въ 1777 году, 26 октября (именно въ то время, когда атаманъ Рыжій вывелъ въ поле свою шайку), мужъ ея и еще два другіе Малороссіянина ограбили въ Сарептѣ лавку съ красными товарами и привезли съ собой

множество суконъ, бархату, полуплпсу, китайки, канифасу и проч.

Съ каждымъ днемъ число оговоренныхъ возрастало и съ каждымъ днемъ открывались новыя обстоятельства, показывавшя, какіе страшные безпорядки и какія темныя дѣла творились въ той части поволжья, съ исторіей котораго связано имя понизовой вольницы. Не было почти ни одного дома, въ которомъ не нашелся бы слѣдъ какого-нибудь запутаннаго происшествія, тайныхъ преступленій, участниками которыхъ были не одни понизовые бурлаки, но и другія лица, повидимому, неимѣющія съ ними ничего общаго.

Самыя мѣстныя власти являются далеко нечистыми отъ подозрѣній. Не станемъ раскрывать всѣхъ скучныхъ подробностей дѣла, связаннаго съ именами Рыжаго, Збойкова, Мирошникова, Шагалы и прочихъ, разбирать запутанныя отношенія властей къ подсудимымъ, какъ напр. офицера Носкова къ вору Збойкову, царицынскаго воеводы Фатьянова къ другимъ ворами, подобнымъ этому послѣднему. Довольно того, если мы скажемъ, что Носковъ, въ качествѣ слѣдователя, воруетъ у воровъ краденые товары, шьетъ себѣ изъ ихъ казакны и пливовыя штаны, учитъ воровъ ложной присягѣ, потомъ безстыдно обманываетъ и ихъ и своихъ главныхъ начальниковъ. Для насъ, конечно, важно и то, какъ подсудимые являются въ праздникъ къ воеводѣ *съ поздравленіями*, — но все это не относится прямо къ исторіи понизовой вольницы, а характеризуетъ другія стороны русской жизни, которыхъ мы, до времени, не намѣрены касаться. Было бы весьма утомительно передавать здѣсь всѣ мелкія подробности безчисленнаго множества злодѣяній, открытыхъ по слѣдствію; каждый изъ взятыхъ въ судную комиссію былъ виновенъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; у каждаго былъ за душой хотя одинъ мелкій нечистый поступокъ и болѣе или менѣе тяжелый грѣхъ. Но лицъ этихъ такъ много, проступки каждаго такъ разнообразны, что нѣтъ никакой возможности все исчислить и привести въ ворядокъ. Намъ остается только указать на нѣкоторые отдѣльные факты изъ жизни этихъ разбойниковъ и только на личности болѣе крупныя. Мы обходимъ молчаніемъ частныя дѣйствія такимъ лицъ, какъ Збойковъ, Гавриловъ, Мукосѣевъ или Бугай, офицеръ Носковъ со всей своей командой, старостами и разсыльными, потому что иначе пришлось-бы заносить на страницы исторіи сотни и тысячи такихъ разбойниковъ, безъ которыхъ болѣе видныя личности сами-по себѣ какъ-то блѣднѣютъ, сту-

шевываются, теряют ту драматическую обстановку, которая сопровождаетъ каждый моментъ ихъ жизни. За атаманомъ Рыжымъ, Димитріемъ Легіоннымъ и другими, просятъ на сцену историческихкихъ воспоминаній сотни второстепенныхъ атамановъ, у которыхъ были свои шайки, свое поприще и свои жертвы. Вся сущность картины состоитъ въ подробностяхъ, въ мельчайшихъ эпизодахъ, такъ что нѣтъ никакой возможности объять ее разомъ; чтобъ разомъ видѣть всю ея драматичность и жизненность, надо вглядываться близко въ отдѣльныя личности, которыхъ такъ много, что память не можетъ удержать ихъ, — и только такимъ образомъ историкъ и читатель могутъ составить понятіе о цѣлой эпохѣ, ея характерѣ и преобладающихъ стремленій общества. — Подобно огромной картинѣ, изображающей битву двухъ многочисленныхъ армій, когда войска смѣшались въ общемъ рукопашномъ бою и когда издали ничего не видно, кромѣ дыму, пыли, кое-гдѣ сверкающихъ оружій и крови, и когда даже опытный глазъ полководца не можетъ угадать, на чьей сторонѣ побѣда, — значеніе изображеннаго понимается не въ общемъ видѣ, а въ отдѣльно-поставленныхъ группахъ...

Но возвратимся къ фактамъ. Показанія разбойничьихъ жентъ навели коммпсію на слѣдъ другихъ преступленій, уже забытыхъ или искусно замаскированныхъ; они разоблачили поступки Збойкова, Мирошнікова, Мукошѣва и нѣсколькихъ десятковъ другихъ воровскихихъ людей, изъ коихъ мы остановимся лишь на личности Мирошнікова, потому что впоследствии въ 1791 году, мы узнаемъ его, вмѣстѣ съ Димитріемъ Легіоннымъ, въ шайкѣ атамана Дегтяренка, подъ другимъ уже именемъ. Мирошніковъ родился въ Землѣ Войска Донскаго, въ Михайловской станицѣ» и тамо (говорилъ онъ самъ о себѣ), по воспитаніи матерью Анисьею Васильевою, которая волею Божіею умре, остался послѣ ея осми лѣтъ, и будучи тамъ, жителство пмѣлъ у разныхъ людей». Это былъ такой же бездомный бродяга, спрота, безъ родныхъ и доброжелателей, какъ и Димитрій Легіонный. Подобно Легіонному, онъ блуждалъ съ мѣста на мѣсто, и нигдѣ не находилъ покоя: вѣчный батракъ, питавшійся поденной работой и голодавшій иногда по цѣлымъ днямъ, онъ не могъ даже выработать столько, чтобы купить себѣ землянку въ десяткъ рублей. Тяжелая жизнь выгоняла его на разбой, потому что терять ему было нечего, кромѣ жизни, которая была такъ некрасна, что онъ цѣнилъ ее очень дешево. Сначала бродяга началъ воровать; былъ пойманъ на воровствѣ, отпущенъ изъ

подъ караула по доброжелательству часто - упоминаемого офицера Носкова, — и наконецъ поступилъ въ шайку Рыжаго, съ которымъ и пойманъ послѣ неудачнаго разбоя на Волгѣ. Въ-стѣ съ ними и по ихъ уликампъ перебували въ судной комиссіи десяткп лицъ, которыхъ или судили въ комиссіи, или отсылали въ воеводскую канцелярію, смотря по сословіямъ, къ которымъ принадлежали подсудимые. Главныхъ разбойниковъ и находившихся съ ними въ сношеніяхъ обывателей разсадили по разнымъ казаматамъ: атаманъ Рыжіи сидѣлъ у предтеченскихъ воротъ вмѣстѣ съ прочими колодниками; Сергѣй Гавриловъ, Мпрошниковъ и другіе — на гоуптвахтѣ, а Мукосѣевъ, Збѣйковъ и ихъ жены содержались у царицынскихъ вѣротъ. Шагала между тѣмъ сидѣлъ въ камышинской тюрьмѣ и скрывалъ свои отношенія къ атаману Рыжему. Случайно обличилась его связь съ этой шайкой. Офицеръ Забурунновъ, ограбленный Рыжимъ во время поѣздки въ Камышинъ, въ половинѣ января 1779 года, пріѣхалъ за чѣмъ-то въ этотъ городъ и зашелъ на тамошнюю гауптвахту по знакомству съ караульнымъ офицеромъ. Находясь тамъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ тюрьмы вели — «видно-де по тогдашнимъ морозамъ для обогрѣнія въ колодничью караулку — колодника», который находился въ шайкѣ Рыжаго и, вмѣстѣ съ прочими, грабилъ Забуруннова въ широкинскихъ вершинахъ. Забурунновъ заявилъ объ этомъ кому слѣдуетъ, и Шагала разоблачилъ всѣ похождения своихъ товарищей и въ томъ числѣ свои собственные, такъ что для слѣдователей открылись новыя обстоятельства, о которыхъ они не знали.

Но въ самый разгаръ царицынскаго слѣдствія Рыжіи бѣжали изъ казамата. Популярность этого челоуѣка, его слава какъ разбойника и прежніе искусные побѣги изъ рекрутской партіи и изъ батальона, недаромъ заставляли царицынское начальство опасаться, чтобы Рыжіи не ушелъ снова. Едва только атаманъ привезенъ былъ изъ Дубовки и посаженъ въ казаматъ у предтеченскихъ воротъ, какъ изъ комендантской канцеляріи уже данъ былъ приказъ стоящему въ караулѣ старшему оберъ-офицеру, чтобы непремѣнно были осмотрѣны на разбойникахъ пожныя деревянныя колодки и желѣза и «буде окажутся не суть въ твердости (говорилось въ приказѣ), оныя подкрѣпить, а притомъ, дабы чрезъ злодѣйской ихъ вымыселъ не могли учинить побѣга, *черезъ часъ надсматривать* и никого изъ постороннихъ людей къ нимъ не допускать и всегда содержать въ совершенной строгости, по законамъ: для чего и набить на однихъ только мужиковъ наручни и каждое утро въ запискахъ особо объ нихъ по-

казывагь». На другой день отдачь былъ новѣйшій строжайшій приказъ всѣмъ караульнымъ офицерамъ, въ которомъ между прочимъ говорилось, что «по важности ихъ (разбойниковъ) преступлений, непременно надлежитъ къ строгому за ними присмотру прикомандировать въ городской караулъ одного офицера, кромѣ стоявшихъ уже тамъ; что офицеры эти должны содержать «важныхъ разбойниковъ подь напострожайшимъ карауломъ и притомъ никого къ нимъ для разговоровъ постороннихъ людей не допускать, дабы сіи злодѣи не могли какимъ случаемъ изъ-подъ караула учинить побѣга», и т. д. Потомъ сочли нужнымъ дать и третій приказъ, чтобы разбойники разсажены были вновь, по-списку, «въ кордегаріи» и, кромѣ часовыхъ, стояли бы при нихъ постоянно «два притина» и проч. Однако, несмотря на всѣ эти предосторожности, Рыжій бѣжалъ, хотя этотъ послѣдній побѣгъ, какъ и послѣдній разбой, былъ для него вполне несчастливъ: — не далѣе какъ черезъ два дня Рыжій былъ пойманъ за Волгой и снова присланъ въ Царицынъ. Онъ бѣжалъ 21 февраля, ровно въ полночь. Надо имѣть необыкновенное здоровье, чтобы вынести то, что вынесла натура этого человѣка, изнуреннаго двухмѣсячнымъ сидѣньемъ въ сыромъ казематѣ, на самой скудной пищѣ и при всѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія испытывалъ преступникъ. Онъ вырвался изъ подь караула въ холодную зимнюю ночь, совершенно-раздѣтый, въ одной только рубашкѣ, и голыми ногами долженъ былъ бѣжать по снѣгу черезъ Царицынъ, потомъ перебѣжать всю Волгу по льду, пока наконецъ, уже на другомъ берегу этой рѣки, на луговой сторонѣ, онъ могъ надѣть сапоги, которые все время несъ въ рукахъ. Въ одной рубашкѣ онъ провелъ за Волгой всю ночь, продолжая идти по берегу, пока наконецъ къ утру не нашелъ стогъ сѣна, въ которомъ скрылся отъ преслѣдованій и пролежалъ цѣлыя сутки. Но мы перенесемъ въ примѣчаніе собственные слова атамана объ этомъ побѣгѣ*).

*) Сего февраля 21-го числа (говорилъ онъ на допросѣ), будучи въ ручной и ножной колоткахъ, попросился яко-бы для испражненія на дворъ, съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобы бѣжать, ежели удастся, у часового, внутри караулни стоящаго, Ивана, а прозванья не знаю, въ которое время въ караульной сержантъ сидѣлъ впереди караулни, и тотъ часовой, выпустя меня, сказалъ и другому часовому жъ, стоящему у сѣней, Алексѣю, — прозванія также не знаю, который меня отпустилъ за караулни, а самъ ходилъ по крыльцу и за мною не пошелъ, — коего видя слабость за мною несмотрѣнія, снявъ съ себя ручную такъ сильно, что у лѣвой руки съ кисти кожу задернулъ до

Надъ караульными офицерами и часовыми солдатами, по случаю побѣга Рыжаго, наряженъ былъ судъ («Фергеръ и Криксрехтъ»), подробности котораго представляютъ много интереснаго для характеристики того времени; но какъ они не касаются прямо предмета нашей статьи, то мы и оставляемъ ихъ. Замѣтимъ только, что на основаніи «Воинскаго артикула» главы 4, арт. 40, главы 24, арт. 207, и «Уложенія» гл. 21, ст. 17 *), опредѣлено: «подпоручика Хомуцкова, за нечиненіе, будучи на караулѣ у воротъ, повелѣннаго осмотра чрезъ часть того времени, когда *важный*

крови, а потомъ и ножную (колодки), и зайдя за состоящую по близости караули избу и прямо къ мясному ряду чрезъ палисадникъ перелѣзъ и побѣжалъ за Волгу, въ одной рубашкѣ и босикомъ, имѣвъ сапоги въ рукахъ, кои при снятіи колодки съ ногъ скинулъ для легчаго чрезъ палисадъ перелазу, а перешедъ за Волгу, обулъ, и пошелъ по берегу до самаго свѣту, и какъ нашелъ стогъ сѣна, лежалъ цѣлыя сутки, а на другой день изъ стога вышедши, увидѣлъ мужика, дрова приготавлиющаго, а какъ зовутъ и откуда, не знаю, попросилъ одежды, которой, видя меня въ одной рубашкѣ, и далъ съ себя старой суконной зипунъ и кусокъ хлѣба... Мужикъ остался на томъ мѣстѣ, а я пошелъ, въдомства ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, въ Нижнее Погромное селеніе, и по прежней знаемости пришелъ къ тамошнему крестьянину Петру Кремлеву на дворъ и, опасаясь, имѣть ли у него стороннихъ людей, залѣзъ къ нему въ сѣнницу и зарылся въ сѣно, пробывъ одну ночь, поутру присланными изъ ахтубинскаго городка казаками и того жительства крестьянами въ томъ сѣнѣ найдены.» Атаманъ говорилъ притомъ на допросѣ, что къ побѣгу его никто не подговаривалъ и самъ онъ не подкупалъ часовыхъ. «Здѣсь въ городѣ я ни къ кому не заходилъ, пищею и одеждою снабденъ никѣмъ не былъ, окроимъ одного мужика, какъ выше сказано, изъ другихъ никто меня не видалъ, и какъ я, скинувъ колодки, бѣжалъ до самой Волги, погони не видалъ же и крику не слыхалъ; изъ поминутаго жъ селенія намѣреніе имѣлъ идти въ Соленой городокъ, что близъ Камышинки, и тамъ укрыватца въ имѣющихся близъ соленой пристани землянкахъ у бурлака, гдѣ прежде сего я, будучи въ бѣгахъ, укрывался.»

*) 1) «Каждый офицеръ, который въ крѣпости, лагерѣ, на валу, у воротъ или въ полѣ караулъ имѣеть, долженъ въ томъ отвѣтъ дать. Ежели онъ то презригъ, что исправить долженъ, или на караулѣ своемъ неосмотрителенъ, и неостороженъ и лѣнивъ будетъ, *оный имлетъ живота лишонъ бытъ, аркибузировавъ* (въ скобкахъ прибавлено: «разстрѣлянь»). — 2) «Когда злодѣй караулу или генераль-гевадигеру или профосамъ уже отданъ, и онымъ оногo стеречъ приказано будетъ, а злодѣй чрезъ небреженіе ихъ уйдетъ или отъ нихъ безъ указа отпуститца, тогда опые, которые въ семъ виновны, вмѣсто преступителя имѣютъ надлежащее наказаніе претерпѣть. — 3) «А буде разбойника поймають на разбоѣ вдругіе, и его потому же пытать и въ иныхъ разбояхъ, да будетъ онъ повиненъ только въ двухъ разбояхъ, а убивства хотя и не учинилъ и его за другой разбой казнить смертью, а животы его отдать въ выть истцамъ!»

разбойникъ Овчинниковъ (такъ назывался Ивапъ Рыжій въ батальонѣ) бѣжалъ, сержанта Шумиллина, за неосторожность, будучи на караулѣ при такихъ важныхъ колодникахъ, употребляемой сонъ, такъ что во время выпуска того колодника черезъ не малое время спустя происхожденія отъ разговоровъ часовыхъ пробудиться не могъ... написать въ рядовые перваго на мѣсяцъ, а послѣдняго до выслуги», а двухъ часовыхъ солдатъ приговорено казнить смертію».

Когда все это происходило въ Царицынѣ, Шагала, сидя въ камышинскомъ острогѣ, искусно запутывалъ слѣдователей своими показаніями: то онъ говорилъ, что бѣжалъ когда-то изъ рекрутства и никогда не принадлежалъ къ тому званію, къ которому причислялъ себя въ прежнихъ допросахъ, то снова сводилъ на свои старыя признанія; путалъ въ свое дѣло всѣхъ, кого только зналъ и видѣлъ въ жизни. Выискался наконецъ въ Камышинѣ Троицкаго собора церковникъ, который говорилъ о Шагалѣ, что зналъ его когда-то, двадцать два года назадъ, когда Шагала жилъ въ базылейской станицѣ. «Мы съ нимъ вмѣстѣ съ робячества прыгали», говорилъ церковникъ, — «и ему въ то время было около пятнадцати лѣтъ, а кто его былъ отецъ и мать и какова онъ званія и отколь родиною, того я не знаю, да и съ того времени его не видывалъ, и гдѣ онъ имѣлъ жительство, о томъ я неизвѣстенъ». А Шагала все ваговаривалъ да сговаривалъ съ знакомыхъ и незнакомыхъ, съ друзей и недруговъ. Его требовали въ Царицынъ; камышинскія власти не хотѣли отпустить отъ себя разбойника, и только въ октябрѣ 1779 года Шагала былъ перевезенъ въ Царицынъ, гдѣ находился подъ арестомъ его атаманъ. Время шло, а разбойники все сидѣли, а слѣдствіе все тянулось. Уже успѣли сформироваться новыя шайки, новыя атаманы влипли на сцену, по городамъ мѣнялись воеводы и каменданты, разбойничьи притоны переносились отъ Волги въ глубь степей, въ лѣсныя балки, грабежи начались на большихъ дорогахъ, — вездѣ былъ еще просторъ для понизовой вольницы, — а Рыжій и его товарищи все сидѣли по царицынскимъ казаматамъ и ждали рѣшенія своей участи. Черезъ полтора года послѣ поимки атамана пойманъ былъ наконецъ и его ближайшій товарищъ, Димитрій Легіонный, который еще прежде того былъ разлученъ съ стародубскимъ купцомъ, схваченнымъ за Волгою разлѣздыми командами. Потерявъ послѣдняго стараго товарища и побродивъ за Волгой, Легіонный перебрался на нагорную сторону, прешель въ свои любимыя мѣста, на Илавлю,

и самъ составилъ маленькую шайку. Шатаясь по дорогамъ, онъ попалъ на партію Малороссіянъ, ѣхавшихъ въ Камышинъ, и ограбилъ ихъ, захвативъ, по обыкновенію, деньги и другія вещи, казавшіяся ему цѣнными; ограбилъ потомъ казака Караванской станицы, и уже собирался пройти черезъ Царицынъ въ Моздокъ, гдѣ въ то время, на моздокскихъ степяхъ, заводились повья разбойничьи партіи, начинали раздаваться тѣ удаля и грустныя пѣсни, которыя два столѣтія пѣлись на Волгѣ и по степямъ саратовскимъ, царцынскимъ и коперскимъ. Понизовая вольница, въ восьмидесятыхъ годахъ, стала перебираться къ Кавказу, въ южныя равнины донскихъ земель — въ степь моздокскую. Туда-то велъ Легіонный своихъ товарищей, но по пріѣздѣ на рѣчку Мечетную, въ село Никольское, набуянилъ и попался въ руки. Оставивъ товарищей за селомъ, онъ поѣхалъ въ кабакъ, чтобъ запасться виномъ, напился пьянъ и сталъ показывать свою удачу собравшемуся народу: выстрѣливъ изъ пистолета въ кузницу, онъ возбудилъ ропотъ и навлекъ на себя подозрѣніе; одинъ гусарь схватилъ подъ устцы его лошадь, сталъ ругать разбойника, который, «будучи пьяной, осерчась, изъ другаго пистолета, заряженнаго мокрымъ пыжомъ, выстрѣлилъ», и попалъ гусару въ голову.... Разбойника тотчасъ же схватили, забили въ колодки, и привезли въ Царицынъ. Другіе его товарищи пропали безъ-вѣсти.

VIII.

Въ теченіе 1780—1782 годовъ положеніе дѣлъ въ поволжѣ мало измѣнилось, хотя повидимому много произошло перемѣнъ въ колонизовавшихся тогда приволжскихъ провинціяхъ. Въ сущности перемѣны эти касались только наружной стороны жизни, тогда какъ самая жизнь шла своимъ чередомъ, по старой дорогѣ, представляя мало утѣшительнаго. Старое раздѣленіе Россіи на губерніи замѣнилось новымъ; новыя лица вступили въ управленіе провинціями. Верхняя часть средняго поволжья, вмѣстѣ съ Саратовомъ, Камышиномъ и Царицыномъ, вошла въ составъ вновь-открытаго саратовскаго намѣстничества, правителемъ котораго назначенъ былъ генералъ-маіоръ Полвановъ; вмѣсто канцелярій явилась «верхняя» и «нижняя расправы»; по наружности измѣнилось многое, — хотя въ расправахъ засѣдали тѣ же лица, которыя были въ канцеляріяхъ и руководствовались тѣми-же правилами, оставались при тѣхъ-же понятіяхъ, съ какими родились и воспитались. Жизнь не стала лучше, потому

что причины, дѣлавшія ее тяжкою, не были уничтожены съ перемѣною названій и формъ, а такія неблагопріятныя обстоятельства вызывали, конечно, и соотвѣтствующія имъ явленія. Правда, не такъ громко раздавались по Волгѣ разгульные и въ то же время тоскливыя пѣсни понизовой вольницы, какъ прежде; опытъ научилъ осторожности и терпѣнію; рѣже плавали отъ притона до притона косныя лодки разбойниковъ; рѣже слышалось страшное *сарынь на кичку*; — однако зло не было уничтожено въ самомъ корнѣ. Только партіи вольницы сдѣлались не такъ многочисленны, атаманы менѣе популярны и могущественны; крупныя личности исчезаютъ со сцены и на мѣсто ихъ являются простые, робкіе, такъ сказать—мелочные разбойники, жалкіе воры и конокрады. Шайки разбойниковъ разбиваются на мелкіе кружки, удаляются отъ Волги и дѣйствуютъ въ-разсыпную. Названіе атамановъ, съ эпитетами «важныхъ», «славныхъ», «продерзкихъ», переходитъ въ менѣе громкое названіе «душегубцовъ», «смертоубійць» и проч.

Въ этотъ послѣдній періодъ времени уничтожена была даже попытка на похищеніе царскаго пмени; въ всемидесятыхъ годахъ схваченъ послѣдній самозванецъ, воспользовавшійся для своихъ цѣлей именемъ покойнаго императора Петра III, слесарь и ружейникъ Максимъ Ханинъ *), заговоръ котораго задавленъ былъ при самомъ началѣ. Ханинъ и его соумышленники дѣйствовали въ одно время съ атаманомъ Рыжимъ и въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ дѣйствовала шайка извѣстнаго разбойника. Они даже судились въ Царицынѣ въ одно и то же время, съ тою только разницею, что атаманъ еще сидѣлъ въ казематѣ, когда самозванецъ былъ уже вывезенъ въ Саратовъ, гдѣ и рѣшилась его участь.

Преемникомъ Рыжаго былъ атаманъ Максимъ Дехтяренко, едва-ли не послѣдній извѣстный намъ народный агитаторъ прошлаго вѣка. Въ его шайкѣ были лица, знавшія Рыжаго и дѣйствовавшія съ нимъ вмѣстѣ. Они почти одновременно и погибли. Дехтяренко, подобно прочимъ предводителямъ понизовой вольницы, былъ изъ военныхъ людей, и только горькая жизнь, испытанная имъ во время дезертированія, заставила его сдѣлаться разбойникомъ. Вольницу преимущественно составляли казаки и всякій сбродъ людей, вышедшихъ изъ верховыхъ городовъ, гдѣ жизнь была еще тяжеле, положеніе еще безвыходнѣе, чѣмъ въ

*) См. Рус. Вѣстн. 1860 г. № 6.

повождѣ; ядро вольницы составляли собственно бурлаки и переселенцы — Малороссіяне. Изъ Малороссіянъ былъ и послѣдній повожскій атаманъ, имя котораго сохранилось въ забытыхъ провинціальныхъ архивахъ, Максимъ Дегтяренко, который родился въ «гетманщинѣ», въ острогожскомъ полку, въ слободѣ Отготановой. Въ 1778 году онъ былъ отданъ въ «москаля», то-есть взятъ въ рекруты, и поступилъ въ гусары, въ острогожскій гусарскій полкъ. Само-собою разумѣется, что военная жизнь для посполитаго Малоросса показалась тяжкою и невыносимою; воинскіе порядки, которымъ съ трудомъ подчинялся даже и «россійскій», привыкшій ко всему, людъ, были нестерпимы для Малоросса, знавшаго, хотя по наслышкѣ, о «звучаяхъ казаковъ запорожскиххъ». Дегтяренко не могъ примириться съ военною жизнью и бѣжалъ. Онъ прошелъ въ землю донскихъ казаковъ и началъ шататься съ мѣста на мѣсто да прискивать себѣ работы и пропитанія; жилъ недолго у одного донскаго полковника, на рѣчкѣ Чирахъ, а оттуда вздумалъ пройти въ славное повожье, гдѣ, какъ онъ слышалъ, легко жилось на волѣ всякой голытьбѣ и гдѣ голытьба наживала немалыя деньги разбойнымъ промыслами. Скоро Дегтяренко увидѣлъ и повожье, и широкую Волгу, и понизовую вольницу, и нашелъ, что вольница — та же оборванная и бездомная голытьба и что деньги и здѣсь наживаются не легко, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ на Волгу, когда уже миновала пора повожскихъ разбоевъ и о знаменитыхъ атаманахъ оставалась только память въ народѣ да слова въ пѣсняхъ, годъ отъ году искажавшихся. Дегтяренко, не останавливаясь долго ни въ одномъ селеніи и не приставаая ни къ одной шайкѣ, которая еще пзрѣдка появлялись выше Камышина, прошелъ въ качествѣ бродяги до колоніи Верхней Добренки и поселился тамъ на время. Здѣсь онъ нашелъ одного Малороссіянина, немѣвшаго, подобно всей вольницѣ, ни кола, ни двора; Малороссіянинъ этотъ рылъ для себя землянку и прінялъ Дегтяренка къ себѣ въ товарища. Эти землянки составляли обыкновенное жилище осѣдлой вольницы; перекочевывая съ мѣста на мѣсто, бурлаки на зиму вырывали себѣ въ землѣ ямы и, покрывъ ихъ хворостомъ и дерномъ, жили до свѣтлыхъ весеннихъ дней. Въ этихъ землянкахъ была страшная бѣдность; сюда принимались все безпаспортные и подозрительные люди, воры и атаматы, неуспѣвшіе на зиму заpastись хорошимъ притономъ и теплой избой. Такія землянки вырыты были по всему повожью, около городовъ и селеній, вблизи торговыхъ пристаней и въ самой дикой глуши. Въ такой

же ямъ поселился и Дегтяренко, въ ожиданіи лучшей доли, которой онъ пришелъ искать въ поволжьѣ, назвавшись выходцемъ изъ Николаевской малороссійской слободы, что противъ Камышина.

Обманувшись насчетъ привольной жизни въ поволжьѣ, Дегтяренко не сталъ жить праздно, и сдѣлался швецомъ и кожевникомъ, выдѣлывалъ овчивы, шилъ шубы и кафтаны. Мѣстныя власти не обращали на него вниманія, потому что бродяги иногда были люди не безполезные, а вслучаѣ преслѣдованія ихъ становились страшными мстителами. Какой-то комиссаръ, находившійся въ Добренкѣ, маіоръ Александръ Азферовичъ Пиль, взялъ даже Дегтяренка къ себѣ въ услуженіе и будущій атаманъ находился у него полтора года въ качествѣ казака, пока зависимая жизнь деньщика не надоѣла бродягѣ, какъ и военная служба. Въ полтора года Дегтяренко могъ узнать обычаи поволжской вольницы, познакомиться съ краемъ и его обитателями, насколько это нужно было знать будущему вождю шайки. Въ 1780 году Дегтяренко сталъ думать о наборѣ партіи, открылъ свои планы неизвѣстному бродягѣ, бывшему въ Добренкѣ табунщикомъ, Ивану Губченко, малороссіянину же, и съ начала весны этого года они бѣжали изъ Добренки въ медвѣдицко-бузулуцкія степи. Не имѣя ни опредѣленнаго плана, ни товарищей, они должны были на время оставаться все еще батраками, выжидать охотниковъ, запастись на подъемъ деньгами, лошадьми и оружіемъ. Вслѣдствіе этого они прошли на хутора Березовской станицы, къ казаку Каменному*), который, несмотря на то, что зналъ о ихъ намѣреніяхъ, охотно принялъ бродягъ къ себѣ въ работники. Цѣлое лѣто бѣглецы косили у него сѣно, отбывали всѣ другія работы, зимой плотничали, а на весну 1781 года уже готовы были, чтобъ идти въ разбой. У Каменнаго они сошлись съ старымъ разбойникомъ Алѣшкой Поповичемъ или Бурыкинымъ, который говорилъ о себѣ, что онъ *«сз Дону, чинитъ разбои, идъ тамо случиться»*, и притомъ оказался человѣкомъ грамотнымъ, могшимъ справлять должность секретаря и, вслучаѣ надобности, писать своей шайкѣ какіе угодно виды и паспорты. Дегтяренко подобралъ еще одного товарища, который шатался въ окрестностяхъ и готовъ былъ на всякое сомнительное дѣло. Разбойники добыли себѣ лошадей, которыхъ захватили въ первомъ попав-

*) Это тѣ самые хутора, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ симъ скрывался разбойничій атаманъ Буконъ (въ «урочищѣ Черни», у монаха Льва).

шемся табунѣ, приготовили оружіе, съ которымъ и прежде того охотились въ свободное время. Каменный снабдилъ ихъ порядочнымъ количествомъ пороху, а Алешка Поповичъ написалъ паспорты, сообразно съ наружностью каждаго *). Прежде шайки вмѣщали въ себѣ иногда десятки и сотни разбойниковъ; но стѣхъ-порѣ, какъ понпзовая вольница обратила на себя всеобщее вниманіе, большія партіи были слишкомъ подозрительны, скоро волновали населеніе, привлекали вооруженную силу изъ мѣстныхъ полковъ и батаціоновъ, и потому атаманы уже не рѣшались выходить въ поле съ толпою бродягъ конныхъ и пѣшихъ, а начинали разбой ничтожными партіями, отъ пяти до десяти человѣкъ, и легко избѣгали преслѣдованій, потому что легко укрывались во всякомъ оврагѣ и во всякомъ болѣе или менѣе густомъ кустарникѣ. Въ этихъ видахъ и Дегтяренко взялъ съ собой столько товарищей, сколько казалось нужнымъ. Они прежде всего отъправились на красноярскія степи, о которыхъ мы говорили выше, въ разсказѣ о разбояхъ шайки Рыжаго. Въ тридцати верстахъ отъ Краснаго Яру, за Медвѣдницей, находилось удобное мѣсто для прптона, глубокія ложбины «разсыпнаго буерака», мимо котораго шли проѣзжіе тракты. Для своихъ временныхъ становъ, разбойники обыкновенно избирали, когда производили степные разбои, ровныя и возвышенныя мѣста, съ ложбинами или балками, заросшими мелкимъ лѣсомъ; предпочитались болльшею частію степи проѣзжія, покрытыя высокими курганами, которые могли-бы служить сторожевыми пикетами, и гдѣ-бы проходили торговыя дороги. **)

*) Пули разбойниками не всегда употреблялись литыя, круглыя, но часто стрѣляли *жеревьями*, — продолговатыми и ранеными пулями, грубо наръзанными изъ свинца, которыя впрочемъ, на близкомъ разстояніи, били едва ли не удачнѣе овальныхъ пуль. За неимѣніемъ пуль они употребляли въ дѣло и крупную дробь съ чѣмъ-нибудь смѣшанную. Одинъ изъ шайки Дегтяренка, разбойникъ Мирошниковъ (бывшій прежде подъ начальствомъ атамана Рыжаго) стрѣлялъ дробью, смѣшанною съ *пуговицами*, вѣроятно, металлическими.

***) До настоящаго времени указываютъ въ поволжѣ на такія мѣстности усѣянные курганами, изъ которыхъ многіе и теперь носятъ названіе «разбойныхъ могилъ» или кургановъ: Со многими изъ кургановъ соединяются имена славныхъ разбойниковъ, или убитыхъ тамъ, или жившихъ тамъ постоянно, или наконецъ прославившихся какимъ нибудь героическимъ или злодѣйскимъ поступкомъ. На курганахъ, говорятъ, разбойники ставили шесты съ соломою, зажигая которую, часовые извѣщали своихъ товарищей или о приближеніи разѣздныхъ командъ или о проѣздѣ обозовъ съ товарами.

Отъ времени до времени Дегтяренко выѣзжалъ изъ разсыпнаго буерака на степь и разбивалъ проѣзжихъ, а потомъ снова уходилъ въ свой безопасный станъ. Ограбивъ чумаковъ-малороссіянь, ѣхавшихъ въ Камышинъ съ солью, и взявъ у нихъ деньги, разбойники снова поворотили къ югу искать болѣе удобныхъ для разбоя мѣстъ, и пріѣхали въ землю донскихъ казаковъ, въ мѣста знакомыя Алешкѣ Поповичу. Впрочемъ, они почти вездѣ находили радушный пріемъ, особенно у малороссіянь и казаковъ, потому что за пріютъ платили щедро, а въ случаѣ отказа и сопротивленія мстили всѣми возможными средствами. Такой пріютъ они нашли и въ донскихъ земляхъ, близъ Медвѣдицы, на даниловскихъ хуторахъ, гдѣ и прожили у одного Малороссіянина недѣли три, отдыхая послѣ продолжительныхъ переѣздовъ. Собравшись съ силами, они опять поѣхали къ сѣверу и, колеся по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ, успѣли въ короткое время совершить нѣсколько разбоевъ на рѣчкѣ Латрыкѣ, ниже колоніи Поповки, потомъ за Медвѣдицей у Краснаго куста и недалеко отъ Рудни, куда въ то время народъ собирался на ярмарку. Но притонъ въ разсыпномъ буеракѣ предпочитался всѣмъ мѣстностямъ и Дегтяренко отъ Рудни опять повелъ своихъ товарищей къ старому стану. На дорогѣ охотою присталъ къ нимъ еще одинъ разбойникъ, выѣзжалъ потомъ вмѣстѣ съ ними на разбой, когда грабили какихъ-то проѣзжихъ, жилъ нѣсколько дней въ станѣ разсыпнаго буерака, и въ одну ночь, неизвѣстно по какой причинѣ, тайно скрылся отъ товарищей. Скучая однообразною жизнью въ станѣ, разбойники вновь покинули его, посѣтили своего прежняго хозяина, казака Каменнаго, отдохнули у него нѣсколько дней, вновь собрались и отправились на промыселъ. Въ эту поѣздку они успѣли перебывать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только разсчитывали на удачный грабежъ, и куда только могли донести ихъ кони, измученные безпрестанными странствованіями по степямъ, съ одного тракта на другой. Теперь разбойники поѣхали по направленію къ Илавлѣ, гдѣ прежде была такая привольная жизнь для воровскихъ людей, и переѣхали Разщепной буеракъ, не менѣе Разсыпнаго, удобный для разбойничьихъ притоновъ, ночлеговъ и днѣвокъ. Въ колоніи Грязнухъ они посѣтили знакомаго Нѣмца (которые, замѣтимъ кстати, въ прошломъ вѣкѣ не отличались особыми гражданскими доблестями и водили иногда дружбу съ разбойниками, хотя сами не годились для разбоя, и, сколько намъ извѣстно, ни разу имя колониста не встрѣчается въ цѣлой сотнѣ именъ, принадлежавшихъ къ пони-

зовой вольницѣ); пьянствовали у него въ гостяхъ, дарили его награбленными вещами и деньгами и совѣтовались съ нимъ о предстоящихъ разбояхъ, о мѣстахъ удобныхъ для притоновъ и проч. Колонистъ указалъ имъ станъ въ буеракѣ, пріѣзжалъ потомъ самъ къ нимъ, снабжалъ ихъ хлѣбомъ, пьянствовалъ съ ними, и вообще дѣлалъ все, что могъ-бы только сдѣлать самый ловкій становщикъ. Неудивительно, что въ колоніи Верхней Добренкѣ, гдѣ два года прожилъ Дегтяренко батракомъ и куда теперь привелъ своихъ товарищей, какъ атаманъ шайки, онъ нашелъ пріютъ даже между Нѣмцами, изъ которыхъ одинъ принялъ разбойниковъ въ своемъ домѣ, зарѣзалъ для нихъ барана, какъ для дорогихъ и опасныхъ гостей, и дозволилъ имъ переночевать у себя.

Но разбойникамъ не сидѣлось на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что самыя выгоды ихъ требовали постоянной переменны мѣста, постоянного мыканья по свѣту. Волга не могла привлечь къ себѣ «полевыхъ» разбойниковъ; условія поволжскихъ разбоевъ были не тѣ, что полевыхъ; въ полѣ теперь было больше простора,— и они оставили Добренку для своихъ степей, отъ Волги повернули къ Медвѣдицѣ, переѣхали эту рѣку у Рудни, порыскали по бузулуцкимъ степямъ, гдѣ присталъ къ нимъ, «изъ своей воли», невѣдомый человѣкъ, такой же, какъ и они, разбойникъ, называвшійся бѣглымъ солдатомъ, и въ третій разъ пріѣхали на отдыхъ къ казаку Каменному. Требовали отдыха, и лошади были изнурены не меньше своихъ наѣздниковъ, такъ, что нужно было или оставаться на хуторѣ у Каменнаго до ихъ поправленія, или взять свѣжихъ коней для новыхъ экспедицій. Каменный позволилъ имъ взять лошадей изъ своего табуна, потому что за все это разбойники платили щедро, и Дегтяренко, не покидая хутора, успѣлъ сдѣлать удачный набѣгъ на проходившій тамъ изъ Малороссіи обозъ, и ограбить его. Вѣроятно, подъ руководствомъ Аленки Поповича, они предприняли отсюда походъ въглубь донскихъ земель и, доѣхавъ до Филиповской станицы, прожили съ мѣсяцъ у становщика Чоблова, по дѣлали тамъ какіе-нибудь набѣги — неизвѣстно. Знаемъ только, что, наградивъ становщика порядочной суммой денегъ, они оставили донскую землю и направились къ Саратову, не опасаясь войскъ и разъѣздовъ, которыхъ тамъ было достаточно. Впрочемъ, они скрывались у ссѣла Ахмата, въ безопасныхъ буеракахъ, гдѣ и въ настоящее время, во второй половинѣ XIX вѣка, часто скрывались шайки бродягъ и военныхъ дезертеровъ, и по вре-

менамъ выѣзжали на дорогу для наблюденія за проѣзжими. Тамъ попали они на какого-то офицера, ѣхавшаго изъ Астрахани, и взяли у него, «безъ всякихъ побоевъ», порядочную сумму денегъ, платье и нѣсколько серебряныхъ вещей, раздѣлили все это между собой и лишнее спрятали недалеко отъ своего притона, въ стогѣ сѣна.

Выше мы говорили, что въ числѣ разбойниковъ шайки Рыжаго сидѣли въ царицынскихъ казематахъ колодники Дмитрій Легіонный и Иванъ Мирошниковъ. Во время послѣднихъ грабежей Дегтяренка разбойники эти успѣли обмануть стражу и бѣжать изъ Царицына. Впрочемъ, побѣгъ имъ удался только при помощи конвойнаго солдата, съ которымъ они заблаговременно условились объ этомъ. Въ одно время арестантовъ выслали на казенную работу — носить землю на крѣпостной валъ, — и колодники вмѣстѣ съ конвойнымъ пошли «выпить по чаркѣ вина.» Тайно отъ капрала (признавался послѣ Мирошниковъ), они пробрались въ спасскій питейный домъ, «выпили всѣ трое алтына на два вина; потомъ, взявъ на базарѣ хлѣбъ и калачей, всѣ, какъ согласились бѣжать, оставя — солдатъ.... пошли вверхъ по Царицѣ-рѣчкѣ». Бѣглецы явились на знакомые имъ пичужинскіе хутора и прямо пришли въ домъ къ поляку Мукосѣеву, который, какъ мы видѣли, судился вмѣстѣ съ прочими разбойниками шайки Рыжаго и неизвѣстно по какой причинѣ былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Едва Мукосѣевъ увидѣлъ бѣглецовъ, какъ объявлялъ, что ихъ уже ищутъ, и велѣлъ на время укрыться въ лѣсу. Скоро прискакалъ изъ Царицына офицеръ, посланный за Мирошниковымъ и Легіоннымъ, все высмотрѣлъ въ домѣ Мукосѣева, но бѣглыхъ не нашелъ и долженъ былъ воротиться въ городъ. Тогда они, сбивъ съ ногъ послѣдніе остатки желѣзъ, оставили хуторъ и вышли въ степь, гдѣ ихъ уже трудно было поймать самому многочисленному разѣзду. У Сажина (конвойнаго) были свои планы и намѣренія, и потому онъ разстался съ разбойниками, думая пройти въ Москву, а Легіонный и Мирошниковъ пошли искать счастья въ старомъ, привычномъ ремеслѣ, тѣмъ болѣе, что о медвѣдичьихъ разбойникахъ ходило уже слухи въ поволжьѣ, а слѣдовательно и можно было присоединиться къ одной изъ медвѣдичьихъ партій. Дѣйствительно, имъ недолго пришлось искать атамана, потому что Дегтяренко, послѣ разбоевъ у Ахлата, когда приставшій къ нему въ бузулукскихъ степяхъ неизвѣстный разбойникъ оставилъ его шайку, опять направился къ Илавлѣ и самъ встрѣтился съ бѣглеца-

ми у Разщепнаго, буерака. Легіонный и Мирошниковъ охотно пошли въ его шайку и Дегтяренко повелъ ихъ въ свой станъ, гдѣ и оставилъ на время «за неисправностію,» а самъ съ прочими товарищами, отдохнувъ въ станѣ только четыре часа, снова выѣхалъ въ поле, и снова проѣзжалъ въ сутки сотни верстъ, навѣдывался во всѣ захоластья, рыскалъ по всѣмъ проѣзжимъ тропамъ и дорожкамъ, точно для его маленькой шайки и не существовала усталость. Намъ удивляетъ эта неутомимая подвижность шайки Дегтяренко и ея необыкновенная отвага, когда, въ числѣ четырехъ человекъ, разбойники никому не давали покоя, не пропускали ни одного проѣзжаго и прохожаго, ни одного чумацкаго и купческаго обоза. Сегодня ихъ видѣли въ одномъ мѣстѣ, а на другое утро Дегтяренко появился уже за сто верстъ отъ него; впродолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ разбойники успѣли сдѣлать нѣсколько тысячъ верстъ, только не болѣе трехъ разъ перемѣняя усталыхъ коней свѣжими. Несмотря на однообразіе разказа объ этихъ походахъ, записаннаго со словъ самого атамана и нѣкоторыхъ его товарищей, разказъ этотъ, при всей простотѣ и краткости, живо характеризуетъ описываемую нами годину и, при всей видимой сухости, много говоритъ воображенію, переносящемуся въ эту любопытную эпоху, со времени которой прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, мы уже видимъ Дегтяренко на Волгѣ, въ золотовской волости, издавна извѣстной разбойничьими притонами. Въ золотовской волости всего болѣе свирѣпствовали толпы пугачовской вольницы, къ которымъ присоединились крестьяне и разбойники этой волости, гористая и лѣспстая мѣстность которой всегда давала убѣжище многочисленнымъ партіямъ бродягъ. Около села Золотова Волга представляла самое опасное мѣсто для каравановъ; въ этой волости поволжскіе разбойники соединялись съ полевою вольницею и были непобѣдимы. Сюда же прѣзжалъ на время и Дегтяренко, гдѣ оставался не болѣе двухъ сутокъ у становщика Дутика, въ Щербаковскомъ хуторѣ. Здѣсь же, недалеко отъ колоніи Моръ, партія Дегтяренко встрѣтилась на степи съ проѣзжающими крестьянами какого-то помѣщика Салтыкова, которые впрочемъ смѣло отразили первое нападеніе разбойниковъ ружейными выстрѣлами. Но когда завязалась перестрѣлка, разбойники побѣдили проѣзжихъ и ограбили. Во время схватки раненъ былъ товарищъ Дегтяренко, Иванъ Губченко, въ горло и въ руку; со стороны проѣзжихъ раненъ одинъ

мужикъ, которому разбойники прострѣлили ногу. «И послѣ — говорилъ Дегтяренко — отъ нихъ взявъ, безъ всякихъ уже побоевъ, денегъ ассигнаціями пятьдесятъ, мелкими двадцать пять рублей, одно ружье, два пистолета, тулупъ нагольной одинъ, рубашекъ мужскихъ три, поѣхали къ рѣчкѣ Горючкѣ.» На рѣчкѣ Горючкѣ находился становщикъ ихъ, табунщикъ Буровъ, у котораго разбойники имѣли притонъ, укрываясь въ буеракѣ. Здѣсь они рѣшились отдохнуть и съ помощью Бурова узнать, что говорить о нихъ народная молва. Пустивъ лошадей въ табунъ Бурова, разбойники залегли въ станѣ, а Буровъ отправился въ Саратовъ для развѣдыванія относительно слуховъ и для закупки пороху и вареныхъ кремней къ оружію; раненый Губченко лечилъ между тѣмъ свои увѣчья. Скоро воротился и Буровъ съ покупками и сказалъ разбойникамъ: «Слышно про васъ въ Саратовѣ.» Тогда разбойники, побывъ въ станѣ нѣсколько дней, и «чрезъ то поправля себя,» пустились въ путь, и тутъ же на рѣчкѣ Горючкѣ напали на партію Татаръ, ѣхавшихъ изъ Саратова, отняли у нихъ деньги, восемь лошадей, и потомъ поворотили къ Медвѣдицѣ. Въ селѣ Рыбушкѣ, на мельницѣ, они пьянствовали у знакомаго мельника, одаривъ его деньгами и вещами, поѣхали искать оставленныхъ ими Легіоннаго и Мирошникова, которые между тѣмъ приобрѣли себѣ лошадей, успѣли вооружиться, запаслись порохомъ и другими необходимыми принадлежностями.

Но едва партія Дегтяренко съѣхалась съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, у Разцвеннаго буерака, какъ была атакована вооруженными мужиками, высланными противъ разбойниковъ изъ ближайшихъ селеній, потому что молва о разбояхъ распространилась съ каждымъ днемъ, всѣ ожидали нападеній Дегтяренко и никто не былъ безопасенъ ни дома, ни въ полѣ. Между разбойниками и мужиками произошла жаркая схватка, во время которой, между штурмою, какъ говорилъ самъ Дегтяренко, разбойники убили четырехъ мужиковъ и окончательно отразили нападеніе, не давшись въ руки крестьянамъ. Можно вообразить, какъ отчаянно защищались разбойники, когда на мѣстѣ схватки осталось четыре мертвыхъ тѣла и, безъ сомнѣнія, нѣсколько раненыхъ, а между тѣмъ, какъ можно догадываться изъ словъ Дегтяренка, съ нимъ было только три товарища — Алешка Поповичъ, Легіонный и Мирошниковъ: Губченко, раненый еще прежде, до этой схватки, и послѣдній разбойникъ этой пайки ѣздили къ Ахмату, чтобъ захватить серебро и другія вещи, награбленныя тамъ и сврятанныя въ стогѣ сѣна. Впрочемъ, если

въ дѣлѣ были и всѣ шесть человекъ, то и въ такомъ случаѣ безъ особенной храбрости они не могли отбиться отъ вооруженной высылки, не поплатившись къ-либо изъ товарищей; а между тѣмъ «штурма» кончилась безъ всякой потери со стороны разбойниковъ, по крайней мѣрѣ изъ документовъ не видно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ убитъ или раненъ. Однако, какъ ни счастливы были разбойники, слухи о нихъ дѣлались все громче и громче. Дегтяренко не могъ не понимать опасности своего положенія: но при всемъ томъ, онъ какъ будто презиралъ опасностью и не покуда степеней, можетъ быть, рассчитывая на малочисленность своей шайки, съ которой онъ могъ вездѣ быть незамѣтенъ, или на многочисленность становщиковъ, которые могли укрыть его въ самую критическую минуту. Какъ бы то ни было, но и послѣднее происшествіе не оставило его, а какъ будто прибавило въ немъ дерзости и безумной отваги. Онъ видитъ, что лошади его товарищей истомлены отъ частыхъ перѣздовъ, и немедленно нападаегъ на табуны, разгоняегъ табунищиковъ и беретъ свѣжихъ коней; ему не удавалось до сихъ поръ произвести разбой въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ходили шайки его предшественниковъ, и онъ проводитъ свою шайку по всему протяженію Ивали и выводитъ ее къ низовьямъ Медвѣдицы, на рѣчку Арчаду; смѣло онъ является въ хуторъ походнаго есауса Маневского и даритъ ему, неизвѣстно за что, «отъ своей артели денегъ пятнадцать рублей да двѣ лошади», живетъ у него свободно нѣсколько дней и тутъ же вознаграждаетъ себя тѣмъ, что около самаго хутора беретъ пзъ табуна четыре лошади. Онъ начинаетъ сорить деньгами и всѣмъ награбленнымъ имуществомъ; до сихъ поръ онъ щедро награждалъ становщиковъ и всѣхъ, у кого гостилъ, — такъ онъ платилъ довольно большія по тому времени деньги на даніловскихъ хуторахъ, колонистамъ въ Грязнухѣ и Верхней Добренкѣ, своему прежнему хозяину Каменному, становщику Филиповской станицы Коблову, становщику на щербаковскомъ хуторѣ, табунищнику Бурову, его товарищу, потомъ мельнику въ селѣ Рыбушкѣ, наконецъ походному есаулу Маневскому; теперь онъ сталъ платить еще щедрѣе: направившись съ Арчады вверхъ по Медвѣдицѣ и приѣхавъ къ Каменному, онъ даетъ ему лошадей, деньги, и тутъ же отѣхавъ нѣсколько верстъ вверхъ по Медвѣдицѣ и своротивъ въ сторону, грабитъ мужиковъ, которые ѣхали на Донъ, и самъ скачетъ къ Дону, является къ прежнему становщику Коблову и отдаетъ ему захваченныя у проѣзжихъ деньги; снова

ѣдегъ въ предѣлы саратовскаго намѣстничества, грабитъ, или «усильнымъ образомъ» беретъ что ему пужно на мельницѣ, на рѣчкѣ Латрыкѣ; а черезъ нѣсколько времени мы видимъ его уже у становщика Бурова, переносившаго разбойникамъ вѣсти о томъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ и какіе слухи ходили о Дегтяренкѣ. — «За вами послана высылка», сказалъ имъ на этотъ разъ Буровъ, и разбойники должны были наконецъ подумать о своемъ спасеніи.

Но и послѣ этого Дегтяренко дѣйствуетъ также странно, какъ и прежде. вмѣсто того, чтобъ спастись, онъ ѣдетъ почти прямо къ Саратову, выводитъ свою партію на Волгу, поворачиваетъ на югъ, заходитъ на Буркину ватагу, чтобы заpastись хлѣбомъ, скачетъ къ Камышину и на дорогѣ посѣщаетъ колонію Добренку, гоститъ у знакомаго колониста, даритъ его деньгами, снова возвращается вверхъ по Волгѣ, платитъ деньги на Щербакскомъ хуторѣ и наконецъ опять является къ Бурову, въ свой давнишній притонъ. Видно, что онъ уже дѣйствуетъ безъ цѣли, бросается въ разныя мѣста и ищетъ псхода; его преслѣдуютъ слухи, говоръ; ему грозятъ высылки; степи становятся не безопасны — укрыться негдѣ, надо разстаться съ шайкой или попасться въ руки разѣзднымъ командамъ. Оставалось три дороги: броситься вглубь Россіи, — но тамъ еще опаснѣе чѣмъ въ поволжьѣ; пройти въ «гетманщину», какъ онъ и думалъ, — но это было не такъ легко: бѣжать за Волгу — это всего возможнѣе. Приходилось принять хотя на время послѣднее рѣшеніе. Дегтяренко, покинувъ въ своемъ станѣ товарищей, лошадей и оружіе и простившись съ становщикомъ Буровымъ, взявъ съ собой одного Губченко и вдвоемъ пошли по направленію къ Волгѣ. Выше села Спшенкаго они переѣхали на луговую сторону въ ловедкой лодкѣ и пришли въ колонокъ Козницкій, гдѣ и думали переждать самое опасное время поисковъ разѣздныхъ командъ. Губченко имѣлъ съ собой два паспорта, и разбойники явились съ ними къ старостѣ, который и позволилъ имъ остаться въ колоніи. Но Дегтяренко не могъ ужиться покойно ни на одномъ мѣстѣ, потому что съ вольной жизнью привились къ нему такія привычки, которыя, рано или поздно, должны были вогубить его. Нажитыя грабежемъ деньги доставляли ему свободный доступъ во всѣ кабаки, а въ кабакахъ завсидились знакомства и въ вьяномъ видѣ говорилось многое, что не легко сказалось бы при другихъ обстоятельствахъ. Кабакъ свелъ Дегтяренко съ такими людьми, которые выдали тайну его занятій и едва не погубили

его. — Онъ поилъ всѣхъ безъ разбора и также безъ разбора сорилъ деньгами, привлекая тѣмъ вниманіе мѣстныхъ властей. Такъ между прочимъ, «будучи въ штейномъ домѣ — говоритъ Дегтяренко — по знакомству свидѣлись мы, Покровской малоросійской свободы, атамана Степана Мартыненко съ племянникомъ, которой отъ насъ вывилъ чарку вина, на вопросъ сказать, что-де скоро приѣдетъ въ свои хутора дядя его, атаманъ, а мы притомъ его просили, если приѣдетъ, тобъ онъ къ намъ побывалъ въ колонокъ. Которой на четвертой день приѣхавъ, пилъ вмѣстѣ, а между тѣмъ я и Губченко далъ ему, атаману Мартыненку, въ подарокъ четыре рубля денегъ». Вѣроятно разбойники желали задобрить подаркомъ атамана, однако напрасно. Черезъ нѣсколько дней Мартыненко явился въ колонию съ вооруженными людьми и захватилъ разбойниковъ. Произошла страшная суматоха, крикъ пошелъ по всей колоніи, «сдѣлался великій шумъ и сбѣжалось много колонистовъ». По праву гостеврѣшества, колонисты отняли разбойниковъ у Мартыненко и повезли ихъ въ другую колонию, къ военному начальнику, для освидѣтельствованія паспортовъ. Но Дегтяренко спасся и въ этомъ случаѣ, потому что паспорта оказались неподозрительными, личности разбойниковъ не внушали никакого сомнѣнія, насчетъ ихъ благонамѣренности, и разбойники были отпущены. Но послѣ того и за Волгой оставаться было не безопасно, и разбойникамъ приходилось думать о гетманщинѣ, куда они прежде желали пробраться. Снова переѣхали они на горную сторону Волги и снова побрели къ стану, къ табунщику Бурову, гдѣ и нашли оставленныхъ товарищей. Не было другого исхода, какъ покинуть саратовское намѣстничество, разстаться съ поволжьемъ, гдѣ окончательно погибала понизовая вольница, и искать новыхъ мѣстъ для удалыхъ походовъ. Притомъ время приближалось къ концу лѣта, всѣ поля были заняты народомъ, убравшимъ хлѣбъ, жизнь у стаповщиковъ оказалась невозможною, и Дегтяренко рѣшился разстаться съ товарищами навсегда.

Въ сентябрѣ 1781 года Дегтяренко, въ послѣдній разъ вывелъ въ поле свою найку и, доведя ее до истоковъ рѣчки Бузулука, распустилъ товарищей въ разныя стороны. Съ нимъ осталась только Мпрошниковъ, да и тотъ, потерявъ всякую возможность остаться въ поволжѣ, гдѣ его знали еще со времени разбоевъ атамана Рыжаго, думалъ пройти на Терекъ; въ моздокскія степи, куда стала мало-по-малу перебраться понизовая вольница и гдѣ еще можно было погулять и поголодать на сво-

бодѣ. Но Дегтяренко помнилъ свою далекую родину, «Гетманщину,» какъ онъ ее называлъ, и, разставаясь съ повозкѣмъ, гдѣ шатался безпріютнымъ бродягой, и голодалъ, и ходилъ въ лохмотьяхъ, и терпѣлъ униженіе, гдѣ наконецъ вѣствовалъ въ небольшомъ кругу, нагнѣвалъ шуму и тревоги, — хотѣлъ увести съ собою Мирошникова *). Однако намѣренія ихъ не исполнились: Алешка Поповичъ, котораго они нашли потомъ на одномъ изъ бузулудскихъ хуторовъ и просили написать имъ паспорта для проѣзда въ Малороссію, былъ схваченъ казаками и преданъ товарищей. Хотя они и были пойманы безъ оружія, однако скоро отыскалось и оружіе, которое они успѣли было скрыть **). Разбойникъ въ сначала погрозилъ на сушь въ Черкасскі, но съ дороги воротили въ Саратовъ, гдѣ Дегтяренко, послѣ «пристрастнаго» допроса, сознался въ своихъ преступленіяхъ. Но Алешка Поповичъ и Мирошниковъ, несмотря на допросъ подъ «пристрастіемъ батоговъ» и на увѣщанія судой и священника, не хотѣли открыть всего, въ чемъ были виновны.

Такъ какъ Мирошниковъ принадлежалъ иѣкогда къ шайкѣ атамана Рыжакъ, а онъ до сихъ поръ сидѣлъ въ царыцынской тюрьмѣ и судился вмѣстѣ съ прочими соучастниками своихъ похожденій, то и Мирошникова привезли въ Царыцынь, а Дегтярєвкѣ и Алешку Поповича отослали съ мѣста ихъ роины. Уже въ концѣ 1782 года кончилась судъ надъ царыцынскими арестантами, вступленія которыхъ подведены были подъ слѣдующія статьи законовъ.

По Соборному Уложенію, главы 2 ст. 4. «А будетъ кто умышленіемъ и измѣною городъ зажегъ или дворы, и въ то

*) «Намѣрень былъ (Мирошниковъ), отыскавъ билетъ проѣхать для празднаго жительства на Терекъ, который (Дегтяренко) ему выговорилъ: «Поѣдемъ-де на Бузулукъ, и тамъ съѣдемъ себѣ подорожную». Обѣщавъ ево съ собою провестъ въ Гетманщину».

**) «По доказательству казака Луки Минаева въ стогу вынута ево, Кузнецова (такъ назывался Мирошниковъ послѣ побѣга изъ царыцынской тюрьмы), снаряду два ружья, пистолеть, казачья лядунка, да труска черепашья, егарская, охотничья красной кожи потрощница и съ двадцатью тремя порохомъ наслѣнными патронами и вложеною въ нихъ смѣшанною съ пуговками дробью, одна казачья шашка, два дротика, полтора фунта въ мѣшкѣ пороху; снятъ съ него кафтанъ синей китайки, избита лѣвая пола пулею, а сзади дробью, да синей толстаго сукна азіямъ, шапка жаркова сукна, что все значитца къ подозрѣнію реченнаго Кузнецова, кромѣ Дегтярєва, коего разбойнической снарядъ взятъ особо въ куренѣ казака Кобтова», знакомаго намъ становщика.

время или послѣ того зажигальщикъ изыманъ будетъ и сыщется про то ево воровство до пряма, и его самого зжечь безъ всякаго мпосердія. »Гл. 10, ст. 228.» А будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ и послѣ того онъ будетъ изыманъ и зыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ нарочнымъ дѣломъ, и такова зажигальщика казнити сжечь.

Гл. 21, ст. 16. «А будетъ привести разбойника и его пытать, да будетъ онъ съ пытки повинница, что онъ разбивалъ впервые, а убивства не учинилъ, и у того разбойника за первый разбой послѣ пытки отрѣзать правое ухо да въ тюрьмѣ сидѣть три года, а животы его отдать въ выти песцамъ, а изъ тюрьмы вынимая его, посылати въ капдалахъ работать всякое издѣлье, гдѣ Государь укажетъ, а какъ онъ въ тюрьмѣ три года отсидитъ, послати въ украинные города, гдѣ государь укажетъ, и велѣти ему въ украинныхъ городахъ быти въ какой чинъ пригодится и дать ему по тому же письмо за дьячьсю приписью, что онъ за свое воровство въ тюрьмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущень.»

Ст. 12. «А которые разбойники говорятъ на себя въ распросѣ и съ пыткою, что они были на одномъ разбоѣ, да на томъ же разбоѣ учинили убивство или пожгли дворы или хлѣбъ, и тѣхъ разбойниковъ и за первый разбой казнити смертію.»

Къ этимъ статьямъ подведены были соотвѣтствующія мѣста Воинскаго артикула, и положено было слѣдующее рѣшеніе: *«По сентенціи присутствующихъ присоворено, въ силу воинскихъ правъ, подпоручика Носкова, капрала Архипова и солдата Горева повѣсити, Овчинникова, Гончарова и Журенкова колесовать и на колесо тѣла ихъ потомъ положить, а Старкова сжечь *)».*

*) Подпоручикъ Носковъ обвинялся въ пріемѣ воровскихъ вещей и въ потворствѣ разбойникамъ; а прежде этого, 1777 года, «за непорядочное солдата Драконова наказаніе паяками и за неучтивые и грубые передъ командиромъ ево, Носкова, отвѣты, написанные въ рапортѣ ево угрозы, арестованъ былъ на одну недѣлю на хлѣбъ и воду»; 1784 года, за приходъ въ канцелярію въ ночное время пьянымъ образомъ, за битіе солдата Боброва обнаженнымъ тесакомъ и за порубленіе ему руки и за битье жѣ стоящаго на часахъ солдата Карпова пинками и за посаженіе въ тюрьму въ цѣль, арестованъ былъ на три недѣли». Капралъ Архиповъ и солдатъ Горевъ его соучастники въ перекражѣ у воровъ воровскихъ вещей. *Овчинниковъ* это настоящая фамилія атамана *Рыжаго*; *Гончаровъ* — товарищъ *Рыжаго*, называвшійся *Стародуескимъ купцомъ*; *Журенковъ* тоже соучастникъ *Рыжаго*, *Старковъ* былъ не кто другой, какъ разбойникъ *Шагала*, что открыто было уже въ 1762 году, по безыменному письму, поданному неиз-

Прочіе разбойники становичики, знакомые Рыжаго, нѣсколько бабъ, какъ разбойничьихъ женъ, такъ и любовницъ, судились въ воеводской канцеляріи въ Царицынѣ, а соучастники Дегтяренка развезены были по другимъ городамъ, и такимъ образомъ были уничтожены двѣ послѣднія поволжскія шайки.

Восемьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени понмки послѣднихъ разбойничьихъ атамановъ, много измѣнили характеръ понизовой вольницы. Но съ восьмидесятыми годами прошедшаго столѣтія поволжская вольница не умерла окончательно, только разбойничьи шайки мельчали и рѣдѣли и атаманы становились все жалче и беспильѣе. Долго водились на Волгѣ небольшія партіи этихъ людей, разбойники «шалили» еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія у Самары, въ жегулевскихъ горахъ, но теперь уже ничего не слышно. Года три тому назадъ уничтожены наконецъ гардакютныя команды, и что въ родѣ древнихъ «высылокъ» и «разъѣздовъ» наблюдавшія за спокойствіемъ на Волгѣ, — потому что понизовая вольница обратилась окончательно въ бурлаковъ.

Но народная память, равнодушная къ громкимъ историческимъ именамъ, къ славіе преобразователей и великихъ администраторовъ, вѣрно сохраняетъ другія имена, незанесенныя на страницы исторіи. Народъ почти ничего не помнитъ изъ прошедшаго нашей родины, но хорошо знаетъ все, что имѣло отношеніе непосредственно къ нему и къ его спокойствію: у него своя исторія и свои громкія имена. Много полусказочнаго, полуправдиваго расскажетъ онъ и теперь про разбойника Быкова, дѣйствовавшаго около Казани въ сороковыхъ годахъ нынѣшня столѣтія, *) про разбойника Гусева, нѣсколько разъ бѣгавшаго изъ Сибири и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ограбившаго соборъ въ Саратовѣ. Народъ не знаетъ гармоническихъ стиховъ Пушкина и не сочувствуетъ имъ, а между тѣмъ охотно разучилъ и поетъ, передавая по всему поволжью, нескладную и нелѣпую пѣсню, сочиненную этимъ разбойникомъ, Гусевымъ, въ саратовскомъ острогѣ. Замѣчательно, что самъ народъ говоритъ, что эту пѣсню сложилъ Гусевъ. Мы приведемъ ее здѣсь, какъ образ-

вѣстнымъ человекомъ саратовскому намѣстнику Поливанову въ пріѣздъ его въ Царицынъ. Старковъ воспользовался именемъ умершаго малороссіянина и скрывался съ его паспортомъ.

*) Въ анатомическомъ кабинетѣ казанскаго университета находится бюстъ или слѣпокъ съ головы этого разбойника и скелетъ изъ его костей, потому что онъ, кажется, умеръ въ Казани, во время наказанія. Тамъ же мы видѣли скелетъ и бюстъ разбойника Чайкина.

чикъ повѣйшей народнои поэзіи. Странный размѣръ и присутствіе ризмы обнаруживаютъ знакомство разбойника съ повѣйшими ррерованщими пѣснями. Вотъ она :

Мы заочно, братцы, распротимси
 Съ бѣлой, каменной торьмой,
 Больше въ ней сидѣть не будемъ,
 Скоро въ путь поидемъ большой.
 Скоро насъ въ Сибирь погонять,
 Мы не будемъ унывать, —
 Намъ въ Сибири не бывать,
 Въ глаза ее не видать:
 Здѣсь дороженька большая,
 И съ пути можно бѣжать;
 Дерсушка стоитъ къ пути близко
 На краю — Самаръ-кабакъ,
 Цѣловальникъ намъ знакомый,
 Онъ изъ насъ же изъ бродягъ.
 За полнтофъ ему вина
 Только деньги заплатить,
 Кандалы съ насъ поснимаетъ,
 Можно будетъ намъ бѣжать.

Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,
 Въ свою сторону бѣжалъ?
 Никого ты не спросилъ,
 Кромѣ сердца своего.
 Прежде былъ ты, веселился,
 Какъ имѣлъ свой капиталъ,
 Съ товарищами поводился,
 Капиталъ свой промоталъ.
 Капиталу не смстало
 Во неволю жить попастьъ,
 Во такую во неволю
 Въ бѣзый каменный острогъ.
 Во неволѣ сидѣть трудно,
 Но кто знаетъ про нее?
 Посадили насъ на недѣлю
 Мы сидѣли круглый годъ.
 За тремя мы за стѣнами
 Не видали свѣтлый день;
 Но небесъ, Господь творецъ съ нами,
 Часты звѣзды намъ въ ночи сіяли,
 Мы и тугъ зарю видали
 Мы и тугъ не пропадемъ!
 Часты звѣзды потухали,
 Заря бѣла занялася,
 Какъ зоринька занялася,
 Барабанъ зарю пробилъ
 Барабанушка пробивалъ,

Ключникъ двери отпираеть;
 Ключникъ двери отпираеть,
 Офицеръ съ требой идетъ,
 Всѣхъ на имя насъ зоветъ:
 Одѣвайтесь, ребятенки,
 Въ свѣи сѣры чапаны,
 Вы берите сумочки, котомки,
 Вы сходите сверху внизъ,
 Говорите всѣ одну рѣчь.
 Что за шутова коляска
 Проявилась въ городу?
 Коней пару запрегаютъ,
 Подаютъ ее сейчасъ;
 Подаютъ эту коляску
 Ко парадному крыльцу,
 Сажаютъ бѣднаго мальчишку
 Меня задомъ напередъ,
 Подвозили бѣднаго мальчишку
 Къ знафотному столбу.
 Палачъ Оедька разбѣжался,
 Меня за руки беретъ,
 Становитъ меня, мальчишку,
 У траурнаго столба,
 Велятъ мнѣ бѣдному мальчишкѣ,
 На восходъ солнца молиться,
 Со всѣмъ міромъ проститься
 Палачъ Оедька разбѣжался,
 Рубашонку разорвалъ,
 На машину меня клалъ.
 На машину меня клали,
 Руки, ноги привязали
 Сыромятнымъ ремнемъ.
 Берегъ Оедька кнутя въ руки,
 Закричалъ: братъ, берегись!
 Онъ ударилъ въ первый разъ
 Попились слезы изъ глазъ;
 Онъ ударилъ другой разъ
 Закричалъ я: помидуйте насъ!... *)

*) Пѣсня эта, вѣроятно, сложена въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда Гусевъ, послѣ убійства соборнаго сторожа, былъ вторично (или въ третій разъ) пойманъ и сидѣлъ въ острогѣ. Въ пѣснѣ прощанье съ товарищами и описаніе позорнаго наказанія кнутовъ; «шутова коляска» — позорная колесница; палачъ Оедька, очень популярное лицо. — Самарь-кабакъ и цѣловальникъ напоминаютъ «Бродягу» И. С. Аксакова.